

зале 19
шкафъ
полка
3

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XIX, вып. 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

Бракъ у чувашъ. Свящ. К. П. Прокошева	1—63.	на XII археологическомъ сѣздѣ въ Харьковѣ. Д. В. Васильева 87—86.
Замѣтка проф. А. А. Штукенберга (съ рисункомъ)	64—65.	Проектъ инструкціи для членовъ редакціонной комиссіи Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ
О новой находки слѣдовъ доисторической разработкѣ уральскихъ рудниковъ. Проф. П. И. Кротова (съ 3 рис. на отдѣльномъ листѣ)	66—68	89—90.
Памяти А. А. Дмитріева († 1 іюня 1903 г.). Проф. И. М. Покровскаго	69—80.	
Церковно-археологическіе вопросы		Приложеніе Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ. Дѣйстви. члена А. Алектова
		433—464.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета

1903.

Вышелъ 21 февраля.

5311

П 22

1983

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XIX, вып. 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

Бракъ учувашъ. Свящ. К. П. Прокошьева 1—63.	на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ. Д. В. Васильева 87—86.
Замѣтка проф. А. А. Штукенберга (съ рисункомъ) . . . 64—65.	Проектъ инструкции для членовъ редакціонной комиссіи Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 89—90.
О новой находки слѣдовъ доисторической разработки уральскихъ рудниковъ. Проф. П. И. Кротова (съ 3 рис. на отдѣльномъ листѣ). 66—68.	
Памяти А. А. Дмитриева († 1 іюня 1902 г.). Проф. И. М. Покровскаго 69—80.	
Церковно-археологическіе вопросы	Приложеніе:
Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ. Дѣйств. члена А. А. Лекторова 433—464.

КАЗАНЬ.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
1903.

Вышелъ 21 февраля.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологія, Исторія и
Этнографія при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.
Секретарь Общества Н. Гордатовъ.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологія, Исторія и
Этнографія при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.
Секретарь Общества Н. Горталовъ.

БРАКЪ У ЧУВАШЪ.

Въ разное время и разными лицами написано не мало статей и замѣтокъ о бракѣ чувашъ. Краткія замѣтки по этому вопросу находятся въ этнографическихъ трудахъ исторіографа Миллера ¹⁾, академиковъ Палласа, Георги, Рычкова и Лепехина ²⁾. Но эти замѣтки весьма кратки, неполны, при томъ—въ нихъ немало ошибокъ и неточностей. Это вполне понятно: указанные ученые пробыли въ Казанскомъ краѣ сравнительно не долго; языка мѣстныхъ инородцевъ они не понимали, поэтому знакомились съ бытомъ инородцевъ черезъ толмачей; нѣкоторые изъ нихъ сами лично не были даже ни въ одномъ инородческомъ селеніи и свои замѣтки писали на основаніи рассказовъ разныхъ служилыхъ людей г. Казани. Болѣе подробныя описанія чувашскаго брака находимъ въ этнографическихъ трудахъ и замѣткахъ, от-

¹⁾ Возвращаясь въ 1743 г. изъ ученаго путешествія по Сибири, онъ остановился въ Казани, собралъ нѣсколько свѣдѣній объ инородцахъ здѣшней губерніи и составилъ сочиненіе „Описаніе живущихъ въ Казан. губ. языческихъ народовъ“.

²⁾ Въ 1768—1773 гг. по повелѣнію Императрицы Елисаветы II многіе изъ членовъ Академіи Наукъ были отправлены въ ученое путешествіе для описанія Россіи. Изъ нихъ названные выше академики посѣтили и описали между прочимъ и Казанскій край. Они благосклонно удостоили своего вниманія и чувашъ.

посещающихся къ прошлому вѣку, именно: у г-жи А. А. Фуксъ ¹⁾, у В. Сбоева ²⁾, у Прот. В. П. Вишневецаго ³⁾, у г. Нурминскаго ⁴⁾, у священника П. Каменскаго ⁵⁾, у В. К. Магнитскаго ⁶⁾, у свящ. Гр. Львова ⁷⁾. Во всѣхъ указанныхъ трудахъ, за исключеніемъ статьи г. Магнитскаго (въ Каз. Губ. Вѣд.), чувашскій бракъ описывается только со стороны обрядовой, и то часто съ ошибками, и почти не затрагиваются вопросы юридическаго (правового) характера, какъ-то: о возрастѣ брачующихся, о родствѣ, о правахъ мужа и жены и др. При томъ, всѣ указанные авторы, говоря о бракѣ чувашъ, имѣли въ виду чувашъ только Казанской губ., преимущественно Чебоксарскаго и Идринскаго уѣздовъ, и совершенно не касаются чувашъ другихъ губерній. Между тѣмъ, насколько можно судить по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ ⁸⁾, брачный ритуаль въ наиболѣе полной формѣ сохранился у чувашъ Симбирской губ. Поэтому, кажется, не лишня и не безынтересна будетъ для желающихъ познакомиться съ бытомъ и положеніемъ инородцевъ наша попытка описанія и изслѣдованія брака чувашъ.

¹⁾ Записки о Чувашахъ; стр. 26—71; также въ сборн. „Этнографія и статистика Каз. Губ.“ 1834 г., стр. 162—170, 211—212.

²⁾ Изслѣдованіе объ инород. Каз. губ. Казань, 1856 г., стр. 26—40; 75—76; 81, 158—162.

³⁾ О религ. повѣрьяхъ чувашъ, стр. 20—25.

⁴⁾ „Шнор. приходы.“ Прав. Обзор. 1863 г., ноябрь.

⁵⁾ Соврем. остат. язык. и проч. Казань, 1879 г., стр. 26—29.

⁶⁾ „Очеркъ юридич. быта чувашъ“. Каз. Губ. Вѣд. 1868 г., №№ 85—89, 93; его же „Матер. къ объясн. стар. чув. вѣры., стр. 200—218.

⁷⁾ „Язык. браки чув.“ Извѣст. по Каз. еп. 1898 г. № 10.

⁸⁾ Осенью 1901 г нами были разсланы вопросныя пункты относительно брака чувашъ къ знакомымъ инородческимъ священникамъ разныхъ губерній. на когорые и получены отвѣты отъ слѣдующихъ священниковъ: с. Шемурши, Симбир. г.. Ф. П. Иванова; с Новыхъ Алгашей, Симб. г., В.

Форма заключенія брака. Брачный ритуаль у чувашъ бываетъ полный и неполный. Первый—когда чувашинъ женить сына „сураҫса“, т. е. по предварительному *согласію и договору* съ невѣстой и ея родителями. Второй—когда чувашинъ женить сына „вѣрласа“, т. е. *похищая невѣсту*. Въ послѣднемъ случаѣ свадебный ритуаль совершается наскоро, съ значительными сокращеніями. Опишемъ первый, предварительно замѣтивъ, что брачный ритуаль совершается у чувашъ одинаково какъ у язычниковъ, такъ и у христіанъ.

Сватовство. Чувашская молодежь знакомится другъ съ другомъ чаще всего въ хороводахъ, которые начинаются недѣли за три до Троицы и продолжаются до „Семика“ ¹⁾, а мѣстами до сѣновоса. Для знакомства съ молодежью чужихъ деревень служатъ „посидѣнки“ ²⁾, катанья съ горь, куда выходятъ и пріѣхавшія изъ чужихъ деревень на посидѣнки дѣвушки (ларма хѣрсем), и базары. „Едва-ли кто такъ любитъ посѣщать базары, какъ чуваша; верѣдно они ѣздятъ на нихъ ни для чего болѣе, какъ, по ироническому выраженію русскихъ, „базаръ дѣлать“, и не отказываютъ въ этомъ удовольствіи обоюго пола молодежи, гдѣ послѣдняя и знакомится для будущихъ супружескихъ связей“ ³⁾. Поэтому нисколько не удивительно, что самъ женихъ у чувашъ на сватовство не ѣздитъ. Родители, задумавшіе женить сына, спрашиваютъ его, есть-ли у него на примѣгѣ невѣста, и въ большинствѣ слу-

Д. Дмитріева; с. Табурданова, Каз. г., В. Е. Ефремова; с. Стюхина, Самар. г., А. С. Михайлова. Многое о бракѣ чувашъ извѣстно пишущему эти строки, какъ природному чувашину, изъ личныхъ наблюденій и разспросовъ чувашъ разныхъ мѣстностей.

¹⁾ Праздникъ, начинающійся въ четвергъ предъ Троицей.

²⁾ Чуваш. дѣвушки очень любятъ ѣздить зимою къ родственникамъ съ прижей на посидѣнки.

³⁾ Магнитскій, Каз. Губ. Вѣд. 1868 г., № 86.

чаевъ получаютъ утвердительный отвѣтъ. Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта родители сами указываютъ ему невѣсту въ своей или въ одной изъ сосѣднихъ деревень, послѣ чего начинается сватовство. Родители ѣдутъ въ ту деревню, гдѣ живетъ невѣста, и останавливаются у родственника или знакомаго, котораго намѣтили выбрать „сватуномъ“ (невѣ), ходатаемъ или посредникомъ въ дѣлѣ сватовства. Узнавъ о цѣли ихъ приѣзда, сватунъ отправляется къ родителямъ невѣсты. Начинается бесѣда. Сначала идетъ рѣчь о постороннихъ предметахъ, потомъ постепенно и незамѣтно сватунъ сообщаетъ родителямъ невѣсты о цѣли своего прихода. Невѣста, смеянувъ въ чемъ дѣло, тотчасъ же уходитъ или въ кѣтъ (лѣтомъ), или къ сосѣдямъ (зимой). Разспросивъ о состояніи родителей жениха, о ихъ роднѣ, родители невѣсты, если найдутъ возможнымъ принять предложеніе, посылаютъ къ дочери сноху (если есть таковая въ домѣ, а если нѣтъ, идетъ сама мать) спросить, согласна-ли она выйти замужъ за такого-то. Въ случаѣ полученія утвердительнаго отвѣта между сватуномъ и родителями невѣсты начинается разговоръ относительно приданаго и калыма. Калымъ—денежная плата жениха за невѣсту—бываетъ, смотря по состоянію договаривающихся сторонъ, отъ 40 до 200 руб. и болѣе и соразмѣряется съ количествомъ и качествомъ приданаго. Въ составъ приданаго входятъ: лошадь (кобыла) или, по бѣдности, жеребенокъ, корова или телка, нѣсколько штукъ овецъ, шуба, кафтанъ, перина, подушки, войлокъ, женскія туалетныя, головныя и нагрудныя принадлежности изъ бусъ и серебряныхъ монеть, какъ-то: хушпу, тевет, ала, шелвеме и др. ¹⁾ Всѣхъ туалетныхъ принадлежностей въ общей сложности бываетъ на сумму отъ 10 до 100 руб. и болѣе; кромѣ того выговаривается нѣсколько рубахъ и портовъ для жениха, подарки для жениховыхъ родителей, братьевъ и сестеръ, для родственни-

¹⁾ Подробное описаніе ихъ см. у г. Магнитскаго, Каз. Губ. Вѣд. 1868 г., № 85.

ковъ его, на которыхъ во время свадьбы будутъ возложены тѣ или другія „должности“. Въ Казанской губ., по сообщенію г. Магнитскаго, кромѣ того выговаривается еще для жениха: шалба, кушакъ, рукавицы и лапти ¹⁾). Общая (приблизительная) стоимость приданого и составить размѣръ калыма, съ надбавкой нѣкоторой суммы на справленіе брачнаго пиршества. Кромѣ денежнаго калыма выговаривается еще съ жениха въ пользу невѣстиной стороны нѣсколько четвертей водки, немного краснаго вина (для непьющихъ водки), отъ 10 ф. до 1 п. меду. По окончаніи договора относительно калыма и приданого, назначается день для формальнаго празднованія сватовства (сурасма). При этомъ строго наблюдается, чтобы сватовство не падало на тяжелый день, какъ-то: понедѣльникъ, среду. Иногда при этомъ совѣтуются даже съ „йомзей“ (знахарь, ворожея). Договорившись и условившись обо всемъ, сватунъ уходитъ домой, гдѣ ждутъ его родители жениха. Уходя изъ дому невѣсты, онъ оставляетъ тамъ кнутъ, почему и самый этотъ актъ брачнаго ритуала—предварительнаго сговора—называется „пушъ пѣрахни“—бросаніе или оставленіе кнута. Кнутъ этотъ служитъ внушительнымъ знакомъ того, что договоръ состоялся и что онъ не долженъ быть нарушенъ. Случаи нарушенія этого договора все-таки бываютъ, хотя и очень рѣдко. Въ такомъ случаѣ кнутъ возвращаютъ обратно сватуну, почему и самый разладъ дѣла обозначается терминомъ: „пушъ тавѣрнѣ“—кнутъ возвращенъ.

Во дню, назначенному для формальнаго сватовства, родители жениха и невѣсты варятъ пиво, покупаютъ вина, пекутъ „хѣпарту“ (хлѣбъ вродѣ ситнаго), припасаютъ „чигиты“ (сыръ). Въ назначенный день родители жениха, созвавши ближайшихъ родственниковъ и захвативши гостинцевъ: вина, пива, хлѣба и сыра, отправляются съ ними „сватать“ невѣсту (безъ жениха). При этомъ обращается вниманіе на то, чтобы число гостей, ѣдущихъ на сватовство, а равно и число

¹⁾ Тамъ-же.

хлѣбовъ и чигитовъ было никакъ не четное, такъ какъ жепухъ и невѣста не составляютъ еще брачной пары. Исключеніе при этомъ дѣлается только для „йваѣа“¹⁾, которыхъ берется очень много, безъ счету, чтобы у молодыхъ было много дѣтей. „Предъ выѣздомъ со двора наблюдается, чѣмъ испражнятся заложеныя лошади во время сборовъ—мочей или каломъ; если первой, то поѣздъ откладывается, потому что моча предвѣщаетъ преждевременную и непрѣвѣнную смерть жениха или невѣсты“²⁾. По сообщенію г. Миллера чуваши предъ выѣздомъ на сватовство колютъ пѣтуха: „Наипаче всего напередъ знать желаютъ, щастлива или нещастлива оная ѣзда будетъ; и того ради на дорогѣ предъ воротами колютъ пѣтуха и на землю бросаютъ. Если заколотый пѣтухъ не трепещется, то та ѣзда будетъ щастлива; буде-же онъ трепетаться будетъ, то они опасаются нещастія, и для того остерегаются“³⁾. „По выѣздѣ за ворота поѣзжане молятся на всѣ четыре стороны, знаменуя себя крестнымъ знаменіемъ (если брачующіеся—христіане); дорогой на перекресткахъ поѣздъ останавливается и бросаются мѣдныя деньги, кусочки хлѣба и сыра изъ взятыхъ въ суму (чтобы „ирѣ-хайар сарѣлтѣр“—разсѣялись злые духи), монеты и хлѣбъ бросаютъ также въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по близости находятся „иремети“ (мѣста обитанія злыхъ духовъ)⁴⁾. По приѣздѣ въ деревню невѣсты поѣздъ останавливается у сватуна и отражаетъ его къ родигелямъ невѣсты спросить: могутъ-ли и готовы-ли они принять гостей. Тѣ отвѣчаютъ: „если Богомъ суждено вмѣстѣ намъ жить, пусть придутъ, готовы мы“. Услышавъ согласіе, гости идутъ въ домъ невѣсты, гдѣ уже къ тому времени собрался ближайшіе родственники невѣсты. Послед-

¹⁾ „Йваѣа“—четыреугольныя и ромбовидныя печенія.

²⁾ Магнитскій, Каз. Губ. В. 1868 г., № 86.

³⁾ Описан. живущ. въ Казан. губ. языческ. народовъ. СПб. 1791 г. стр. 75.

⁴⁾ Вишневскій, стр. 24—25.

няя предъ приходомъ жениховой родни, нарядившись въ лучшее платье и дѣвчья украшенія, уходитъ опять въ амбаръ или къ сосѣдямъ. Жениховы родители, окончательно договорившись здѣсь предъ гостями о приданомъ и казымъ, отдаютъ тутъ же весь казымъ или часть его; въ послѣднемъ случаѣ недоданная часть казыма отдается послѣ, но непременно до свадьбы. Послѣ этого родители жениха выставляютъ на столъ всѣ гостинцы, привезенные изъ дому. Тѣмъ временемъ приходитъ сюда, по приглашенію, невеста и начинаютъ варить „хѣр шѣрпи“ (дѣвчью похлебку) непременно съ яйцами, употребленіе которыхъ служитъ знакомъ желанія, чтобы у молодыхъ было много дѣтей. Похлебку варятъ не пожилыя женщины, а непременно дѣвушки. Когда похлебка будетъ готова, ее наливаютъ въ блюдо и ставятъ на столъ. Дѣвушки разламываютъ (непременно разламываютъ, а не разрѣзаютъ ножомъ, даже нельзя разламывать, надавливая ногтемъ) привезенные гостинцы на кусочки и кладутъ ихъ предъ гостями. Затѣмъ, пріотворивъ немножко дверь, всѣ присутствующіе встаютъ на ноги, а родители жениха и невесты и нѣкоторые изъ гостей берутъ въ руки по ковшу шива и ктонибудь изъ присутствующихъ, болѣе свѣдущій въ молитвословіяхъ чувашъ, начинаетъ говорить молитву, обращаясь къ двери: „эй, бесмелле, аминь! на небѣ—Богъ, на землѣ—Царь: вамъ ¹⁾ молимся благопристойными устами, отъ чистой души и добраго сердца: да подастъ имъ (молодымъ) Господь доброе здоровье, знакомство съ добрыми людьми, да пошлетъ имъ многочадіе и долгоденствіе, чтобы дожить имъ до сѣдыхъ волосъ; да направитъ ихъ такъ, чтобы они при встрѣчѣ со старшими называли ихъ дядей, при встрѣчѣ съ младшими называли ихъ братцами, при встрѣчѣ со старухой—бабушкой, при встрѣчѣ съ дѣвушками—сестрицами“ ²⁾...

¹⁾ У чувашъ личность Царя окружается почти ореоломъ Божества.

²⁾ „Эй, пѣсмелле, аминь! сѣлте—Турă, сѣрте—Патша, сире кѣл-тăватпăр лайăх фѣлхе-сăварпа, таса ъунна, ыра“

Нужно замѣтить, что у чувашъ нѣтъ однообразія въ молитвахъ: одна и та же молитва въ одной и той же мѣстности употребляется съ разными варіаціями, съ сохраненіемъ лишь общаго смысла. Настоящая молитва записана въ дер. Три-Избы-Шемуршѣ, Буин. у. По совершеіи молитвы мать невѣсты по кусочку хлѣба и сыра бросаетъ на печь въ честь домового, часть пива изъ ковша выливаетъ у двери и въ очагъ, остальное уже выпиваетъ сама въ честь благополучно начатаго дѣла. Пьютъ и другіе, приговаривая: „йўсё ёссе тутлѣ каласмалла пултѣр“ = пусть будетъ такъ, чтобы пить намъ горько, говорить сладко. Послѣ этого чиппо садятся за столъ и начинаются угощеніе. Въ концѣ пива невѣста раздаетъ подарки: для жениха рубаху, отцу женихову и сватуну холста на рубаху, жениховой матери—сурбанъ ¹⁾, остальнымъ гостямъ по небольшому куску холста. Получивъ подарки, гости повязываютъ ихъ на руки выше локтя или вѣшаютъ за кушакъ, чтобы всѣмъ было видно, и съ пѣснями возвращаются домой. Подарки они вѣшаютъ дома на видномъ мѣстѣ и показываютъ каждой посѣтительницѣ. Посѣтительницы съ интересомъ рассматриваютъ подарки и, потерявши ими губы, возвращаютъ хозяевамъ со словами: „пусть живутъ до сѣдыхъ волосъ“. По качеству подарковъ онѣ составляютъ мнѣніе о достоинствахъ невѣсты, хорошо-ли она умѣетъ ткать и шить, или нѣтъ. Такъ заканчивается второй актъ брачнаго ритуала чувашъ.

кѣмѣлпа, ырѣлѣх-сывлѣх патѣр, лайлѣх сынна паллашпа патѣр, аѣа-пѣлѣлѣ пултѣр, ватѣлса шура сўслѣ пултѣр пурѣлѣр; ватѣсене курсан пѣлѣ темелле пултѣр, сѣмрѣксене курсан шѣлѣлѣ темелле пултѣр, карѣлѣка курсан асанне темелле пултѣр, сѣмрѣк хѣрсене курсан йѣмѣл темелле пултѣр“.

¹⁾ Сурбанъ—длинное полотенце съ красными каймами, которымъ замужнія женщины повязываютъ голову такъ аккуртно, чтобы ни пряди волосъ не видно было. Онъ не снимается даже въ самую жаркую пору, даже во время жнитва.

Въ Казанской губ., по описанію г. Магнитскаго, эти два акта—предварительный сговоръ и формальное сватовство—совершаются вмѣстѣ, въ первый же пріѣздъ ¹⁾). Но это, очевидно, ошибка. Формальному сватовству, по нашему мнѣнію, непременно долженъ предшествовать предварительный сговоръ въ такомъ или иномъ видѣ. Странно было-бы со стороны родителей жениха, если-бы они, не узнавши предварительно, принято будетъ ихъ предложеніе или нѣтъ, поѣхали къ нимъ прямо съ цѣлымъ поѣздомъ и съ гостинцами! Да и родители невѣсты должны же приготовиться заранее къ ихъ пріѣзду.

Черезъ нѣсколько времени послѣ сватовства оба свата, отцы жениха и невѣсты, вмѣстѣ выѣзжаютъ на базаръ, взявши съ собой и жениха съ невѣстой. Родитель невѣсты покупаетъ тутъ приданое для невѣсты и разныхъ платковъ и тканей, которые должны идти въ подарокъ жениху и его роднѣ. Окончивъ покупку, сватья заходятъ въ кабакъ или на квартиру, гдѣ въ пріятной бесѣдѣ распиваютъ полштофъ водки, а женихъ съ невѣстой ходятъ въ это время по базару и знакомятся другъ съ дружкой, при чемъ женихъ угощаетъ невѣсту орѣхами и пряниками. Затѣмъ каждый ѣдетъ по своимъ домамъ. Изъ купленнаго товара невѣста со своими подругами начинаетъ шить приданое и подарки для жениховой родни. За нѣсколько дней до свадьбы родитель жениха еще разъ бываетъ у родителей невѣсты для окончательныхъ переговоровъ относительно свадьбы. Жениховъ родитель сообщаетъ будущему свату о томъ, сколько подводъ и верховыхъ будетъ у него въ свадебномъ поѣздѣ. Если женихъ и невѣста—христиане, то тутъ же назначается день вѣнчанія. Это свиданіе носитъ особое названіе: „күмүль чалъ“—въ Казан. губ. ²⁾), и „пăлăв“—въ Симбир. г. ³⁾) Смыслъ и того, и другого названія намъ непонятенъ.

¹⁾ Каз. Губ. Вѣд. 1868, № 86.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Рукопись свящ. с. Шемурши о. Иванова.

Въ условленный для бракосочетанія день, обыкновенно за 3—4 дня до свадьбы, иногда и за недѣлю, неvěста съ кѣмъ нибудь изъ ближайшихъ своихъ родственницъ прїѣзжаетъ въ церковь того прихода, къ которому принадлежитъ женихъ. Женихъ является въ церковь со свидѣтелями. По окончаніи вѣнчанія неvěста, ни слова не перемолвивъ съ женихомъ, ѣдетъ домой, а женихъ—въ свой домъ и не видится съ неvěстой ¹⁾ до самой свадьбы.

По поводу этого обычая г. Сбоевъ пишетъ; „Въ настоящее время брачный поѣздъ совершается не вездѣ одинаково: индѣ бываютъ поѣзды *малый* и *большой*,—дѣленіе, которое прежде было вовсе неизвѣстно. Малый поѣздъ есть просто поѣздъ жениха и неvěсты со свидѣтелями въ церковь для бракосочетанія, поѣздъ тихій, скромный, трезвый, несопровождаящийся никакими особенными церемоніями. По окончаніи бракосочетанія, молодая ѣдетъ въ свой домъ, а женихъ—въ свой. Я думаю, что наше православное духовенство особенно содѣйствовало и благопріятствовало учрежденію этого малаго поѣзда, замѣтивъ въ большомъ нѣкоторыхъ слѣды язычества и не желая, чтобы таинство христіанское совершалось надъ пьяными и при пьяныхъ свидѣтеляхъ. Это отдѣленіе христіанскаго обряда и таинства отъ шумныхъ оргій дѣлаетъ честь попечительности и заботливости духовенства о своей паствѣ“ ²⁾. Конечно, обычай этотъ самъ по себѣ хорошъ и весьма похваленъ, въ томъ отношеніи, что чуваша прїѣзжаютъ въ церковь къ бракосочетанію въ трезвомъ и благопристойномъ видѣ. Но источникъ его происхожденія, по нашему твердому убѣжденію, нельзя видѣть въ попечительности и заботливости нашего духовенства о своей паствѣ. Объясняется это тѣмъ, что чуваша, до сихъ поръ еще сильно приверженные къ прежнимъ

¹⁾ Собственно, она уже жена ему, но пока не сыграна свадьба и пока она не надѣла еще на голову сурбана, она у чувашъ не считается еще женою.

²⁾ Изслѣдов. объ инородцахъ, стр. 31.

языческимъ обычаемъ, не придаютъ существеннаго значенія христіанскому таинству брака и совершаютъ его заблаговременно для того, чтобы послѣ, во время свадьбы, не хлопотать и не путаться съ нимъ. По ихъ убѣжденію, пока не выполненъ еще отцами и прадѣдами установленный брачный ритуалъ и пока на голову молодой не возложенъ еще сурбанъ, молодые не могутъ вступить въ супружескія отношенія, хотя бы они были вѣнчаны. Поэтому молодая и послѣ вѣнчанія продолжаетъ пользоваться эпитетами, приличествующими только дѣвушкамъ. Наоборотъ, въ случаѣ заключенія брака черезъ похищеніе невѣсты, молодая, тотчасъ послѣ свадьбы вступаетъ въ супружескія связи съ мужемъ и живетъ въ его домѣ, хотя вѣнчаніе въ такихъ случаяхъ откладывается часто на мѣсяць, полгода, и даже на нѣсколько лѣтъ. И это чувашами вовсе не считается развратомъ, хотя развратъ сильно осуждается ими и встрѣчается между ними, какъ рѣдкое явленіе.

Въ Казан. губ. въ нѣкоторыхъ приходахъ бракосочетаніе бываетъ въ самый день свадьбы и молодые послѣ вѣнца со всѣмъ свадебнымъ поѣздомъ тотчасъ отправляются въ домъ жениха ¹⁾.

Вернемся къ описанію брачнаго ритуала. Итакъ, день свадьбы уже назначенъ, христіанское бракосочетаніе совершено. Остается сыграть свадьбу. Свадьба у жениха и невѣсты начинается въ одинъ день, но совершаются отдѣльно и сходятся только на вторые сутки. Наканунѣ свадьбы одинъ мальчикъ или парень наряжается верхомъ для оповѣщанія родныхъ и односельчанъ о свадьбѣ. „Пихравсѣ“ (вѣстовой) ѣздитъ и выкрикиваетъ: „такой-то дочь выдаетъ, такой-то сына женить, пожалуйте на свадьбу: старые — пиво пить, молодые — свадьбу смотрѣть; всѣ, кто только въ состояніи дышать и ползать, идите свадьбу смотрѣть; „сарѣ“ ²⁾ привѣшивайте,

¹⁾ См. у Магнитскаго, Матер. къ объясн. стар. чув. вѣрн., стр. 213.

²⁾ Сарѣ — принадлежность туалета дѣвушки, привѣшивается сзади.

порты надѣвайте, а рубахи выговорены оттуда¹⁾, т. е. отъ невѣсты¹⁾).

Свадьба жениха. На слѣдующій день родственники жениха, приблизительно около полудня, собираются въ домъ жениха. Прежде всего въ амбарѣ совершается одѣваніе жениха. Надѣваютъ на него новое и чистое бѣлье, новый кафтанъ или халатъ, подпоясываютъ кушакомъ, на руки — большія кожаныя рукавицы, сверхъ халата на слипѣ пришиваютъ „кѣрү сурпанс“²⁾, сверхъ него — „сулак“³⁾, на голову надѣвается мѣховая шапка, а въ руки дается ременная толстая нагайка (саламат). Въ Казан. губ. на шею ему надѣваютъ еще бисерное ожерелье⁴⁾. Въ этомъ одѣяніи женихъ остается до конца свадьбы, даже въ избѣ сидитъ онъ непремѣнно въ кафтанѣ и шапкѣ, хотя бы и въ самую жаркую пору. Нагайка дается для отогнанія злыхъ духовъ и предотвращения всякихъ наговоровъ злыхъ людей. Когда свадебный поѣздъ ѣздитъ изъ дома въ домъ по роднымъ жениха, женихъ при въѣздѣ въ каждый домъ ударяетъ нагайкой въ ворота, въ косяки дверей при входѣ въ сѣни и въ избу, и въ подушку, на которой онъ долженъ сидѣть во время пиршества. Пока женихъ одѣвается, скрипачъ⁵⁾ играетъ на скрипкѣ. Одновременно съ женихомъ одѣваются тутъ же разныя должностныя лица: мѣн-кѣрү, туй-пуцѣ, уртакѣ. Одѣваніе ихъ простое и состоитъ въ томъ, что сверхъ кафтана они подпоясываются бу-

¹⁾ Чув. текстъ: „Ҙав сын хѣр парат, Ҙав сын нѣл авлантараѣ, атѣр туйа: ваттисем сѣра ёҘме, Ҙамрѣксем-туй курма. СѣмсиҘе сывлан, куҘёпе шѣван-пырѣр туй курма; сарѣ Ҙавѣр, йѣм тѣхѣнѣр, кѣпе лерен каласнѣ“.

²⁾ Это — короткое полотенце, съ вытканными на концахъ весьма красивыми узорами; дарится оно для жениха невѣстой во время сватовства.

³⁾ Это — треугольный платъ съ бахромами на концѣ.

⁴⁾ Каз. Губ. Вѣд. 1868, № 88.

⁵⁾ Въ Каз. г. вмѣсто скрипки употребляются пузырь и гусли.

шакомъ, къ кушаку привѣшиваютъ платокъ, а уртакъ сверху того перевѣшиваетъ черезъ правое плечо двѣ кожаныя сумки. Обязанности указанныхъ лицъ состоятъ въ слѣдующемъ. „Мян—кѣрү“,—церемоніймейстеръ, хлопотунъ; онъ произноситъ вездѣ рѣчи или спичи (такмак). Должность эта очень хлопотливая, требующая большой опытности. Онъ долженъ быть остроуменъ, находчивъ и хорошій знатокъ свадебныхъ церемоній. „Туй—пусѣ“,—начальникъ свадебнаго поѣзда, администраторъ. Онъ надзираетъ за свадебнымъ поѣздомъ, онъ сообщаетъ всѣмъ, къ кому долженъ заѣхать поѣздъ, слѣдить—всѣ-ли въ поѣздѣ цѣлы и невредимы. Ѣздитъ всегда предъ поѣздомъ. Онъ не долженъ быть пьянымъ. „Уртакъ“—носильщикъ сумокъ со съѣстными припасами. Въ каждомъ домѣ, гдѣ бываетъ свадебный поѣздъ, онъ беретъ со стола понемногу сыра, жаренаго и засушеннаго мяса (шѣрттан) и хлѣба. Когда поѣздъ переѣзжаетъ изъ одной деревни въ другую, начальникъ въ полѣ останавливаетъ поѣздъ и спрашиваетъ, не угодно-ли кому закусить. Желающіе и адресуются тогда къ уртакъ. Въ Казан. г. уртакъ называется „кѣсѣн—кѣрү. Кроме ношенія сумокъ на немъ лежитъ обязанность вести за поводъ лошадь музыканта при переѣздѣ поѣзда изъ дома въ домъ, такъ какъ музыкантъ долженъ и во время переѣздовъ, сидя верхомъ на лошади, играть на своемъ инструментѣ.

Пока женихъ одѣвается, въ избѣ всѣ гости сидятъ чино и ждутъ. Родители жениха сидятъ за столомъ съ наполненными пивомъ ковшами. По окончаніи обряда одѣванія женихъ въ сопровожденіи „мян—кѣрү“ и „туй—пусѣ“, входитъ въ избу, подходитъ къ столу, дѣлаетъ земной поклонъ родителямъ и становится предъ ними на колѣни, собственно—на корточки. Отецъ благословляетъ его со словами: „дѣтя мое! съ нынѣшняго дня ты отдѣляешься отъ нашей постели и отъ нашего бѣлья: да пошлетъ тебѣ Богъ здоровье, многочадіе, долгоденствіе, чтобы дожить вамъ съ подругой до сѣдыхъ волосъ, при встрѣчѣ со старшими—дядей ихъ называй, при встрѣчѣ съ младшими—братцами ихъ называй; отъ зла отвра-

шайся, къ добру навстрѣчу иди" ¹⁾). Тогда отецъ и мать жениха выпиваютъ имѣющееся въ ихъ ковшахъ пиво, наливаютъ вновь и подаютъ, здравствуясь (тав—туса), одинъ—церемоніймейстеру, а другая—начальнику поѣзда. Первому подается пиво въ совершенно новомъ ковшѣ и, подавая ему, отецъ произноситъ слѣдующія слова; „ак сана пѣр курка, йна йудташ тепѣр курка п.лсе кил“ — вотъ тебѣ одинъ ковшъ, привези обратно пару ковшей. Церемоніймейстеръ выпиваетъ пиво, а ковшъ отдаетъ посылщнику, который прячетъ его въ кожаную сумку. Послѣ, мы увидимъ, онъ кладетъ туда другой ковшъ, которымъ отецъ невѣсты благословляетъ свою дочь. Взявъ другой ковшъ, отецъ подноситъ въ немъ пиво жениху, посылщнику и скрывающу. Затѣмъ родители встаютъ, а другіе всѣ усаживаются: на самое почетное мѣсто—церемоніймейстеръ, рядомъ съ нимъ съ правой стороны женихъ, уртакъ, музыкантъ и другіе приглашенные гости (мужчины), а съ лѣвой стороны—начальникъ поѣзда съ женой, жена церемоніймейстера и жены другихъ гостей. Подаются кушанья и начивается угощеніе и веселіе, съ музыкой, пляской и пѣснями ²⁾). Давши немного

¹⁾ „Ей аѣам! папанхи куптан есѣ пвртен уйрѣлатан, прѣн вырѣнтан, прѣн кѣпе-йѣмрен уйрѣлатан; Турѣ сана ырѣлѣх-сивлѣх патѣр, вѣрѣм ѣмѣрлѣ тутѣр, аѣа-пѣѣа патѣр, мѣшарпа ватѣлѣѣѣп пурѣнмалла пултѣр; ваггисепе курсан пѣѣѣ те, сѣхрѣкпе курсан шѣллѣм те; усала тѣргѣн пул, ырра хирѣс пул“.

²⁾ По словамъ г. Миллера, „у чувашъ есть такое обыкновеніе, что у жениха и у невѣсты на пирушкахъ ставятъ на столъ блюдо съ хлѣбами, и въ оныя выкаюгъ сгѣблы, на которыя кладется голозной уборъ чувашскихъ бабъ, который у нихъ Тастаръ называется. У жениха на пирушкѣ кладутъ Тастаръ матери, или сестры его, а у невѣсты тотъ Тастаръ, который и послѣ на нее, какъ на жену, надѣваютъ. На оное блюдо каждой изъ гостей новобрачнымъ кладетъ по нѣскольку копеекъ“ (Описание живущ. въ Каз. г. языч. народовъ, стр. 72). Кажется, этотъ обычай существуетъ и теперь, хотя положительнo утверждать не можемъ.

повеселиться гостямъ, отецъ жениха даетъ уртакъ гостинцевъ со словами: „кайа ан нлсе кил., прттерсе нлсе кил“ — привези не меньше того, что получаешь, а съ избыткомъ. Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобы у молодыхъ было изобиліе въ земныхъ плодахъ. Затѣмъ, указывая гостямъ на церемоніймейстера, онъ говоритъ: „вогъ вамъ распорядитель: что онъ велитъ, исполняйте, изъ его словъ не выходите“. Послѣ этого вся свадебная свита отправляется въ другой домъ, къ родственникамъ жениха, а родители остаются дома. До вечера слѣдующаго дня свита ѣздитъ изъ дома въ домъ по роднымъ жениха, не исключая родственникововъ, живущихъ и въ другихъ деревняхъ. Ночуютъ у кого-нибудь изъ родственникововъ. Женихъ, мѣн-кѣрѹ, уртакъ и музыкантъ, а мѣстами и дружки жениха, ѣздятъ верхомъ. Начальникъ поѣзда съ женой и другіе поѣзжане—въ телѣжкахъ. Вышедши изъ дому родителей жениха, уртакъ съ ведромъ пива въ рукахъ становится посреди двора и свита, сидящая на лошадяхъ, объѣзжаетъ его кругомъ. Это повторяется на улицѣ у воротъ жениха и того родственника, къ которому первому пріѣзжаетъ брачный поѣздъ. Въ каждомъ домѣ хозяинъ встрѣчаетъ поѣздъ, стоя на крыльцѣ съ ведромъ пива. Подѣхавъ къ крыльцу, свита останавливается, церемоніймейстеръ говоритъ хозяину привѣтственную рѣчь (такмак), потомъ верховые всѣ дѣлаютъ кругъ на дворѣ, и опять церемоніймейстеръ говоритъ краткую рѣчь; хозяинъ подноситъ ему пива, затѣмъ всѣ гости входятъ въ избу и усаживаются въ томъ же порядкѣ, какъ въ домѣ жениха. Уѣзжая, мѣн-кѣрѹ опять говоритъ хозяину благодарственную рѣчь.

Обѣхавъ всѣхъ родныхъ жениха, вечеромъ слѣдующаго за началомъ свадьбы дня поѣздъ отправляется за невѣстой.

Пріѣхавъ въ деревню невѣсты, поѣздъ останавливается сначала у сватуна (нѣвѣ). Пока свита веселится въ домѣ сватуна, начальникъ поѣзда отправляется въ домъ невѣсты. Къ этому времени пріѣзжаютъ туда и родители жениха, захвативъ съ собою гостинцы, выговоренные во время сватов-

ства, какъ-то: вино, пиво въ боченкѣ ведерь въ восемь ¹⁾ и медь. Потомъ туда же является сватунъ и спрашиваетъ у отца невѣсты: „все-ли выполнено? въ достаточной-ли степени оказана тебѣ честь?“ = пур те тулли пулѣ-и? сирѣн ъис ситрѣ-и? Тотъ отвѣчаетъ: „со стороны свата чести мнѣ оказано достаточно“—(Мапа хѣтаран ъис ситрѣ; подразумѣвается, что все выговоренное опъ получилъ). Потомъ сватунъ говоритъ: „ждете-ли и рады-ли принять свадебный поѣздъ этого свата?“ = сав хѣтаван туй халѣхне халѣл таватра, кѣтетре? Тотъ отвѣчаетъ: „по древнему обычаю ждемъ, рады принять“ — авалхи йѣлапа кѣтетпѣр, халѣл таватпѣр. Тогда сватунъ отправляется къ себѣ домой и приводитъ оттуда свиту въ домъ невѣсты. Родители невѣсты ждутъ на крыльцѣ. Поѣздъ останавливается предъ ними и церемоніймейстеръ говоритъ: „сватья! не оставляете-ли вы древнихъ обычаевъ? не вводите-ли новыхъ обычаевъ? Нашъ дядя (поминаетъ имя отца жениха) сорокъ женщинъ и пятьдесятъ мужчинъ привелъ на свадьбу: ни одного нѣтъ чужого, всѣ—наши братья и сестры. Ждете-ли ихъ? рады-ли принять ихъ“ ²⁾. Тѣ отвѣчаютъ: „ждемъ, рады принять“, и тотчасъ вводятъ въ избу начальника поѣзда съ женой и посаженныхъ родителей молодыхъ ³⁾. Вошедши въ избу, начальникъ становится посреди избы и краткой рѣчью привѣтствуетъ невѣстина отца. Тотъ подноситъ ему въ громадномъ деревянномъ ковшѣ (алтѣрна, стакановъ на 15) пива, подслащеннаго

¹⁾ Но уже никакъ не въ *сорокъ*, какъ утверждаетъ г-жа Фуксъ. Столь почтенной величины бочекъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Сбоевъ, нѣкогда не бывало у чувашъ. Исслѣдованіе...., стр. 32.

²⁾ „Ей хѣтаѣм! авалхи йѣлана пѣрахмастѣр—и? сѣнѣрен йѣла кѣлармастѣр—и? Пирѣн сав пѣѣе хѣрѣх арѣм, алѣй арѣн нустарса килѣе туйа: пѣри те йут мар, пурте хамѣр тавансем. Вѣсепе кѣтетре, халѣл таватра“?

³⁾ У русскихъ посаженные родители бываютъ только тогда, когда у молодыхъ не бываетъ въ живыхъ своихъ родителей, а у чувашъ они бываютъ непременно, и при жизни родителей. Называютъ ихъ „хѣйматѣх“, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—„атаѣх“.

медомъ. Этотъ говоритъ ему: „пѣтъ, свать, этотъ ковшь къ тебѣ ближе, чѣмъ ко мнѣ“. Если онъ не догадается этого сказать, то въ наказаніе заставляють его выпить пиво до дна. Тогда невѣстникъ отецъ самъ сначала отвѣдаетъ пива, здравствуясь съ начальникомъ, и потомъ подноситъ ему. Когда невѣстникъ отецъ пьетъ пиво, начальникъ дѣлаетъ ему земной поклонъ. Послѣ этой церемоніи эти гости усаживаются за столъ. Между тѣмъ остальные поѣзжане все еще стоятъ у крыльца, не слѣзая съ лошадей. Невѣстникъ отецъ выходитъ опять туда съ пивомъ и спрашиваетъ: „на коняхъ-ли пріѣхали, или пѣшкомъ пришли?“ Церемоніймейстеръ отвѣчаетъ: „на коняхъ мы пріѣхали: пѣшкомъ насъ не отпускайте отсюда, на коняхъ проводите“. Въ этихъ словахъ намекается на то, чтобы отецъ не отпустилъ своей дочери безъ приданого коня. Церемоніймейстеру подносится пиво въ новомъ ковшѣ, которымъ отецъ благословлялъ невѣсту. Пиво онъ выпиваетъ, а ковшь вручаетъ „уртавсѣ“, который прячетъ его въ сумку. Послѣ этого церемоніймейстеръ говоритъ хозяину: „саламалик! привѣтствіе вамъ! пьете-ли, ѣдите-ли? веселитесь-ли, смѣетесь-ли? вы насъ ждете-ли?“—Ие саламалик, тав сире! ѣсетре, сийетре? выѣатра, кулатра? есир пире кѣтетре? Тотъ отвѣчаетъ: „наше жданье—вотъ въ этомъ“—пирѣи кѣтни—савѣ, т. е. чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Церемоніймейстеръ говоритъ: „тав—та пулин тавах, тата та пулин тавах“—благодаримъ васъ, благодаримъ, еще и еще благодаримъ. Послѣ этого со всѣми верховыми поѣзжанами онъ дѣлаетъ кругъ на дворѣ, опять подѣзжаетъ къ крыльцу и повторяетъ тотъ же вопросъ и отвѣтъ. Это продѣлывается до трехъ разъ, а невѣстникъ отецъ все еще стоитъ на крыльцѣ съ пивомъ. Подѣзжавъ къ крыльцу въ третій разъ, церемоніймейстеръ произноситъ очень длинную рѣчь (такмак), въ которой въ пышныхъ поэтическихъ выраженіяхъ восхваляются богатство и добродѣтели хозяина и испрашивается у него позволеніе для свадебной свиты повеселиться въ его домѣ. Рѣчь эта въ разныхъ мѣстахъ употребляется съ разными варіаціями и важна для

этнографа и историографа для характеристики чувашской поэзии и въ томъ отношеніи, что въ ней имѣются нѣкоторыя данныя, могущія пролить свѣтъ на историческое прошлое чувашскаго народа. Вотъ одинъ образецъ такой рѣчи, записанной въ деревнѣ Три-Избы—Шемуришѣ.

«Семь дней (прошло съ тѣхъ поръ), какъ задумали выѣхать и три дня—какъ мы выѣхали. Коши наши оказались топяны, дороги оказались грязными: не поспѣли мы ко времени, не осудите вы насъ, съ повинной головой стоимъ мы передъ вами (всѣ кланяются). Шестьдесятъ верстъ ѣхали мы по дремучимъ лѣсамъ, семьдесятъ верстъ—по дикимъ степямъ. Проѣзжая шестьдесятъ верстъ дремучимъ лѣсомъ, мы встрѣтили одного оленя: концы его роговъ золотые, а концы копытъ—серебряныя; рогами царапаетъ—слѣдъ проложить, копытами ступить—дорогу проложить. Этой дорогой ѣхали мы. Это—поѣзжане мои: не осуждаете ли вы насъ? ждете ли насъ? рады-ли намъ? Встрѣчающій отвѣчаетъ: «ждемъ мы, рады мы вамъ». Тотъ опять продолжаетъ: «Проѣзжая семьдесятъ верстъ дикими степями, встрѣтили мы крылатога аргамака: голова его (чуть) неба не касается, ноги его земли не касаются; идетъ-ли, бѣжитъ-ли—и не примѣтно: течетъ, какъ вода, летитъ, какъ вѣтеръ. На этомъ аргамакѣ верхомъ пріѣхали мы на эту свадьбу. Среди дикой степи—круглое озеро, по серединѣ озера—золотой столбъ, на золотомъ столбѣ—птица орелъ: ноги его мѣдныя, крылья серебряныя, клювъ золотой; ногами топаетъ, крыльями хлопаетъ, клювомъ наигрываетъ: подъ эту игру мы и пріѣхали сюда. Когда мы подѣзжали по этой дорогѣ, деревня этихъ сватовъ нашихъ показалась намъ съ цѣлымъ городъ, въѣхали въ улицу—улица показалась съ цѣлымъ селомъ, подѣзжали къ дому—домъ показался съ контуромъ¹⁾: ворота о четырехъ столбахъ съ тремя растворами, крыша желѣзная, ворота стекляныя, петли мѣдныя, скобки серебряныя; эти ворота въ вѣтреную погоду стучать, въ солнечную погоду блестятъ. Нашъ сватъ, растворивши ворота, ждетъ насъ съ великимъ радующемъ. Когда въѣдешь въ ворота—дворъ у нашего свата очень великъ: ширина его тридцать шаговъ, длина шестьдесятъ шаговъ, на шестидесяти шагахъ шестьдесятъ столбовъ, на каждомъ столбѣ шестьдесятъ колецъ, изъ шестидесяти колецъ не уступить ли намъ сватъ одно кольцо, чтобы привязать намъ лошадей для отдыха: не я прошу, женихъ проситъ. Даже и орелъ не обходится безъ того, чтобы, полетавши, не сѣсть потомъ на можжевеликъ (?) для отдыха. У свата нашего посреди двора шестисаженный домъ стоитъ: снаружи посмотришь—8 угловъ, внутрь войдешь—4 угла; изъ 4 угловъ не уступить ли нашъ хозяинъ нашимъ поѣзжанамъ хоть одинъ уголъ войти и постоять (Сватъ отвѣчаетъ: «съ нашей стороны нѣтъ запрета»). Внутри этого дома 99 половицъ и 88 лавокъ; изъ 99 половицъ не уступить ли намъ хоть одну,

¹⁾ Контурой чуваша называютъ волостное правленіе.

чтобы по древнему обычаю поплясать и повеселиться намъ? Не я это говорю, а женихъ говорить; не только мы играемъ, даже и въ степи по Божьему повелѣнію зарница играетъ. Изъ 88 лавокъ хоть одна лавка не будетъ-ли уступлена нашимъ поѣзжанамъ посидѣть, отдохнуть. Не я прошу, женихъ проситъ: не только мы, даже и орелъ не обходится безъ того, чтобы, полетавши, не сѣсть потомъ на можжевельникъ для отдыха. Въ шестисаженномъ домѣ стоитъ у свата столъ на шести ножкахъ; на одномъ концѣ этого стола стоитъ душистый медъ, на другомъ концѣ—сладкая сыта, между душистымъ медомъ и сладкой сытой стоитъ золотое блюдо, на золотомъ блюдѣ блестящій кубокъ такъ и играетъ: не будетъ ли позволено и намъ поиграть и повеселиться, подобно этому кубку? Нашъ свать къ прїѣзду этого свадебнаго поѣзда сварилъ, говорятъ, пиво, варилъ его, говорятъ, въ семь пріемовъ каждый разъ изъ семи батмановъ (солода). Въ погребѣ имѣется запечатанная бочка, бочка эта, говорятъ, съ сорока обручами и двумя жалейками: изъ одной жалейки течетъ душистый медъ, изъ другой—сладкая сыта. Выпьешь душистаго меда—пьянъ будешь, выпьешь сладкой сыты—сладкія рѣчи начнешь говорить. Къ этому пиршеству приготовлены кушанья: былъ у него семилѣтній быкъ, въ продолженіе семи лѣтъ и семь разъ не былъ онъ въ стадѣ, въ этомъ году закололи его къ свадебному столу въ честь нашего молодца. Для второго блюда у него имѣлся пятилѣтній черній баранъ, въ продолженіе пяти лѣтъ онъ и пять разъ не былъ въ стадѣ, онъ бодался и головой и задомъ, а нынѣ закололи этого барана въ честь свадьбы нашего молодца. Для третьяго блюда имѣлся у него трехлѣтній пирень, въ продолженіе трехъ лѣтъ и три раза не слеталъ на землю, все ходилъ и леталъ онъ раскрывшись по коньку на строеніи, а въ нынѣшнемъ году по Божьему опредѣленью этого пиреня сшибло съ крыши бурей, свать закололъ и приготовилъ его къ свадебному столу. Къ тому времени, когда гости наѣдятся и напьются, имѣется у свата наготовѣ фруктовый садъ, а въ томъ саду стоитъ баня, выстроена та баня изъ можжевельника (?), крыша желѣзная, полки хрустальныя, каменика коралловая, паръ сладокъ, какъ сыта, вѣшникъ изъ шелку, корыто мѣдное, ковшъ серебряный. Свать нашъ хочетъ, говорятъ, весь нашъ поѣздъ вымыть въ этой банѣ. Къ выходу изъ бани у свата нашего приготовлено угощеніе. Есть у него трехведерный самоваръ, стоитъ и шинить, какъ 12-тиголовая змѣя. Вокругъ самовара стоятъ 12 паръ чашекъ, наполненныхъ чаемъ, приготовлено это для угощенія нашихъ поѣзжанъ. Нашъ свать, оказывается, очень добродушенъ: у крыльца его стоитъ на привязи золотогривый, серебрянокопытый стро-яблочный конь, приготовленъ онъ для того, чтобы послать нарочнаго звать тѣхъ, которые не прїѣхали на свадьбу.

Довольно-ли съ тебя, сватушка? Больше этого нѣтъ у меня словъ, больше тебя нѣтъ для насъ милѣе человѣка. Если не достаточно, вспомните, если лишнее, не осудите. Привѣтъ тебѣ, сватушка, кланяюсь тебѣ (кланяются). Поклонную (повинную) голову мечъ не счегъ, мое слово вѣсь не пройметъ. Привѣтъ тебѣ и поклонъ! (кланяется)¹⁾.

¹⁾ Чувашскій текстъ этой рѣчи см. въ концѣ, приложение № 1.

Послѣ этихъ церемоній поѣзжане слѣзаютъ съ лошадей и входятъ въ избу. Начинается угощеніе ¹⁾. Сначала совершается молитва. Всѣ встаютъ на ноги и обирачиваются къ двери, которая немножко приотворяется. Начальникъ поѣзда держитъ на блюдѣ жаренаго, цѣльнаго гуся, невѣстникъ отецъ—ковшъ съ пивомъ, мать—хлѣбъ. Одинъ изъ присутствующихъ говоритъ молитву: „На небѣ—Богъ, на землѣ—Царь; благодаримъ, кланяемся: дай (молодымъ) доброе здорье и всякое благополучіе; дай этимъ сватыамъ вѣкъ дѣлиться другъ съ другомъ хлѣбомъ—солью, чтобы пить имъ горькое, говорить сладко. У гусей (у каждой гусыни) чтобы было по 12-ти гусятъ, по одному—для ястреба, по 11-ти—для хозяевъ, для угощенія родныхъ, сосѣдей и односельчанъ“. По окончаніи молитвы хозяинъ подходитъ къ двери и дѣлаетъ земной поклонъ. Потомъ, подошедши къ столу, онъ предлагаетъ начальнику поѣзда разломить гуся. Тотъ, послѣ предварительнаго торжественнаго омовенія рукъ предъ всѣми гостями, разламываетъ гуся на части, но непременно на нечетное число частей. Невѣстинъ отецъ говоритъ ему: „почему это ты разломилъ на нечетное число частей“? Тотъ отвѣчаетъ: „человѣкъ сначала родится *одинъ* (въ нечетномъ числѣ), потомъ дается ему отъ Бога подруга (*для пары*)“ ²⁾. Если онъ не смеетъ связать это, то свать дергаетъ его за ухо. Въ такомъ случаѣ начальникъ для возстановленія своего поколебленнаго престижа говоритъ свату; „свать! безъ того не бываетъ, чтобы добрый конь не спотыкнулся, чтобы и добрый человѣкъ не ошибся“ ³⁾. Послѣ этого начинается угощеніе и

¹⁾ Въ Ядрии. и Козмодем. уѣздахъ предъ началомъ угощенія „кѣсен-кѣру“ на дворѣ дѣлаетъ выстрѣлъ изъ лука. См. Каз. Губ. В. 1868, № 88.

²⁾ „Турă малтан сынна *хăракхйн* суратаѣ, унтаи йна мăшăр паратѣ.

³⁾ „Хăта! ыра ут такăнмасăр пулмѣ, ыра сын йăнăш-масăр пулмѣ“.

веселіе. Пока гости угощаются и веселятся, уртакъѣ не забываетъ своей обязанности: онъ вынимаетъ изъ сумки съѣстные припасы, взятые изъ дому жениха, и на мѣсто ихъ кладетъ новыя со стола неvěстина отца, но только въ бѣльшемъ количествѣ, чѣмъ было взято изъ дома жениха, чтобы у молодыхъ все болѣе и болѣе приумножалось изобиліе плодовъ земныхъ.

Все, описанное здѣсь, относится къ свадьбѣ жениха. Невѣста съ своей свитой въ это время справляетъ свою свадьбу самостоятельно.

Свадьба неvěсты. Свадьба неvěсты начинается одновременно со свадьбой жениха. Когда соберутся въ домъ неvěсты родственники и друзья ея (дѣвушки, ея подружки), неvěсту ведутъ въ амбаръ одѣвать. Въ избѣ остаются только ея родители и пожилые гости. Одѣвшись въ лучшее платье и украшенія, она сверху покрывается бѣлымъ покрываломъ съ расшитыми краями (пѣркенѣкъ) такъ, что оставляетъ только небольшое отверстіе предъ глазами. Тогда начинаютъ учить ее прощальнымъ причитаніямъ (йѣртме). Собственно, каждая дѣвушка знаетъ эти причитанія съ дѣтскаго же возраста, но въ данную минуту она не можетъ сразу начать отчасти вслѣдствіе стѣсненія, отчасти—вслѣдствіе волненія въ виду приближающейся разлуки съ родительскимъ домомъ. Одна изъ женщинъ садится рядомъ съ неvěстой подъ ея покрываломъ и начинаетъ причитаніе. Скрипачъ въ одинъ тонъ съ нею начинаетъ наигрывать то же самое на скрипкѣ. Потомъ женщина отстаетъ, а неvěста пристаетъ къ скрипачу, сначала тихо и робко, потомъ громче и смѣлѣе. Скрипачъ отстаетъ и неvěста причитаетъ одна. Сначала она поминаетъ своихъ односельчанъ, болѣе извѣстныхъ или по своему богатству, или скромностью и усердіемъ къ труду, или многочадіемъ, а потомъ—присутствующихъ тутъ зрителей. Затѣмъ неvěсту ведутъ въ избу. Родители въ ожиданіи ея сидятъ у края стола съ ковшомъ пива въ рукахъ. Дочь подходитъ къ нимъ и становится предъ ними на колѣни. Родители благослов-

ляют¹⁾ ее приблизительно съ такими же словами, съ какими благословляли жениха его родители. Дочь съ несприторными слезами говоритъ имъ: „я, видно, стала вамъ лишняя“²⁾. Тѣ отвѣчаютъ: „дитятко наше! не нами установленъ обычай этотъ, а изстари, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ идетъ этотъ порядокъ“³⁾. Затѣмъ, здравствуясь съ дочерью, пьютъ пиво, сначала сами, а потомъ подносятъ дочери. При этомъ отецъ даетъ ей немного денегъ со словами: „дитятко! денегъ много не даю тебѣ, а даю большое благословеніе: да подастъ тебѣ много Богъ“⁴⁾. Послѣ этого дочь съ друзьями садится на нарахъ предъ печкою (тѣпелте) и начинаетъ причитывать, поминая родителей, родственниковъ, друзей и односельчанъ своихъ въ римованныхъ стихахъ⁵⁾. Причитываетъ она съ небольшими паузами во все время свадьбы, такъ что въ концу свадьбы совсѣмъ почти лишается голоса. Каждому, или каждой, кого она поминаетъ, подносится при этомъ ковшъ пива. Тѣ выпьютъ пиво и кладутъ въ ковшъ (хотя не всѣ) небольшую монету денегъ для невесты. Когда гости угостятся и повеселятся немного въ домѣ невесты, поѣздъ отправляется по ея роднымъ, сначала въ своей деревнѣ, а потомъ и въ другія деревни. Во всѣхъ домахъ въ качествѣ обязательнаго блюда подается похлебка (шурпе) съ яйцами, для того, чтобы у молодыхъ было много дѣтей. Изъ должностныхъ лицъ въ свитѣ невесты бываетъ только началь-

¹⁾ Нужно замѣтить, что при благословеніи какъ жениха, такъ и невесты, хотя-бы они были и христіане, не употребляется ни иконъ, ни вѣстнаго знамени.

²⁾ „Елѣ сиртен ытлаши пугтам пугѣ“.

³⁾ „Ей аѣам! сиртен тухнѣ йѣла мар, авалтан ваттисем кѣларнѣ йѣрке-сѣе“.

⁴⁾ „Аѣам! сана укѣа нумай памастѣп, пиллѣх нумай паратѣп; Турѣ сала нумай патѣр.“

⁵⁾ Одинъ образецъ такой пѣсни или причтанія, записанной въ дер. Среднихъ Алгашахъ, Симб. г., см. прилож. № 2 (чувашскій текстъ) и № 3 (русскій переводъ).

никъ поѣзда, который руководить и надзираетъ за свитой и, кромѣ того, носить подушку, на которой сидитъ невѣста. Ѣздить невѣста съ дружкой въ кибиткѣ на тройкѣ, но не сидитъ, а стоя, прислонившись къ верху кибитки¹⁾. Съ начала свадьбы до конца невѣста не дѣлаетъ ни шагу пѣшкомъ: изъ избы до кибитки и обратно вездѣ носить ее кто-нибудь изъ мужчинъ ея свиты.

Обѣхавъ всѣхъ своихъ родственниковъ, вечеромъ слѣдующаго дня невѣста со свитой возвращается въ свою деревню и останавливается у кого-нибудь изъ родныхъ. Въ это время женихъ со своей свитой сидитъ уже въ домѣ невѣсты. Дружки невѣсты отправляются туда „дразнить“ жениха. Дѣлается это такимъ образомъ. Одинъ изъ родственниковъ невѣсты беретъ ведро пива, а хозяйка того дома, гдѣ остановилась невѣста, беретъ хлѣбъ на блюдо, на хлѣбъ кладется сыръ, сверхъ хлѣба и сыра—рубаха, предназначенная жениху, и невѣстинъ сурбанъ съ платкомъ. Начинается процессія: впереди идетъ человекъ съ ведромъ, за нимъ—хозяйка съ блюдомъ, а за ними уже—дружки. Вышедши на средину двора, человекъ съ пивомъ ставитъ ведро на землю, а самъ становится около него на одно колѣно, а дружки въ предшествіи женщины съ блюдомъ три раза обходятъ его (по солнцу) съ пѣснями, хлопая въ ладоши и приплясывая. То же самое продѣлывается у воротъ того дома и на дворѣ невѣсти-на отца. Вошедши въ избу, ведро и блюдо ставятъ на столѣ предъ женихомъ. Дружки, хлопая въ ладоши, начинаютъ пѣть предъ нимъ пѣсни рюмованными стихами, всячески унижая жениха и восхваляя невѣсту²⁾. Потомъ уходятъ всѣ къ невѣстѣ. Немного погодя опять приходятъ такимъ же образомъ и дразнятъ жениха. Это дѣлается до трехъ разъ. Вернувшись

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской губ. невѣста ѣздитъ верхомъ на лошади въ сѣдлѣ.

²⁾ Образчикъ такой пѣсни, записанной въ деревнѣ Три-Избы-Шемуршѣ, Симб. г., см. прилож. №№ 4 и 5.

къ невѣстѣ въ послѣдній разъ, дружки начинаютъ одѣвать невѣсту „бабой“. Снимаютъ съ нея всѣ принадлежности дѣвичьяго туалета и надѣваютъ на нее сурбанъ и хушпу вмѣсто тухи. Съ этого времени она уже становится женой, бабой, а до этого времени она считалась еще дѣвушкой, хотя-бы даже христіанское бракосочетаніе было совершено надъ ней съ недѣлю тому назадъ или совершится много времени спустя послѣ свадьбы, какъ это бываетъ при „краденыхъ свадьбахъ“. Тогда везутъ *молодую* въ кибиткѣ въ домъ отца. По приѣздѣ туда кибитка останавливается у крыльца. Молодой (уже не женихъ) съ своей свитой выходитъ встрѣчать свою жену. Дружки молодой, стоя въ кибиткѣ, поютъ пѣсни и требуютъ себѣ отъ молодого денегъ, „выкупа“ за невѣсту, приговаривая, что менѣе сорока копѣекъ онѣ не примутъ, такъ какъ „хѣр сумѣ укси хѣрѣх пус“ = плата дружкамъ—сорокъ копѣекъ. Молодой нарочно ломается и предлагаетъ меньше, напр. 5 коп. Тогда дружки, крайне обидѣвшись такою скупостью молодого, моментально поворачиваютъ оглобли назадъ и уѣзжаютъ съ молодой вонъ со двора. Вернувшись черезъ пѣсколько времени, онѣ опять начинаютъ требовать отъ молодого выкупа. Тотъ предлагаетъ уже немного больше, но опять не 40 коп. Опять дружки увозятъ молодую. И такъ—до трехъ разъ. Въ третій разъ, опять немного поломавшись, молодой соглашается и отдаетъ требуемый выкупъ. Тогда дружки допускаютъ его въ кибиткѣ. Молодой подходитъ къ своей женѣ и три раза цѣлуется съ ней подъ ея покрываломъ. Подъ покрываломъ же они три раза обмѣниваются кольцами. Потомъ, взявши другъ дружку за руки, они направляются въ избу. При этомъ строго наблюдаютъ, чтобы кто-нибудь въ сутолокѣ печально не очутился между ними, что служить нехорошимъ предзнаменованіемъ. Въ сѣняхъ молодые останавливаются. Здѣсь ждетъ ихъ церемоніймейстеръ съ пивомъ. Молодой беретъ ковшъ пива и пьетъ, поздоровавшись съ женою, но непременно называя ее по имени. То же самое дѣлаетъ потомъ и молодая. Собственно, эта церемонія и дѣлается только для того,

чтобы молодые привыкли звать другъ дружку по имени. Если здѣсь не осмѣлятся они назвать другъ дружку по имени, то, значить, всю жизнь не будутъ они называть другъ дружку по имени и жизнь ихъ будетъ нехорошая. Но молодые въ данный моментъ крайне стѣсняются и долго не рѣшаются назвать имя супруга или супруги, особенно это трудно для молодой. Только послѣ долгихъ и усиленныхъ наставаній она рѣшается назвать имя супруга. Встарину, говорятъ, дѣлалось даже такъ, что въ случаѣ, если молодая не будетъ называть по имени, мужъ уводилъ ее въ лѣсъ, заводилъ въ чащу и самъ быстро и незамѣтно убѣгалъ въ сторону и скрывался. Жена, натерпѣвшись страху, начинала умолять мужа откликнуться, но тотъ откликался только тогда, когда она назоветъ его по имени. Теперь дѣло до этого уже не доходитъ. Продѣлавъ эту церемонію, молодые входятъ въ избу, къ столу, гдѣ родители того и другой сидятъ съ пивомъ въ рукахъ, и становятся предъ ними на когѣни. Родители даютъ имъ благословеніе и наставленіе. Послѣ этого молодой садится за столъ въ передній уголъ, а молодая тоже за столъ, но предъ печкой, съ женщинами. Начинается шумное веселье. Дружки молодой пляшутъ и дразнятъ гостей жениха, приговаривая, что онѣ не отдадутъ и не уступятъ имъ своей подружки, а эти говорятъ, что „сколько-де вы не пѣтушитесь, а всетаки мы увеземъ вашу подружку“. Свита молодой и молодого стараются перещеголять и превзойти другъ дружку въ удалствѣ, въ пѣсняхъ и пляскахъ. Скрипачи съ той и другой стороны также вступаютъ въ споръ. Сиди рядомъ, они изо всей мочи пилятъ каждый на своей скрипкѣ, стараясь перещеголять другъ предъ другомъ. Часто пускаются даже на хитрости и на нечестныя средства. Ляцо, нарочно подговоренное которымъ нибудь изъ скрипачей, беретъ у другого скрипача скрипку, яко-бы посмотрѣть, поворачиваетъ ее на рукахъ и нахваливаетъ, а самъ въ это время незамѣтно смажетъ скрипку саломъ. Послѣ того она начинаетъ уже издавать глухіе звуки. Иногда прибѣгаютъ даже для порчи скрипки къ помощи осо-

быхъ волдуновъ (асамѣсем, ѳрамѣсем). Къ утру выводятъ молодого въ амбаръ, гдѣ молодая собственноручно надѣваетъ на него рубаху своей работы, въ присутствіи зрителей. Когда молодые входятъ въ избу, всѣмъ гостямъ подается горячее кушанье (ѳашка). Послѣ этого кушанья родители молодого отправляются домой, чтобы приготовиться тамъ ко встрѣчѣ повобрачныхъ. Остальная свита молодого тоже начинаетъ готовиться къ отъѣзду. Начальникъ поѣзда нагружаетъ на телегу приданое, при чемъ даетъ за него дружкамъ выкупъ. Затѣмъ молодой со всей своей свитой выжидаетъ и останавливается въ ожиданіи жены за околицей деревни, а если невѣста одной съ нимъ деревни, то—на улицѣ у двора невѣсты. Молодая между тѣмъ прощается дома съ своими подружками и родными и потомъ, въ сопровожденіи всей своей свиты, тоже выѣзжаетъ туда же въ кибиткѣ подъ покрываломъ. Прибывши туда, она въ кибиткѣ три раза объѣзжаетъ поѣздъ мужа. Затѣмъ мужъ со своимъ поѣздомъ три раза объѣзжаетъ кибитку жены и въ послѣдній разъ, остановившись около нея и распахнувъ ея покрывало, зорко смотритъ ей въ лицо, а потомъ трижды довольно плотно ударяетъ ее нагайкою. Это есть символическое дѣйствіе, выражающее ту мысль, что мужъ будетъ глядѣть въ глаза своей жены, т. е. любить ее, но за непослушаніе будетъ взыскивать съ нея строго, какъ ее господинъ и повелитель; кромѣ того, чтобы она забыла свою родину и привакла къ его. Послѣ этой церемоніи нареченный отецъ молодыхъ (хѳйматлѳх) беретъ молодую и сажаетъ въ свою кибитку, и свита молодого ѣдетъ въ его деревню, а невѣстина свита возвращается домой.

Въ Казанской губ. передача или выводъ молодой дѣлается въ ея же домѣ: невѣста стоитъ за занавѣсью, начальникъ женихова поѣзда начинаетъ пробираться за занавѣсь къ невѣстѣ, окруженной подружками, но послѣднія пытаются не выдавать ея. Начальникъ, схвативъ которую-либо изъ нихъ, выводитъ на середину избы и начинаетъ съ ней плясать; во вре-

мя павоса кидается снова къ невѣстѣ и, выхвативъ ее, передаетъ въ руки „хыйматлыха“. Послѣдній беретъ невѣсту въ охапку, скорѣе сажаетъ ее въ сѣдло на лошадь и поѣздъ жениха тотчасъ же трогается въ путь. За околицей тоже проводится церемонія „проучиванія“ молодой нагайкой¹⁾).

Приѣхавъ въ домъ молодого, кибитка „хыйматлыха“ съ молодой останавливается у крыльца. Молодой подводитъ къ кибиткѣ обротанную лошадь. Онъ беретъ полой кафтана поводъ лошади и передаетъ молодой, эта принимаетъ его черезъ полу покрывала, стоя въ кибиткѣ. Такимъ образомъ они до трехъ разъ передаютъ другъ другу поводъ лошади. Потомъ молодой поворачиваетъ лошадь по солнцу, бросаетъ поводъ ей на спину и съ вѣмъ нибудь отсылаетъ ее въ конюшню. Обрядъ этотъ называется „тайангъакъ тыттарни“ и служитъ символическимъ указаніемъ на то, что съ этого времени имущество новообрученныхъ становится ихъ общей собственностью²⁾). Затѣмъ одна дѣвушка, сестра или родственница новобрачнаго, вскакиваетъ въ кибитку и три раза чуть-чуть приподнимаетъ правую ногу молодой. Это дѣлается, по словамъ Доброхотова, для того, чтобы хорошо родились у новобрачной ленъ и конопель³⁾. Обрядъ этотъ носитъ названіе „ййранъ тѣпѣлтарни“. Послѣ этого молодую вносятъ въ избу и сажаютъ на нары передъ печкой (тѣпеле). Сидитъ она здѣсь молча, безъ причитаній. Дѣвушки начинаютъ варить салму⁴⁾. Когда салма сварится, ее ставятъ въ блюдо на столъ. Между тѣмъ ново-

¹⁾ См. у Магнитскаго, Каз. Губ. Вѣд. 1868, № 88.

²⁾ Въ Идрин. у. до совершенія этого обряда, какъ только кибитка подъѣдетъ къ крыльцу, молодой, какъ рассказывали мнѣ чувашь, дѣлаетъ *выстрѣлъ* изъ ружья надъ головой своей жены.

³⁾ Магнитскій, Матеріалы къ объясн. стар. чув. вѣри, стр. 212.

⁴⁾ Салма—національное кушанье чувашь и татарь. Это—галушки изъ муки, варятся въ водѣ съ приправами.

брачные становятся предъ печкой. Молодая, все еще находящаяся подъ покрываломъ, дѣлаетъ печкѣ низкій поклонъ, привѣтствуя въ ней будущее поприще главнѣйшихъ своихъ занятій. Затѣмъ начинается церемоніаль снятія съ молодой покрывала. Одинъ мальчикъ, братъ или родственникъ новобрачнаго ¹⁾, беретъ въ руки яблонувую трехъ—зубчатую палочку ²⁾ съ салминкой (галушкой) на каждомъ сучекѣ, и съ пею при музыкѣ, при единоголасномъ всѣхъ гостей гайканьѣ и хлопаньѣ въ ладоши, подходитъ къ молодой и дотрогивается этой палочкой до ея покрывала, приговаривая: „невѣстка! хочешь-ли салмы? ты поѣла-бы, да я не дамъ!“ ³⁾ Повторяется эта церемонія въ другой разъ; наконецъ, въ третій разъ, зацѣпивъ покрывало палочкой, стаскиваетъ его съ молодой и уходитъ съ нимъ въ амбаръ. Оттуда приносятъ онъ горсть муки и посыпаетъ ею новобрачныхъ, говоря: „живите до тѣхъ поръ, пока не будете бѣлы (сѣдые), какъ эта мука“ ⁴⁾. Тогда новобрачныхъ сажаютъ за столъ и покрываютъ ихъ головы войлокомъ; каждый изъ гостей подходитъ къ столу, на которомъ стоитъ блюдо съ салмой, и, почерпнувъ полную ложку салмы, да чуть прихлебнувъ, бросаетъ остальное на головы новобрачныхъ ⁵⁾. Этотъ довольно странный обычай существуетъ, вѣроятно, только въ Казан. губ. Въ Симбир. губ. намъ не приходилось слышать про этотъ обычай. Здѣсь молодые, стоя около печки,

¹⁾ „А не дружка, какъ говорить А. А. Фуксъ“, замѣчаетъ г. Сбоевъ (Ислѣд., стр. 36). Но дружкой жениха бывають у чувашъ и родственники, даже преимущественно, т. ч. это замѣчаніе г. Сбоева противъ г-жи Фуксъ—напрасное.

²⁾ У А. А. Фуксъ эта вѣтка превратилась въ *палку-саженной* величины (Зап. о чуваш., стр. 66).—Да такой палкой, какъ справедливо замѣчаетъ г. Сбоевъ, пляшущій и бѣснующійся родственникъ новобрачнаго могъ и молодой, и многимъ изъ гостей выколотъ глаза. Ислѣдованія..., стр. 36.

³⁾ „Инке! салма сийетне? есѣ сийѣн те, епѣ памѣп“.

⁴⁾ „Сакъ сѣяпъ пекъ шуралнѣѣен пурѣнѣр“.

⁵⁾ Сбоевъ. Ислѣдованія..., стр. 37.

покрываются войлокомъ, когда ихъ посыпаютъ мукой.—Затѣмъ слѣдуетъ новая церемонія. На молодую надѣвають мужнину шапку и ведутъ ее за водой. Подошедъ къ рѣчкѣ или ключу, она кланяется (рѣчкѣ или ключу). Золовка ея (а если ея нѣтъ, то ближайшая родственница мужа), почерпнувши воды, ставитъ ведро на землю, а молодая, толкнувъ его ногою, проливаетъ воду. Въ другой и третій разъ—также. Наконецъ, въ четвертый разъ она уже не проливаетъ, а беретъ ведро и несетъ его въ домъ мужа¹⁾. Это—первая работа ея въ домѣ мужа. Часть принесенной воды идетъ на варку „ѡашки“, а часть—на угощеніе гостей. Пока варится ѡашка и пока другую часть воды подносятъ гостямъ, молодая стоитъ около печки, присѣдая на одномъ колѣнѣ и приставивъ ладонь къ рукѣ. Въ это время свекоръ и свекровь ея сидятъ за столомъ съ ковшомъ пива и, благословляя сноху, говорятъ: „невѣстушка наша! пусть будетъ на тебѣ благословеніе наше! будьте, дѣти наши, хозяевами этого дома“!²⁾ Всѣ присутствующіе тоже спѣшаютъ высказать ей свои благожеланія, чтобы Господь благословилъ ихъ (молодыхъ) лошадьми, коровами, овцами, курами, гусями и т. д. Послѣ этого молодыхъ отводятъ въ амбаръ на брачное ложе (хѣве хуащѣ) и, продѣлавъ тамъ еще кое-какія церемоніи, оставляютъ ихъ однихъ. Пробывъ тамъ нѣсколько часовъ (а если ихъ отвели къ брачному ложу

¹⁾ Эта церемонія въ различныхъ мѣстахъ дѣлается различно. Мѣстами молодая проливаетъ воду *три* раза, а мѣстами—только *два* раза. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *золовка черпаетъ* воду, а молодая проливаетъ, а въ другихъ мѣстахъ—наоборотъ: *молодая черпаетъ*, а золовка проливаетъ. Не зная объ этой разницѣ, г. Сбоевъ (Ислѣд., стр. 37) дѣлаетъ слѣдующее, въ данномъ случаѣ несправедливое замѣчаніе: „У А. А. Фуксъ все это рассказано превратно. Гдѣ у нея стоитъ: *молодая*, тамъ читай *золовка*, а гдѣ—*золовка*, тамъ читай *молодая*“.

²⁾ „Ей винѣмер! пехли сана: саж кил хуси пудър, аѡамърсем“!

вечеромъ, то до утра), молодые выходятъ изъ амбара и идутъ къ гостямъ. „Ежели невѣста сохранна, то пьютъ и веселятся весьма много; буде же не сохранна, то дружка, взявши чарку, проверчиваетъ на оной дыру, и зажавши оную пальцомъ изъ оной гостямъ подноситъ: тогда питье, кто оное изъ гостей приметъ, изъ той чарки потечетъ на полъ, и тѣмъ приключившеся несчастіе каждому явно бываетъ. Невѣстѣ при томъ такъ стыдно бываетъ, что она потомъ гостямъ и глазъ своихъ не кажетъ; однакожь мужъ за то ей ни чего не дѣлаетъ, по сносить равнодушно“¹⁾). Обычай этотъ мѣстами сохранился у чувашъ, кажется, и до настоящаго времени, по крайней мѣрѣ на существованіе его среди чувашъ Казан. губ. указываетъ г. Магнитскій. Молодая несетъ съ собой подарки и одѣваетъ ими родителей своего мужа и его родственниковъ. Этимъ мы оканчиваемъ описаніе свадебнаго ритуала чувашъ. Пирушки продолжаются еще нѣсколько дней. Молодые дѣлаютъ визиты родственникамъ, а равно и сватья мѣняются взаимно визитами.

„*Краденныя свадьбы*“. Скажемъ нѣсколько словъ о такъ называемыхъ „краденыхъ свадьбахъ“ или о бракахъ, устроаемыхъ черезъ похищеніе невѣсты. Обычай устранивать браки черезъ насильственное умыканіе невѣсты не есть исключительно чувашскій обычай, но присущъ многимъ и другимъ народамъ, находящимся на болѣе или менѣе низкомъ уровнѣ культуры. Сохранились историческія свидѣтельства о существованіи этого обычая у грековъ, римлянъ, германцевъ, кельтовъ, славянъ²⁾). Обычай этотъ существуетъ у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ и до настоящаго времени, напр.

¹⁾ Миллеръ. Описан. живущ. въ Каз. губ. языч. нар., стр. 77. На существованіе у чувашъ этого обычая указываетъ и Георгіи. См. его кн. „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ“. Спб. 1799 г., ч. I, стр. 37—38.

²⁾ И. Ст. Бердниковъ. Форма заключ. брака у европ. нар. Казань, 1887, стр. 6.

у черногорцевъ и болгарь ¹⁾. Съ развитіемъ у извѣстнаго народа и племени социальныхъ формъ жизни и умиканіе невѣсть получаетъ болѣе мирную форму, производится съ косвеннаго или прямого согласія невѣсть и родственниковъ и представляетъ собою скорѣе обрядъ, чѣмъ дѣйствительное похищеніе. Съ характеромъ обряда умичка невѣсть существуетъ и доселѣ въ Босніи, Герцоговинѣ, Болгаріи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, напр. въ Тверской, Пермской, Архангельской, Енисейской губерніяхъ и у Селегинскихъ бурятъ въ Забайкальской области ²⁾. Съ такимъ же характеромъ *обряда* практикуется умиканіе невѣсть при „краденыхъ свадьбахъ“ у чувашъ. Выше мы видѣли, что женитьба „сурса“, т. е. по предварительному сговору сторонъ и съ соблюденіемъ полного брачнаго ритуала, стоитъ и жениховой, и невѣстиной сторонѣ громаднхъ расходовъ и хлопотъ, поэтому эта форма заключенія брака доступна только для зажиточныхъ чувашъ. А, между тѣмъ, каждому нужна въ домашнемъ быту помощница и подруга жизни. Что тутъ дѣлать? какъ пособить горю? Отвѣтъ простъ: *украсть невѣсту*, устроить бракъ черезъ похищеніе невѣсты. Такіе браки практикуются чувашами съ незапамятныхъ временъ. Къ нимъ прибѣгаютъ чувашаи не только по экономическимъ расчетамъ, но и по другимъ мотивамъ, и потому самая форма устройства „краденыхъ свадебъ“ неодинакова.

Въ большинствѣ случаевъ такіе браки совершаются у чувашъ черезъ *кражу невѣсты по ея согласію*. Женихъ, облюбовавъ дѣвушку, спрашиваетъ ее выйти за него замужъ и, въ видахъ уменьшенія калыма и избѣжанія большихъ свадебныхъ расходовъ, уговариваетъ ее позволить ему украсть ее. Получивши ея согласіе, онъ условливается съ ней, когда и гдѣ схватить и увезти ее. При этомъ невѣста вручаетъ ему, въ знакъ прочности даннаго ею слова, сурбанъ. Въ условлен-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid, стр. 8 и 9; см. Кроль, Брачное право инор. селен. окр., стр. 3—4.

ное время женихъ вырягаетъ пару хорошихъ лошадей, беретъ двохъ—троихъ молодцовъ и поджидаетъ невѣсту въ указанномъ мѣстѣ. Какъ только она явится, ее схватываютъ, кладутъ въ телѣгу, при чемъ невѣста нарочно, для виду, кричитъ благимъ матомъ и барахтается. Везутъ ее куда-нибудь непремѣнно въ другую деревню къ родственникамъ или знакомымъ. Здѣсь въ амбарѣ наскоро совершается обрядъ одѣванія невѣсты и приученія ея причитаніямъ ¹⁾, потомъ вносятъ ее въ избу и начинается пршество, само собой разумѣется—далеко не такое шумное, какъ бываетъ при полной свадьбѣ. Невѣста дѣлаетъ причитанія. Женихъ и самъ присутствуетъ здѣсь. Побывъ здѣсь три—четыре часа, поѣзду прямо отправляется въ домъ жениха и въ тотъ же день доканчивается свадьбу. Ни дружекъ и другихъ должностныхъ лицъ, кромѣ хайматлыха (нареченнаго отца), ни торжественныхъ рѣчей здѣсь не бываетъ. Обряды: передачи повода ло-

¹⁾ Это дало поводъ о. Львову сдѣлать слѣдующее, по нашему убѣжденію, несправедливое замѣчаніе: „Изъ амбара выходятъ они (женихъ и невѣста) уже мужемъ и женою. Нѣтъ никакого обряда, нѣтъ ничего такого, что могло-бы служить знакомъ брачнаго соединенія мужа съ женой, кромѣ сонтія. Самый процессъ кражи невѣсты есть нѣчто священное для чувашъ, замѣняющее всю обрядовую сторону брака. Жена безъ стыда, съ спокойной совѣстію, возвращается домой и входитъ въ домъ родителей мужа на правахъ законной жены, а родители мужа такъ же спокойно принимаютъ ее въ домъ, представляя ей всѣ права молодой хозяйки» (Извѣст. по Каз. еп. 1898 г., № 10, стр. 407). Смѣемъ увѣрить о. Львова, что въ случаяхъ устроенія брака черезъ умыканіе невѣсты по ея согласію женихъ и невѣста никогда не позволяютъ себѣ вступить въ супружескія связи въ амбарѣ *до совершенія свадебнаго ритуала*, ни общественное мнѣніе чувашъ не одобритъ и не позволитъ имъ этого. Насильственное нарушеніе дѣвства невѣсты въ амбарѣ *до свадьбы* бываетъ, но только не въ этомъ случаѣ, а только тогда, когда устраивается краденая свадьба насильственной умычкой невѣсты, помимо ея согласія. Объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

шадн съ рукъ на руки, подниманія ноги молодой, благословенія молодыхъ, снятія покрывала съ молодой, поспанія мучкой и хожденія на воду,—соблюдаются, хотя совершаются паскоро. По окончаніи свадьбы торжественно провожаютъ молодыхъ въ амбаръ на брачное ложе. На другой или на третій день заявляется отецъ невѣсты и пачинаегь „журить“ дочь, иногда даже съ потасовкой, за то, что она осмѣлилась уйти безъ воли родителей. Дочь поплачетъ немного и говоритъ въ свое оправданіе, что ее увезли насильно, что-де она кричала и отбивалась, но никто не явился на помощь; въ концѣ прибавляегь, что дѣло-де уже сдѣлано и назадъ къ отцу она уже не пойдетъ. Отецъ начинаегь ломаться, что-де онъ не отдасть ей вещей и что-де они все-таки не обойдутся безъ его воли, такъ какъ онъ не выдасть имъ обыска, т. е. предбрачныхъ свѣдѣній. Но дѣло кончается тѣмъ, что онъ тутъ же или спустя нѣсколько дней или недѣль сдается на извѣстныя условія, при чемъ количество калыма сильно понижается. Но часто случается такъ, что отецъ невѣсты напуститъ на себя амбицію и не ѣдетъ вслѣдъ за дочерью, все равно-де не обойдутся безъ него, сами-же пріѣдутъ и поклонятся. Въ такомъ случаѣ женихъ или отецъ его самъ ѣдетъ къ отцу невѣсты и вступаетъ въ переговоры относительно калыма. Пока идутъ эти переговоры, молодые продолжаютъ жить на полныхъ правахъ мужа и жены безъ церковнаго благословенія. Священникъ вызываетъ жениха или отца его на „проборку“, но получается одинъ отвѣтъ: рады-бы, батюшка, вѣнчаться, да отецъ (невѣсты) не даетъ обыска; вѣнчай безъ обыска, тогда и денегъ тебѣ дамъ больше положеннаго“. Но, конечно, едва-ли кто изъ священниковъ согласится на такое предложеніе, хотя въ недалекомъ прошломъ, когда чуваши боялись какъ огня вѣлузъ и сутяжничества, нерѣдко бывали случаи, когда священники за приличный говораръ (отъ 15 до 40 руб.) вѣнчали „краденныя свадьбы“ и безъ согласія родителей невѣсты. Эти времена, кажется, уже миновали. Теперь священникъ волей—неволей вынужденъ бываетъ

отложить вѣнчаніе до тѣхъ поръ, пока сватья не придуть къ соглашенію. Вслѣдствіе этого сілошь и рядомъ молодые живутъ безъ вѣнчанія по нѣсколькѣ мѣсяцевъ, даже по нѣсколькѣ лѣтъ. Когда я постушилъ въ приходъ, въ моемъ приходѣ было 21 пара невѣнчанныхъ, изъ нихъ 6—7 паръ прожившихъ болѣе года безъ вѣнчанія; у трюихъ были даже дѣти. Духовенство по мѣрѣ силъ своихъ и умѣнья борется съ этимъ непригляднымъ явленіемъ въ жизни чувашъ; но сила вѣбоваго языческаго обичая такъ велика, что чуваши никакъ не могутъ отвыкнуть отъ него. Тѣмъ болѣе, этотъ обичай имѣетъ тѣсную связь съ бытовыми обичаями чувашъ, основанными главнымъ образомъ на матеріальныхъ интересахъ.

Краденныя свадьбы устраиваются иногда не только съ согласія невѣсты, но и съ вѣдома ея родителей. Женихъ, облюбовавъ извѣстную дѣвушку, черезъ кого-нибудь наводитъ справку, согласны ея родители выдать за него дочь или нѣтъ. Если получится утвердительный отвѣтъ и если будущіе сватья не желаютъ входить въ излишніе расходы по свадьбѣ, то отцы жениха и невѣсты гдѣ нибудь наединѣ условливаются о „кражѣ“ невѣсты. Конечно, это дѣлается безъ вѣдома родственниковъ, иначе пришлось-бы устроить бракъ съ полной свадьбой. Затѣмъ, въ условленный день происходитъ фиктивное похищеніе невѣсты и свадьба вышеуказаннымъ порядкомъ. При чемъ, во время поимки невѣста тоже дается не безъ того, чтобы не покричать и не побарахтаться. На другой или на третій день отецъ ея заявляется яко бы съ претепвией, но тутъ же дѣло улаживается и завершается попойкой „до безсмертія“. Въ такихъ случаяхъ браковѣнчаніе не откладывается надолго. Только въ нѣкоторыхъ приходахъ сами священники задерживаютъ вѣнчаніе, требуя съ отца жениха недоданную ругу и другія недомки, или требуя за самую свадьбу гонорара больше положеннаго, въ наказаніе-де за то, что молодые позволили себѣ вступить въ супружескія связи до вѣнчанія, что закономъ возбраняется.

Устраиваются у чувашъ иногда, хотя и рѣдко, браки черезъ дѣйствительное и *насилъственное похищеніе* невѣсты.

Упогребивъ всѣ усилія уговорить облюбованную дѣвушку и безуспѣшно, женихъ рѣшается украсть ее насильно. Составляется планъ кражи. Узнавши чрезъ какую-нибудь пособницу—дѣвушку или женщину—о мѣстѣ и времени, гдѣ удобнѣе схватить невѣсту, женихъ въ указанномъ мѣстѣ подкарауливаетъ ее съ двумя—тремя молодцами. Какъ только она покажется, схватываютъ и тащатъ къ телѣгѣ. Какъ бы несчастная дѣвушка (насильно похищаютъ въ большинствѣ случаевъ дѣвушку сироту или дочь бѣдныхъ, смиренныхъ и робкихъ родителей) ни кричала и ни билась, все равно помощи ей ждать не откуда, потому что всякая украденная невѣста, по обычаю чувашъ, должна кричать и биться. Поэтому всякій, встрѣчающійся съ похитителями, не обращаетъ особеннаго вниманія на крикъ дѣвушки. Иногда, впрочемъ, въ видахъ предосторожности похитители накрываютъ ротъ дѣвушки подушкой до выѣзда изъ деревни, чтобы не слышать было ея крика. Когда привезутъ дѣвушку въ какую-нибудь деревню къ родственнику или знакомому жениха, то запираютъ ее съ женихомъ въ амбаръ, и здѣсь уже совершается полнѣйшее насиліе надъ беззащитной дѣвушкой, чтобы вынудить у нея согласіе на бракъ. Бываютъ при этомъ и такіе случаи, что если самъ женихъ не изъ удалыхъ и если ему не удалось побороть дѣвушку въ амбарѣ, то онъ выпускаетъ вмѣсто себя одного болѣе удалаго изъ сопровождающихъ его молодцовъ. Такимъ-то образомъ вынуждаютъ у невѣсты согласіе на бракъ. Потомъ обычно совершается свадьба и, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, христіанское бракосочетаніе. Но бываетъ и такъ, что не могутъ вынудить у невѣсты согласія на бракъ. Въ то время, когда въ амбарѣ женихъ или подставленное имъ лицо старается совершить надъ ней насиліе, она такъ уцѣпится его за оца, что тотъ съ визгомъ откакиваетъ отъ нея. Въ такомъ случаѣ везутъ ее въ какую-нибудь другую деревню и бросаютъ ее, измученную и обезсиленную, на улицѣ. Жаловаться въ такихъ случаяхъ судебной власти не принято у чувашъ.

Теперь коснемся вопросовъ, имѣющихъ юридическій характеръ.

Возрастъ. Определеннаго возраста для вступленія въ бракъ у чувашъ не существуетъ. Чуваша (парни) вообще женятся въ самой ранней юности, тотчасъ какъ выйдутъ имъ положенныя для того закономъ лѣта. Чувашскія красотки, напротивъ, засиживаются въ дѣвкахъ очень долго, до 28 и 30 лѣтъ. Вотъ причина: каждая изъ нихъ съ 12-ти или 13-ти лѣтъ уже болѣе или менѣе порядочная помощница и работница въ домашнемъ хозяйствѣ и полевыхъ работахъ. Отецъ и не торопится выдавать дочь замужъ. По этой же причинѣ, кому нужно женить сына, старается найти для него невѣсту не молодую, а вполне зрѣлую и способную къ работѣ. „До обнародованія нынѣ дѣйствующаго узаконенія о лѣтахъ, какія должны имѣть женихъ и невѣста, пятнадцатилѣтніе мальчишки сплошь-да-рядомъ женились на тридцатилѣтнихъ дульцинеяхъ ¹⁾... Богатые чуваша женили своихъ сыновей пяти или шести лѣтъ“ ²⁾. По словамъ Лепехина, чуваша въ такихъ раннихъ лѣтахъ собственно *не женили* своихъ сыновей, а только совершали *помолвку*. „Случается у нихъ, — пишетъ онъ, — что обрученіе или помолвка бываетъ еще во время малолѣтства дѣтей. Когда отцы знаютъ, что ихъ малолѣтние дѣти и лѣтами и имуществомъ между собою равны, то во время народнаго сонмища мѣняются другъ съ другомъ рогами съ табакомъ, говоря: смотрите добрые люди, что мы между собою сватовья; а какъ сіе засвидѣтельствуютъ, тогда они уже и называются сватовьями до взросту своихъ дѣтей. Если же по возрастѣ которому нибудь изъ отцовъ бывшій договоръ не понравится, напр.: если женихову отцу не понравится невѣста и откажется, тогда невѣстинъ отецъ отдаетъ свою дочь за другого: напротивъ того, есть ли невѣстину отцу не

¹⁾ Сбоевъ. Изслѣдованія..., стр. 27.

²⁾ Тамъ же, стр. 75. У Миллера стр. 67.

понравится женихъ, тогда онъ иначе отказаться не можетъ, какъ заплативъ отъ 6 до 12 рублей“¹⁾. Впрочемъ, существовать у чувашъ и тотъ и другой обычай, т. е. какъ женить, такъ и совершать помолвку во время малолѣтства дѣтей. „Едва-ли не это обстоятельство, замѣчаетъ г. Магнитскій по поводу женитьбы у чувашъ малолѣтнихъ сыновей, порождаетъ и нынѣ просьбы обвинять въполовину, что значить: обрядъ бракосочетанія совершить въ желаемое просителемъ время, а въ метрикахъ записать его по наступленіи брачному брачному совершеннолѣтію. Такія просьбы, какъ намъ извѣстно, перѣдко за приличный гонораріумъ и исполняются“²⁾. Чуваша—язычники и отступники—и теперь женятъ сыновей въ возрастѣ 12—18 лѣтъ. Такъ, въ дер. Среднихъ-Алгашахъ, Симбирскаго уѣзда, въ 1900 г. язычникъ Исливанъ женилъ 14 лѣтняго сына; Ишметъ женилъ сына 15 лѣтъ. Черезъ годъ у обоихъ родились дѣти. Въ дер. Три-Избы-Шемуршѣ лѣтъ шесть тому назадъ чувашинъ-отступникъ Матвѣй Васильевъ женилъ сына Хамита 14 лѣтъ, съ 16-лѣтняго возраста у послѣдняго стали рождаться дѣти. Дѣдушка этого самаго Хамита женился будто 12 лѣтъ. Даже православные иногда женятся 14—15 лѣтъ. У меня въ приходѣ было два такихъ случая. Это бываетъ тогда, когда въ семьѣ не бываетъ хозяйки-работницы.

Конечно, до достиженія мужемъ 18-ти лѣтняго возраста такія пары живутъ безъ вѣнчанія (Когда я этихъ молодыхъ, пятнадцатилѣтнихъ „мужей“, вызвалъ къ себѣ на увѣщаніе, то одинъ изъ нихъ заявилъ мнѣ: „ты, батюшка, не думай, что я живу съ ней, какъ съ женой; она живетъ у меня стряпкой“). Дѣти язычниковъ, родившіяся до достиженія отцомъ 18-ти лѣтняго возраста, признаются законными, на основаніи обычнаго народнаго права. Причину происхожденія обычая

¹⁾ Лепехинъ. Дневныя записки путешествія. СПб. 1795 г., ч. I, стр. 172.

²⁾ Каз. Губ. Вѣд. 1868 г., № 87.

чуваши женить малолѣтнихъ сыновей на взрослыхъ дѣвицахъ нѣкоторые видятъ въ снохачествѣ. Но, намъ кажется, это мнѣніе невѣрно. Во первыхъ, снохачество сильно осуждается общественнымъ мнѣніемъ чувашъ, а потому встрѣчается у нихъ, какъ явленіе весьма рѣдкое; во вторыхъ, когда чуваша женили очень малолѣтнихъ сыновей своихъ (8 и 10 лѣтъ) на взрослыхъ дѣвушкахъ, почти никогда не наблюдалось, чтобы у такой брачной пары начинали рождаться дѣти до достиженія мужемъ 15-ти, 16-ти или 17-ти лѣтъ; не можетъ быть, чтобы не рождались дѣти отъ такихъ браковъ до достиженія мужемъ половой зрѣлости, если чуваша дѣйствительно устраивали такіе браки въ видахъ снохачества. Гораздо збродятнѣе мнѣніе другихъ, объясняющихъ обычай женить малолѣтнихъ сыновей на взрослыхъ дѣвицахъ экономическими соображеніями: съ женитьбой сына въ домѣ прибавляется молодая, полная силъ, работница. Справедливость послѣдняго мнѣнія подтверждается и тѣмъ фактомъ, что чуваша даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда женятъ вполне зрѣлыхъ сыновей, не берутъ за нихъ молоденькихъ невѣстъ 14—17 лѣтъ, а берутъ непременно вполне зрѣлыхъ невѣстъ, лѣтъ 22-хъ и болѣе.

Родство. Браки по прямой восходящей и нисходящей линіи кровнаго родства запрещаются у чувашъ (язычниковъ) безусловно. По боковымъ линіямъ кровнаго родства бракъ запрещается до 6-й степени, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 7-й степени. Такъ, не позволяется жениться: 1) на родной сестрѣ, 2) на двоюродной и троюродной сестрѣ по отцу (но на двоюродной и троюродной сестрѣ по матери можно жениться), на племянницѣ до троюродной включительно. Въ другихъ видахъ родства (двухъкровнаго и трехъкровнаго) браки допускаются въ близкихъ степеняхъ. Такъ, позволяется жениться на женѣ своего умершаго брата ¹⁾, на свояченицѣ

¹⁾ Въ дер. Три-Избы-Шемуршѣ, Буинскаго уѣзда, чувашина-отступника Исая Егорова сынъ Авсянъ женатъ на женѣ своего умершаго роднаго брата, также: язычникъ Узбекъ въ

послѣ смерти первой жены ²⁾, но жениться на свояченицѣ при жизни жены не дозволяется, а равно не дозволяется жениться двумъ братьямъ на двухъ родныхъ сестрахъ. Позволяется жениться на племянницахъ своей умершей жены ³⁾. При указанныхъ бракахъ дѣти отъ первой жены зовутъ маичиху, по сообщенію свящ. с. Новыхъ Алгашей, Симбир. у. о. Дмитріева, не мамой (анне), а сестрой или теткой (акка, аппа). Браки въ такихъ близкихъ степеняхъ родства допускаются у чувашъ по слѣдующимъ мотивамъ: во первыхъ—потому, что родственница-де лучше будетъ относиться къ сиротамъ, остающимся послѣ смерти первой жены; во-вторыхъ, потому, что пусть-де приданое первой жены достанется не чужому, а своему же человѣку, родственницѣ своей жены. Эти мотивы заставляютъ иногда и православныхъ чувашъ обращаться къ священнику съ просьбой повѣнчать на свояченицѣ, или племянницѣ умершей жены. Такіе факты наблюдались во

дер. Среднихъ Алгашахъ, Симбирск. уѣзда; отступникъ Алексѣй Удвингинъ въ Стюхинскомъ приходѣ, Бугурусл. у.

Г. Миллеръ (см. стр. 68 вышеуказ. соч.) по поводу обычая чувашъ жениться на женѣ своего умершаго брата замѣчаетъ, что у чувашъ только меньшому брату дозволяется жениться на женѣ своего умершаго старшаго брата, а старшему брату не дозволяется жениться на женѣ умершаго меньшаго брата.

²⁾ Примѣры: отпадшій Феодоръ Архиповъ—въ дер. Три-Избы-Шемуршѣ; язычникъ Селендей въ Стюхинскомъ приходѣ, Самар. губ.; язычникъ Пильмурза Пикуловъ въ дер. Уты-Камево поле Вудаяль, Цивильск. у.; въ дер. Среднихъ Алгашахъ, Симбир. у., когда у язычника Хунтѣ померла замужня дочь, онъ выдалъ за зятя другую дочь.

Миллеръ по поводу обычая чувашъ жениться на свояченицѣ замѣчаетъ, что чуваша „особливо любятъ жениться на двухъ, или на трехъ сестрахъ по одиначкѣ“ (стр. 68), имѣютъ къ тому особливую склонность“ (стр. 70). Этотъ обычай чувашъ былъ замѣченъ и Лепехинимъ. См. Дневн. Записки, ч. I, стр. 173.

³⁾ Напр., язычникъ Ахмать въ дер. Среднихъ Алгашахъ женатъ на родной племянницѣ своей умершей жены.

многихъ приходахъ, былъ и у меня въ приходѣ ¹⁾. По хорошо, если чуваша догадаются въ такихъ случаяхъ обратиться за совѣтомъ предварительно къ священнику. А то бываетъ иногда и такъ: чувашинъ—вдовецъ женится на свояченицѣ или на племянницѣ умершей жены, а потомъ уже заявляется къ священнику съ просьбой повѣнчать ихъ. Причтъ на оглашеніи спрашиваетъ, не имѣется-ли между женихомъ и невѣстой родства, возбраняющаго бракъ. Слушатели молчатъ или же отвѣчаютъ, что родства, *возбраняющаю* бракъ, не имѣется между ними, такъ какъ по понятію ихъ жениться на свояченицѣ не *возбранительно*. Причтъ спокойно вѣнчаетъ ихъ. Послѣ случайно обнаруживается ошибка, но уже поздно. Подобный случай былъ у причта села Шемурши, Буинскаго уѣзда, въ 1894 году. Браки чувашъ-язычниковъ и въ близкихъ степеняхъ родства признаются законными.

Число браковъ. По брачному праву чувашъ можно жениться сколько угодно разъ, лишь-бы въ одно время не имѣть нѣсколько женъ. Многоженство, хотя и не запрещается безусловно, считается грѣховнымъ, неприличнымъ и почти не встрѣчается среди чувашъ. Двоеженство допускается только въ случаѣ бездѣтства первой жены и въ случаѣ отсутствія сыновей отъ первой жены, и то только при томъ условіи, если первая жена изъявитъ на это свое согласіе. У татаръ-магометанъ въ случаяхъ двоеженства и многоженства главную роль въ домѣ присваиваетъ молодая жена, но у чувашъ—наоборотъ: главная роль въ домѣ остается въ такихъ случаяхъ за первой женой. Но, говоря вообще, двоеженство встрѣчается среди чувашъ очень рѣдко. Въ четырехъ языческихъ деревняхъ, о которыхъ доставили намъ свѣдѣнія, оказалось только трое двоеженцевъ. Въ дер. Среднихъ Алгашахъ, Симб. у., одинъ двоеженецъ, Гуйметъ. Въ Три-Избы-Шемуршѣ, Буинск. у.,

¹⁾ Съ такой просьбой обращались ко мнѣ крестьяне села Рунги, Буинск. у., Семень Петровъ Шемми и Михаилъ Андреевъ Сайкинъ.

тоже одинъ, Денисъ Даниловъ, изъ отпадшихъ. По рассказамъ стариковъ, предокъ Три-Избинскихъ чувашъ Мтрикъ имѣлъ въ одно время 7 женъ, его сыновья Паргунъ и Псливанъ имѣли по двѣ жены, послѣ этого уже прошло около 200 лѣтъ и за все это время не было больше двоеженцевъ въ ихъ деревнѣ. Только теперь вотъ Денисъ Даниловъ женился на второй, и то только потому, что отъ первой жены не было у него дѣтей. Отъ второй жены у него имѣется сынъ, который обѣихъ его женъ зоветъ мамой (анне) и котораго обѣ его жены любятъ совершенно одинаково. Въ деревнѣ Уты-Камаево, Цивильскаго уѣзда, язычникъ Авсянъ Автимировъ по бездѣтности своей первой жены Элемше Шебѣевой взялъ другую жену Шернессъ Ахматову, но чрезъ годъ почему-то прогналъ ее и вмѣсто нея взялъ другую, Селюкъ Ильметову. Последняя родила ему сына и дочь. Но послѣ женитьбы его на Ильметовой и первая жена подарила ему сына и дочку.

Такъ какъ крещенные чуваша и до сихъ поръ еще крѣпко держатся прежнихъ языческихъ обычаевъ, то и въ брачныхъ дѣлахъ они часто руководствуются старыми традиціонными обычаями. Такъ, послѣ смерти трехъ законныхъ женъ они часто женятся на четвертой и пятой, такъ какъ общественное мнѣніе совсѣмъ не осуждаетъ такихъ браковъ. Одинъ изъ моихъ бывшихъ прихожанъ, крестьянинъ села Рунги, Буинск. у., Илья Васильевъ былъ женатъ 6 разъ. Похоронивъ трехъ законныхъ женъ, онъ женился на четвертой, но чрезъ нѣсколько времени одинъ вдовецъ переманилъ ее отъ него и повѣнчался съ нею. Онъ женился на пятой, но ее у него опять отняли. Также и шестую. Тогда онъ явился ко мнѣ съ претензіей и горько сталъ жаловаться на своихъ обидчиковъ, при этомъ просилъ меня, чтобы я повѣнчалъ его „хоть для формы, хоть не полнымъ или не настоящимъ вѣнчаніемъ“, когда онъ найдетъ себѣ седьмую жену. Я, конечно, не только не согласился исполнить его просьбу, но побранилъ его за старые грѣшки и убѣждалъ его впредь не дѣлать такого соблазна. Мужикъ мой ушелъ отъ меня страшно недовольнымъ. Всорѣ послѣ

этого онъ взялъ да и женилъ 15-ти лѣтняго своего сынишку, оправдываясь тѣмъ, что въ домѣ нельзя обойтись безъ женщины, а панять страпу онъ не въ состояніи. Нужно замѣтить, что за 4-й, 5-й и 6-й браки никто изъ монаховъ прихожанъ и не думалъ осуждать Илью Васильева, и всѣ относились къ его сожительницѣ не какъ къ сожительницѣ, а какъ къ законной и полноправной женѣ его.

Изоодъ. Развода въ собственномъ смыслѣ, какъ формальнаго акта, подчиненнаго извѣстнымъ правиламъ и сопряженнаго съ такой или иной обрядностію, у чувашъ-язычниковъ не существуетъ. Случай ухода жены по несогласію съ мужемъ бываетъ, но очень и очень рѣдко. Удивляемся, замѣчаетъ о. Дмитріевъ, какъ не уходятъ у чувашъ-язычниковъ ничѣмъ не связанныя жены, тогда какъ среди православныхъ жены стали убѣгать отъ мужей довольно частенько! Это объясняется тѣмъ, что разводъ не одобряется брачнымъ правомъ чувашъ и понимается, какъ вѣчто безнравственное. Но, какъ мы выше замѣтили, случаи ухода женъ отъ мужей все-таки бываютъ, но мужья сами не могутъ прогонять женъ. Жена при уходѣ отъ мужа беретъ свое приданое, дѣтей дѣлятъ по соглашенію. По сообщенію исторіографа Миллера, у чувашъ при разводѣ супруговъ и прежде не существовало никакихъ формальностей. Недовольный своею женою чувашинъ лишалъ ее своего ложа, дѣлалъ ее своею работницей,—и вся недолга. Но по сообщенію писателей Екатерининской эпохи у чувашъ существовала будто вѣкоторая обрядность въ дѣлѣ развода. Такъ, академикъ Палласъ рассказываетъ, что „если мужъ былъ недоволенъ своею женою, то разрывалъ ея сарпанъ (головную повязку изъ длиннаго полотенца) на двѣ части; одну бралъ себѣ, а другую отдавалъ женѣ, которая вслѣдъ затѣмъ должна была оставить домъ своего мужа“¹⁾. По сообщенію г. Магнитскаго, этотъ

¹⁾ У г. Сбоева, см. Изслѣд., стр. 81. Этотъ обычай былъ замѣченъ и Георги. См. Описаніе всѣхъ живущ. въ Рос. гос. народовъ, ч. I, стр. 38.

обычай, только съ большими подробностями, соблюдается и въ настоящее время чувашами Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губ. Именно, у уфимскихъ чувашъ разводъ дѣлается такъ: „мужъ и жена приглашаютъ, каждый съ своей стороны, въ посредники стариковъ для разбора обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ разводу, что называется шаригать. Шаригатчики до приступленія къ дѣлу рядятъ себѣ вина съ виновной стороны. Сдѣлавъ подобныя условія, они первоначально раздѣляютъ между недовольными супругами дѣтей, если они есть, и имѣнїе, потомъ выводятъ супруговъ на средину улицы, ставятъ другъ къ другу спинами и связываютъ ихъ кушакомъ. Затѣмъ шаригатчики со стороны мужа становятся въ линію по правую сторону, а со стороны жены—по лѣвую и дѣлается условіе, чтобы не жить вмѣстѣ. Одинъ изъ шаригатчиковъ острымъ ножомъ перерѣзываетъ поясъ, связывавшій мужа съ женою, и недовольные супруги, въ знакъ презрѣнія, въ то самое время стараются пятами ногъ пнуть другъ друга въ задъ и бѣгутъ на рѣчку умываться, приговаривая: „какъ берега рѣки никогда не сходятся, такъ-бы и мы не сходились“. Послѣ того шаригатчики принимаются за попойку и тѣмъ разводъ не ужившихся супруговъ оканчивается и всѣ супружескія отношенія ихъ прекращаются“¹⁾. Есть данныя предполагать, что подобный обычай существовалъ прежде и у чувашъ Казанской губ. Такъ, одна женщина въ дер. Масловой рассказывала, что развестись съ мужемъ можно, только на судѣ нужно въ одинъ махъ разорвать сорбань сперва поперекъ, а потомъ каждую половину вдоль²⁾. Можетъ быть, въ прежнее время этотъ обычай былъ общепринятъ у чувашъ, но въ настоящее время, насколько мы можемъ судить по имѣющимся у насъ даннымъ, этотъ обычай неизвѣстенъ чувашамъ, кромѣ чувашъ Белебейскаго уѣзда. Нельзя также ничего положитель-

¹⁾ Магнитскій. Матеріалы, стр. 218. Это описаніе заимствовано г. Магнитскимъ изъ этнограф. очерка Менъшова.

²⁾ Ibid.

наго утверждать относительно того, чисто-ли чувашскій это обычай, или онъ заимствованъ чувашами у другихъ народностей. Можно думать, что онъ заимствованъ у татаръ-мусульманъ, на что указываетъ и самое слово шаригать = شریعت (практическая, обрядовая часть вѣроученія мусульманъ). Но есть основаніе предполагать, что онъ заимствованъ чувашами у русскихъ. Въ старину при разводахъ разрывъ холста имѣлъ важную роль и у русскихъ. Рафаилъ Барберани въ XVI вѣкѣ описываетъ древній обрядъ развода въ Россіи, который состоялъ въ томъ, что мужъ съ женою приходили къ проточной водѣ, становились каждый на противоположной сторонѣ и, взявши за концы тонкую холстину, тянули ее до тѣхъ поръ, пока не разрывали, такъ что у каждаго изъ нихъ оставалось по половинѣ холстины въ рукахъ. Послѣ того мужъ и жена расходились и дѣлались совершенными свободными ¹⁾. По словамъ о. Смѣловскаго, чуваша въ старину также отправлялись на ключъ, протягивали чрезъ него сурбанъ и, разорвавъ его на части, расходились; нынѣ, по его же словамъ, иногда супруги разрываютъ сурбанъ чрезъ порогъ влѣти ²⁾.

Запись. Для записи браковъ язычниковъ-чувашъ не существуетъ специальныхъ документальныхъ книгъ, вродѣ нашихъ метрическихъ. Прибыль и убыль въ чувашскихъ семьяхъ отмѣчается волостнымъ писаремъ или его помощниками въ „посемейномъ спискѣ“ при его провѣркѣ, которая производится одинъ разъ въ годъ. Самая запись производится просто, безъ свидѣтелей, безъ всякихъ формальностей. Время рожденія, смерти и бракосочетанія показывается приблизительно.

Семейныя отношенія. Нѣкоторыя подробности чувашскаго брачнаго ритуала, какъ то: ѣзда верхомъ, обязательное употребленіе нагайки, стрѣлянне изъ ружья или изъ лука, обрядъ якобы насильственнаго вывода невѣсты изъ ея дома,—

¹⁾ И. М. Спигиревъ. Русскіе въ своихъ пословицахъ, кн. II, стр. 63.

²⁾ Каз. Губ. Вѣд. 1868 г. № 93.

указываютъ на то, что въ отдаленномъ прошломъ браки чувашъ всегда заключались чрезъ насильственное похищеніе невѣсты. Въ эту эпоху, конечно, не могло быть и рѣчи о какихъ-бы то ни было правахъ женщины въ семьѣ: она была полной и безличной рабыней предъ мужемъ. Съ теченіемъ времени, когда чуваша стали усваивать болѣе или менѣе культурныя понятія и мирный образъ жизни, бракъ чрезъ похищеніе смѣнился у нихъ покупнымъ бракомъ: женщина уже приобрѣталась не чрезъ похищеніе, а покупалась за извѣстную плату или калымъ. Но и тогда еще женщина, какъ купленная вещь, не могла пользоваться никакими ни личными, ни имущественными правами. Съ теченіемъ времени, когда чуваша стали усваивать взглядъ на женщину, какъ на правоспособную личность, калымъ въ брачномъ дѣлѣ потерялъ у нихъ свой первоначальный смыслъ. Въ настоящее время онъ не опредѣляетъ уже собою стоимости безличной рабы-женщины, а является скорѣе матеріальною помощью, оказываемой родными жениха роднымъ невѣсты для снаряженія ея приданого. Весь калымъ уходитъ на это приданое, часто его даже не хватаетъ. Въ этомъ видѣ калымъ является не оскорбленіемъ личности женщины, а скорѣе—гарантіею ея личныхъ и имущественныхъ правъ. Теперь уже мужъ въ чувашской семьѣ не можетъ деспотически обращаться съ женою, какъ съ вещью или безправной рабыней. Въ такомъ случаѣ жена можетъ уйти отъ него, взявши все свое имущество: свои наряды, стоящіе не дешево, свою скотину—лошадь, корову, овецъ и птицъ, даже можетъ взять и приплодъ отъ нихъ, полученный уже въ домѣ мужа. Кромя того, она можетъ даже, въ случаѣ развода по винѣ мужа, предъявить искъ и на ту часть имущества, которую она, какъ равноправная рабочая единица, приобрѣла за время совмѣстной жизни съ мужемъ. Но этими правами женщинамъ-чувашкамъ приходится пользоваться весьма рѣдко. Благодаря кроткому и миролюбивому характеру чувашъ, ихъ семейная жизнь течетъ тихо и мирно, безъ ссоръ и дракъ. Внешне-распределительная власть въ семьѣ принадлежитъ отцу-хозяину, а внутренняя,

контрольно-исполнительная—матери-хозяйкѣ. На обязанности отца лежить изысканіе средствъ для пропитанія семьи и уплаты податей, централизація и распредѣленіе продуктовъ труда между членами семьи, а на обязанности матери—надзоръ за дѣтьми, приготовленіе для нихъ и мужа пищи, обшиваніе и обмываніе ихъ. Уходъ за скотомъ главнымъ образомъ лежить на обязанности отца и мужскихъ членовъ семьи. Исполненіе религиозныхъ обязанностей принадлежитъ ¹⁾ старшему члену семьи—мужчинѣ, по домашнія моленія сплошь и рядомъ совершаются и хозяйками. Въ послѣднемъ случаѣ хозяйка во время моленій надѣваетъ на голову мужнину шапку или держитъ ее подъ мышкой или за пазухой. Этимъ, вѣроятно, выражается идея, что исполненіе религиозныхъ обязанностей въ принципѣ принадлежитъ мужчинѣ-хозяину. Всѣ заработки матери съ дочерью отъ продажи холста, нитокъ, стараго тряпья, масла, шерсти и яицъ, остающихся въ излишкѣ отъ домашняго употребленія, составляютъ ихъ неотъемлемую собственность и идутъ на удовлетвореніе ихъ женскихъ нуждъ: наряды, приданое и проч. Глава семьи посягаетъ на ихъ собственность только въ крайней необходимости или при недобропорядочности его жизни. Послѣ женитьбы сыновей въ семьѣ образуются новыя ячейки съ имущественными правами: прежняя скотина остается собственностью матери и дочерей ея, а приданная скотина и птица снохъ—ихъ собственностью (собинкой, или супинке, какъ говорятъ чуваші). Лошади ихъ работаютъ на семью, а равно и продукты отъ коровъ: молоко и масло—идутъ на удовлетвореніе семейныхъ нуждъ. Но приплоды, получаемые отъ приданныхъ свиныхъ лошадей, коровъ, приплоды и шерсть отъ приданныхъ овецъ, пухъ и перья отъ птицъ—считаются неприкосновенной собственностью снохъ. Это обстоятельство обуславливаетъ возникновеніе двухъ неприглядныхъ явленій въ жизни чувашъ: из-

¹⁾ Какъ извѣстно, у чувашъ-язычниковъ нѣтъ особаго жреческаго класса; религиозныя обязанности исполняются въ каждой семьѣ старшимъ членомъ семьи.

мельчанія породы скота и семейныхъ раздоровъ. Каждой снохѣ выгодно имѣть больше скота, поэтому каждая изъ нихъ старается не позволять продавать своихъ жеребятъ, телокъ и ярокъ, а старается оставлять ихъ на-племя. Поэтому въ каждой многочисленной семьѣ накапливается полонъ дворъ скота. А такъ какъ порядочнаго корму для такой аравы не напасешься, то чувашаи кормятъ скотъ кое-какъ. Вслѣдствіе этого скотъ дряхлѣетъ и мельчаетъ. Это весьма невыгодно отражается на экономическомъ положеніи чувашъ: чувашская овца даетъ въ годъ 3—4 фун. шерсти, тогда какъ у русскихъ даетъ 8—10 фунтовъ; чувашская корова даетъ въ сутки 1 или 2 кружки молока, тогда какъ у русскихъ корова даетъ 2—3 горшка въ сутки. Поэтому и дѣти чувашъ, за рѣдкими исключеніями, совсѣмъ не видятъ молока: имъ дается только простокваша (уйран), получаемая послѣ паханья. Это, конечно, скверно отражается на здоровьѣ чувашъ. Такъ какъ все таки невозможно оставить на племя всѣхъ жеребятъ, телокъ и ярокъ отъ приданнаго скота снохъ, то возникаетъ въ семьѣ вопросъ: чьихъ жеребятъ или телокъ колоть или продать, чьихъ—оставлять на племя. И вотъ, на этой почвѣ возникаютъ часто семейные нелады, оканчивающіеся раздѣломъ семьи. Говоря о семейныхъ отношеніяхъ чувашъ, нельзя не упомянуть объ одномъ характерномъ обычаѣ чувашъ, именно: чувашки-снохи никогда не показываютъ своему свекору и женатымъ деверямъ, а равно и нареченнымъ отцамъ (хыйматлыхамъ) волосъ и босыхъ ногъ. Если случайно, по неосторожности, онѣ провинятся въ этомъ предъ кѣмъ-нибудь, то должны искупить свою оплошность штрафомъ: подарить ему полотенецъ или кисеть, или что-нибудь другое. Въ этомъ обычаѣ г. Жиро-Теленъ видитъ остатокъ реакціи противъ существовавшаго въ первобытныхъ времена коммунизма половъ и кровосмѣшенія ¹⁾. Это очень вѣроятно.

¹⁾ Происхожденіе семьи. О состояніи общества до патриархальнаго періода. Прилож. въ журн. Знаніе за 1876 г., стр. 53.

Приложенія.

№ 1. Такмак.

„Асѣнни сѣѣ кун, тухни виѣ кун; утсем ырхан пулѣс, сулсем хура пулѣс: сѣтеймерѣмѣр вѣхѣта, айѣп тумасѣрѣнѣс есир нире, тайѣн пуѣм сире (пур те пуѣсапаѣсѣ). Утмѣл сухрѣм хура вѣрман урлѣ килтѣмѣр, сѣтмѣл сухрѣм сѣсен хир урлѣ килтѣмѣр. Утмѣл сухрѣм хура вѣрман урлѣ каснѣ ѣухне пѣр пѣлан куртѣмѣр: унѣн мѣйрави вѣсѣ ылтѣн иккен, ѣѣрни вѣсѣ кѣмѣл иккен, мѣйравине шѣйѣраѣ те йѣр тѣваѣ, ѣѣрнине пуѣаѣ те сул тѣваѣ. Сѣван сѣлсине килтѣмѣр. Сѣкѣ туй халѣхѣ: айѣп тумасѣтра? вѣтетре? хапѣл тѣватра?“ тет. Тухса илевен калаѣ: „вѣтетпѣр, хапѣл тѣватѣр“. тет. Леш калаѣ: „Сѣтмѣл сухрѣм сѣсен хир урлѣ килнѣ ѣух куртѣмѣр епир сѣл—сунатлѣ урхамах: унѣн пуѣсѣ пѣлѣте тимест, ури сѣтре тимест; утни—йуртни сисѣнмесѣ: шыв пек йухат, сѣл пек вѣсет, сѣв урхамах сѣне утланса килтѣмѣр епир сѣв туйѣ. Сѣсен хир варринѣс сѣвра кѣлѣ, кѣлѣ варринѣс ылтѣн йуѣпа, ылтѣн йуѣпа тѣрринѣс ѣмѣрт кайѣв; унѣн ури пѣхѣр, сунѣвѣ вѣмѣл, сѣмси ылтѣн; урине тапаѣ, сунѣвѣсине суѣаѣ, сѣмсине вѣйѣ калаѣ; сѣв вѣйѣ сассине килтѣмѣр епир. Сѣв сулѣпа килнѣ ѣухне сѣв хѣтасен йалѣ курѣнѣс хула пек, сурѣѣ умне сѣтрѣмѣр, сурѣѣ курѣнѣс кантур пек: хапхи тѣват йуѣпалѣ, виѣсѣ хупѣлѣ, сѣйѣ калаѣ, йуѣпи мѣрѣен, хупѣпи вѣленѣс, тѣпси пѣхѣр, тытѣвѣѣзи вѣмѣт; вѣл хапха сѣл—хѣвелпе шалтѣртатаѣ, хѣрѣ хѣвелпе йалтѣртатаѣ; сѣв хѣта нире хапхине уѣсса вѣтсе хапѣл туса тѣраѣ; вѣл хапхаран вѣрсен, хѣтанѣн карташ пѣт пыѣв иккен: урлѣшѣ вѣтѣр утѣм, тѣрѣшшѣ утмѣл утѣмѣл утѣмра утмѣл йуѣпа, кашни йуѣпара утмѣл унѣл, утмѣл утѣм, унѣлран пѣр унѣнне утсене вѣкарса кантарма памѣ-ши? епѣ йѣтмаѣстѣп, вѣрѣ йѣтаѣ. Вѣсѣсѣ пыракан ѣмѣрт кайѣв та уртѣтѣш йѣвѣсѣ сѣне ларса канаѣ. Сѣв хѣтанѣн карташ варринѣс ултѣ хѣлаѣслѣ пѣрѣѣ пур: тултан пѣхсан сѣкѣр вѣтес, ѣшне вѣрсен тѣват вѣтес, тѣват вѣтессинѣен пѣр вѣтессине нирѣн сѣв туй халѣхне вѣрсе тѣма ирѣв пулмѣ—ши? (Хѣта калаѣ: пиртен ирѣв, тет.) Вѣл пѣртѣн ѣшѣнѣсѣ

99 хӓми пур иккен, 88 сакки пур иккен, 99 хӓмниҗен пӗр хӓмине пире авалхи йӓлана выҗаса кулма прӗк пулмӗ-ши? Епӗ каламастӓп, җак кӗрӗ калаҗ, епир кӓна мар, Турӓ хуш-нипе җеҗен хир те шевле выҗаҗ. 88 саккиҗен пӗр сакки җак туй халӓхне ларса канма прӗк пулмӗ-ши? Епӗ иҗтма-стӓп, кӗрӗ иҗтаҗ: епир кӓна мар, вӗҗсе пыракан ӓмӓрт кайӓк та уртгӓш йывӓҗе җине ларса канат. Ултӓ хӓлаҗлӓ пӗрт ӓшӗн-җе хӓтанӓн ултӓ хӓлаҗлӓ сӗтел пур иккен; вӓл ултӓ уралӓ сӗтел җинҗе пӗр пуҗӗнҗе сирсе сирӗлми сим пыл лараҗ, тепӗр пуҗӗнҗе тутлӓ шерпет лараҗ, сим пыла тутлӓ шерпет хуш-шинҗе ылтӓн тиркӗ лараҗ, ылтӓн тиркӗ җинҗе сурхат выҗаҗ, җав сурхат пек пире выҗаса кулма прӗк пулмӗ-ши? җак хӓта пирӗн җак туй халӓхне кӗтсе сӓра тунӓ иккен; сӓрине җиҗе хут тунӓ, җиҗе хут туса җиҗе пасманаран тунӓ. Нӗхрепре пиҗеглесе хунӓ пиҗеке пур иккен, пиҗеки хӗрӗх кӓҗӓллӓ, пӗ пӓккӓллӓ тет; пӗр пӓккиҗен сим-пыл йухаҗ, тепӗр пӓккиҗен тутлӓ шерпет йухаҗ. Сим—пыне ӗҗсен ӗҗӗр пулмала, тутлӓ шерпетне ӗҗсен тутлӓ калаҗмала. Вӓл ӗҗе ӗҗӗ җӗре җимӗҗ хатӗрленӗ: җиҗе җулхи вӓкӓрӗ пулӓ, җиҗе җултанпа җиҗе кӗтӗве кӗмен, кӓҗалхи җул җав вӓкӓра пирӗн аҗа туйӗ хатӗрне тытса пуснӓ иккен. Унӓн иккӗмӗш җыса хатӗрленӗ пилӗк җулхи хура така пулӓ, пилӗк җулта пилӗк кӗтӗве кӗмен, вӓл пуҗӗпе те сӗкнӗ, вуҗӗпе те сӗкнӗ, җав такана кӓҗалхи җул җак пирӗн аҗанӓн туйӗшӗн тытса пуснӓ. Тата виҗӗмӗш җыса хатӗрленӗ виҗӗ җулхи кӓрӓкки пулӓ, виҗӗ җулта виҗӗ җӗре анман, шав хуралтӓ тӓрринҗе шулап тӓрӓх җунатланса вӗҗсе җӗренӗ, җав кӓрӓккана Турӓ хушнипе кӓҗалхи җул җил-тӓвӓл тӗртсе антарнӓ, хӓта ӓна җак туй халӓхӗшӗн тытса пусса пӗҗерсе хатӗрленӗ. Вӓл ӗҗе-җике җисе-ӗҗсе тӓраннӓ җӗре җак хӓтанӓн улма саҗӗ пур иккен, улма саҗӗ варринҗе мунҗа пур, мунҗн уртгӓш йывӓҗӗнҗен, җийӗ калаҗ, лапки кӗленҗе, җулӗ мерҗен, ӓшши шерпет, милӗкӗ пурҗӓн, валашки пӓхӓр, курки кӗмӗл. җак хӓга пур туй халӓхне җав мунҗана кӗртсе җӓвӓнтарасшӓн тет. җав мунҗаран тухнӓ җӗре җак хӓта җис хатӗрлет. Унӓн виҗӗ витре кӗрекен сӓмавар пур, вуни пуҗлӓ

селем нек ъашкърса ларат. Сăмавар таврашѣнѣ вун-икѣ парѣ ъашкѣ сине ъей тултарса хунѣ, сак туй халѣхне ларса ѣсме хатерленѣ. Сак пирѣи хѣта лайѣх кѣмѣллѣ иккен, кам туйѣ билменнинѣ тепѣр хут шилѣк йыхѣрма йама крыльца умне ылт-тан силхелѣ, кемѣл ъѣрпелѣ улма—ъѣпар ут кѣкарса хунѣ иккен. Ей хѣта, тулѣб-и кѣмѣллѣр? Кунтан ыгла сѣмахѣм сук, сиртен ыгла савнѣ сывнѣм сук. Сывтен пулсан ситерѣр, ыгла пулсан ан айѣплѣр. Ей хѣта, тав сапа, тайма пуѣм! (пуѣсшапѣ): Тайма пуѣа хѣс витмен, ман сѣмахѣм спре витес сук. Тав сапа, тайма пуѣм! (пуѣсшапѣ).

№ 2. Хѣр йѣрри.

1. Хура вѣрман йѣшѣнѣ
Хурѣлхан татаѣ пѣр аѣа;
Ашшѣ—амѣш парсассѣн
Йѣрет те кайѣт хѣр—аѣа.

2. Йрѣ ут килег ытѣянса
Йрѣ урхамах йѣрѣне;
Ман туй билет шавласа
Атте—анне йѣѣне.

3. Вѣрене тутка сывѣнаѣ,
Хурѣн тутка хуѣлаѣ;
Атте сѣмйи катѣлаѣ,
Ситѣ йут сѣмйи хутшѣнаѣ.

4. Тимѣр суна, йѣс тупан,
Сутѣ йултѣр сул сине;
Йѣс шѣнкрав нек сассѣмѣм
Йанѣра йултѣр йрама.

5. Кѣмѣл кѣпер ѣрештѣнне
Хамѣр хурса кѣсрѣмѣр;
Атте хапхи вырѣсла,
Хамѣр уѣса кѣтѣмѣр.

6. Хура вѣрман вуттине
Еп касмасѣр кам касас;

Хамѣр кассѣн аѣине
Еп каймасѣр кам кайас.

7. Атѣл улѣх улма-нек,
Ман тѣвансем улпут нек;
Тѣвансем пур те лайѣхран
Йѣури туйла тутартѣм.

8. Йѣнѣѣк тулли пѣхѣр укѣа,
Йѣтѣм пасара сав пухаѣт;
Вун-тѣхѣр сулхи пуѣмша
Йѣтѣм тѣвана хам пухрѣм.

9. Хура вурак килнѣ-сѣе,
ъѣпѣ йѣтма килнѣ пулѣ.
Улхаш ъѣваш, хура ъѣваш
Мана нлме килнѣ пулѣ.

10. Спѣрѣм кѣсрѣм пахѣана,
Мѣкѣнѣ ъѣѣек пулѣ тесе,
Мѣкѣнѣ ъѣѣек пулмарѣ.
ъѣупрѣм тухрѣм йрама
Хамѣр савни пулѣ тесе;
Хамѣр савни пулмарѣ,
Турѣ сырѣи пулайрѣ.

11. ъѣупрѣм антѣм сырмана

Кѣмѣл сѣрѣ пулѣ тесе;
Тѣхлан сѣрѣ пулайрѣ,
Кѣмѣл сѣрѣ пулмарѣ;
Ѓупрѣм кѣгѣм пѣр пѣрте,
Хамѣр сѣмѣе пулѣ тесе,
Хамѣр сѣмѣе пулмарѣ,
Ѓут сын сѣмѣи пулайрѣ.

12. Ѓупрѣм антѣм сырмана,
Шѣма кѣпсѣи пулѣ тесе,
Шѣма кѣпсѣи пулмарѣ,
Шѣрѣшлѣ кѣпсѣе пулайрѣ.
Тѣван тесе ѓупрѣм та,
Сѣгѣ ѓут аѣи пулайрѣ.

13. Икѣ витре шыв ѣсрѣм,
Пусма умне лартайрѣм,
Ахах ѣатѣм—путмарѣ,
Кѣмѣл ѣатѣм—ѣухмарѣ,
Сав Кив-Улхаш аѣине
Пѣр те ѓунѣм савмарѣ;
Турѣ сырни ѣамарѣ,
Турѣ сырни—сѣс сѣхни:
Сивѣтсен те сивѣнмест.
Пѣр те Турѣ сырманни
Сивѣтмесен те сивѣнет.

14. Шѣнкѣр-шѣнкѣр шыв
ѣухаѣ,
Хѣмѣшпа хѣѣх хушшинѣе;
Хѣр ѣмерѣ пртет-сѣе.
Шурѣ пѣрвенѣсѣк аѣѣнѣе.

15. Мамѣк минтер, хѣмаѣѣ пнт,
Ан хур, нике, лармастѣп;
Атте хапхѣ вырѣсла.
Ан ус, тете, тухмастѣп.

16. Сѣтсѣ кѣне тѣсѣмсѣр,
Самрѣк пусѣм телейсѣр.

17. Хура вѣрмантѣ хурѣѣка
Хире тухман, уѣ курман;
Сав Кив-Улхаш аѣисем
Вѣѣѣа тухман, хѣр вурман,
Мавран пусѣне хѣр тушман.

18. Шѣпѣр-шѣпѣр сѣмѣр сѣваѣ,
Ѓѣреѣе витѣр курѣнаѣ;

Епѣ ырѣ курмассѣ
Пѣхса витѣр курѣнаѣ-

19. Шѣпѣр-шѣпѣр сѣмѣр-
сѣваѣ,

Мана сѣран кам парас;
Сѣгѣ ѓут ѣншлѣ, еп пѣѣѣен,
Манѣн хута кам кѣрес.

30. Кѣмѣл сѣрѣ пысѣк мар,
Унѣн кусѣ ахах мар;
Епир сын пек пысѣк мар.
Епир сынна ѣурас сув.

21. Вѣл-вѣл ѣѣек, вѣл ѣѣек,
Вѣлле сѣнѣи сар ѣѣек,
Ѓѣѣек вѣсѣе кѣйсассѣн
Вѣлле ѣлемѣ кѣѣаѣ-сѣе,
Ах, аннесѣм, аттесѣм!
Епѣ тухса кѣйсассѣн
Кѣл ѣлемѣ кѣѣаѣ-сѣе.

22. Икѣ талпр, пѣр талпр,
Пѣгѣм пасара сав пухаѣ:
Вунтѣхѣртѣ пусѣмпа
Пур тѣвана хам пухрѣм.

23. Хура вѣрман варринѣе
Вѣрене тутка сѣрет-сѣе;
Аѣ-хѣѣ, сѣмрѣк пусѣмсѣм
Сѣгѣ ѓут кѣлѣнѣѣ ѣѣрет-сѣе.

24. Атте лашѣ—турѣ лаша,
Ѓури тѣе вѣлтертѣм;

Хурънташ ару лайах тесе
Йури туйла тутартам.

25. Ах, аннесём, аннесём!
Манан ыра тусамчам!
Пурънтамар иксёмёр
Пёр йавари кайак пек.

26. Сырма тарах тетере:
Кайак вёсна куранмаст;
Атте-анне килёнзе
Емёр иртил сасёнмест.

27. Пасар йёки—сёндё йёке;
Пётёрмесёр сасен сук;
Епё пырас кил аңгё:
Пымасарах сася пур;
Йёс тукунлай урапар,
Йёрё йултар сул сине,
Йёс ханкрак пек сассамчам
Панара йултар сая йала.

28. Ахъ, аннесём, аннесём:
Хуран тулли сёт сакрё,
Вёрене вутти хуё те,
Вёре таттар терё пулё;
Сияё йута паё те,
Йёрсе таттар терё пулё.

29. Кавак-кавак кавакарфэтин
Шаваслаах тарах вускалаа,
Шаваслаах вёсне ситсесён
Ик сунаёепе шап сапат;
Ах, аннесём, аннесём!
Мана парса йарсасан
Ик алине шарт сапат.

30. Сярля-сярля вёлензе
Сяр-сяр туса кайрё-ске,
Сул ситмесёр паёс те,
Ас вёмесёр ан кайрё.

31. И йур сурё, йур сурё,
Сёрё йепле фатрё—ши;
Мана касал сын сирё,
Турри йепле турсё—ши.

32. Пирён атте пуйан мар,
Виç вун тунн сари пур;
Ватти пулё, самрак пулё,
Йур те пырар сара ёсме.

33. Пуртрен тухрам, тайалтам,
Кил-йышсензен уйяралтам,
Палтарган тухрам, тайалтам,
Тавансензен уйяралтам,
Хапхаран тухрам, тайалтам,
Тангашсензен уйяралтам;
Йалган тухрам, тайалтам,
Йал-йышсензен уйяралтам;
Фикрен тухрам, тайалтам:
Сёр-шывсензен уйяралтам.

34. Хура сакман сёлетрём;
Кёске тесе ан калар;
Курса пёлсе илетёр,
Нафар тесе ан калар.

35. Хура лаша силхиве
Йёс турапа тураçсё:

Епё кайас афана
Кам журни мён хурлаçсё.

36. Пусса-пусса пынйа зух
Урам шуса каймин-зё;
Уссе—уссе пынйа зух
Пуçam сайа каймин—зё.

37. Шанкар-шанкар шыв йу-
хаа,

Сёр синзен мар, зул синтен,
Есёр, сийёр тавансем,
Сук синзен мар, пур синзен.

38. Хура вѣрман хухине
Хурла татай пѣр аѣ,
Ашшѣ—амѣш парсассѣн,
Йѣрет те кайаѣ хѣр-аѣ.

39. Таваткѣл кѣсѣе, шур кѣсѣе,
Ах, ан сарѣр, лармастѣп;
Ах, аттесѣм, аннесѣм!
Таваткѣл минтер ан тытѣр,
Еп лармастѣп ун сине,
Ан усѣрах хапхѣра,
Еп тухмастѣп ку килтен.

40. Атѣл хѣррине ситмесѣр
Атта хивса хурас мар;
Сѣѣ йут килне ситмесѣр
Сѣѣ йут ѣсне тытас мар.

41. Вун-нѣ мерѣен шыв сѣнѣе,
Пухса илес-ѣѣ, шыв аслѣ;
Кѣсѣл мана сѣн сѣни,
Тавѣрас-ѣѣ, йал аслѣ.

42. Кѣске саран утине
Сулас тегтѣм пѣр-нѣ куя;
Атте анне ырѣлѣхне
Ларас тегтѣм пѣр-нѣ сул.

43. Шурѣ рѣлѣх сырмарѣм,
Ѧрама тухса лармарѣм,
Йала тухса сѣремерѣм,
Атте питне пѣсермерѣм,
Хамѣн йатѣма йамарѣм.

44. Епѣ кайрѣм пасара
Икѣ пуслѣх йѣп илме:
Илессине илтѣм те,
Сип тирремни йурѣ-ѣѣ;
Сѣѣ йутѣн аѣине
Кайассине кайрѣм та,
Сын тирремни лайѣх-ѣѣ.

45. Епѣ пырас сул сине
Йѣтѣн акса тултарнѣ,
Епѣ пырас киле те
Елек парса тултарнѣ.

Пешле пырас кѣрем-ши,
Пусѣма йнвѣр килмѣ-ши?
46. Атѣл урлѣ кѣсмѣттѣм,
Кѣсарайѣѣс килмѣе,
Атте килѣнѣен тухмѣттѣм,
Сѣѣ йут мулѣ кѣмарѣѣ,
Пылѣелеле улталарѣѣ.

47. Кѣмѣл сѣрѣ пулѣттѣм,
Атте аллиѣе пулѣттѣм,
Атте илѣлѣ пулѣттѣм,
Атте суртне тытѣттѣм.

47. Икѣ тутѣр пѣр кѣсрѣн,
Хѣѣ кѣсрѣ, уйѣрѣѣ;
Епир-нѣкѣн пит тус-ѣѣ,
Сырнѣ тухрѣ, уйѣрѣѣ.

49. Сѣрма тулли шыв йухѣѣ,
Сыранне йнвѣр килмѣ-ши;
Сѣѣ йута кайсассѣн,
Пусѣма йнвѣр килмѣ-ши?

50. Сѣранѣ сѣлѣ, сѣрт лутра,
Улѣхаймарѣм, мѣн тѣвас;
Турѣ Пулѣх сѣрнинѣен
Иртеймерѣм, мѣн тѣвас!

51. Тупѣлѣх турта, турѣ лаша,
Туртн кѣске пулмин-ѣѣ;
Кайнѣ выранѣм ѣнмасан
Емѣрѣм кѣске пулмин-ѣѣ.

52. Турѣран сывлѣх ытатѣп,
Патшаран ырѣлѣх кѣтетѣп.

53. Акѣлш кѣсѣе пывѣ рѣх
Кам курни пур урине;

Ситѣ йута кайсассан
Кам курни пур ыррине.

54. Улѣх тѣрѣх утѣ султѣм,
Улма йывѣс тѣл пултѣм;
Улма йывѣс султѣсѣр,
Ман сѣмрѣк пус телейсѣр.

55. Турѣ лашам тултѣсѣр,
Сул сук сѣре сул хыврѣ,
Пирѣн аттен пѣлменни:
Пѣр вѣхтсѣр хѣр паѣѣ.

56. Хура-хура кураксем.
Хура сѣр ситѣе тѣранман,
Хуралтѣ сине сѣрса илнѣ;
Ситѣе йутѣн туй халѣх
Йевѣѣ вилѣнѣе тѣранман,
Атте килне сѣрса илнѣ,
Ман пус сине тѣрѣннѣ.

57. Ёупрѣм антѣм сѣрманѣ.
Йухрѣ тухрѣ шерѣнем.
Пур пур тѣслѣ шѣрсам пур,
Ылтѣн тѣслѣ шѣрсам сук;
Пур пур тѣван пур те пур,
Енѣ ыран вунта сук.

58. Йухлѣх тѣрѣх шыв йухаѣ,
Алѣ сума йурамѣтѣ,
Алѣ сума йурасан,
Мѣшѣн питеме сумѣп-ши.
Атте-анне вилѣнѣе
Емѣр ларма йурамѣтѣ,
Емѣр ларма йурасан,
Мѣшѣн емѣр лармѣп-ши?

59. Атте пѣрѣѣ пысѣк пѣрт,
Ситѣе йут пусса пѣтерѣѣ;
Ен тухмѣттѣм сѣк пѣртрен,
Ситѣе йут мулѣ кѣларѣѣ.

60. Атте сурѣѣ шѣшкѣлѣх,
Шѣшкѣлѣхре мѣйѣрлѣх,
Анаттѣм та тататтѣм;
Ситѣе йут сурѣѣ йуманлѣх,
Йуманлѣхра сѣленлѣх,
Кѣрсессѣн те ѣш тѣваѣ,
Тухсассѣн та ѣш тѣваѣ,
Йеппе пырса кѣрем-ши?

61. Сар сѣмарта кустартѣм,
Йушкѣн айне путрѣ-сѣе;
Ситѣе йут килне кайсассѣн
Сѣмах айне пултѣп-сѣе.

62. Ах, аннесѣм, аннесѣм!
Купѣста акрѣн, ѣстертѣн,
Лартма вырѣн тупмарѣн;
Пукане пек хѣр турѣн,
Пама вырѣн тупмарѣн.

63. Прех тѣтѣм ирѣксѣр,
Питме сурѣм супѣѣсѣр;
Ен каймарѣм ирѣкпе,
Атте паѣѣ ирѣксѣр.

64. Кѣмѣл сѣрѣ пѣрахса,
Пѣхѣр сѣрѣ тѣхѣнайрѣм;
Йал аѣине пѣрахса,
Йал йал урлѣ кайайрѣм.

65. Мамѣк минтер хѣпармас,
Спйелти пите тѣвѣртѣн,
Манѣн кѣкѣрѣм сѣврѣнмас,
Кѣссѣнтен хуйхѣлѣ ѣснѣрен.

66. Кѣске сѣран утине
Сѣлтѣм нѣвѣс тултѣѣѣн,
Лартѣм атте вилѣнѣе.
Атте кѣмѣл тултѣѣн.

67. Улаѣа кѣе сѣлерѣм,
Кѣске тесе ан калѣр,

Çиçе йута йурарăм,
Навар тесе ан калăр.

68. Тăхăр така усраван
Пĕр кĕрĕксĕр йулакан,
Хĕр суйласа сÿрекен
Инке арăмсăр йулакан,
Инке арăма Турă куртар,
Усал та пулсан хĕр пултăр,
Хĕр пултăр та пур пултăр,
Пурçан вĕпе тăхăнтăр,
Пурçан вĕпи ан пĕттĕр,
Çав йалта хĕр ан пĕттĕр.

69. Вĕл-вĕл çеçек, вĕл çеçек,
Вĕлпе çинçи сар çеçек,
Вĕçсе анассан туйăнаĕ,
Атте килĕнçен тухăй çух
Çун тухассан туйăнаĕ.

70. Çулĕ ту çине хăпарма
Йĕс такавлă ут кирлĕ:
Çиçе йута йурама
Çекеç çĕлхелĕ сын кирлĕ.

71. Шурă тутăр пĕтертĕм,
Çаварни кун сыхас пек,
Çинçе пĕме ўстертĕм
Йал аçине кайас пек.

72. Аккăш билет картипе,
Кам курни пур урине?
Çын савнине кайакан
Кам курни пур ырине?

73. Ушкăн ушкăн тупăлха,
Хăшĕ шупка çав ыгла
Мĕн пур таван хушшинче
Пайапхи кун еп ыгла.

74. Сарлăх çинче сар кайăк,
Сасси пур та хăйсем çук;

Ах, аттеçем, аннеçем.
Паçĕ пур та хăйсем çук.

75. Çул ту çине хăпартам;
Емĕр кайми йур куртам;
Ах, аккаçым, аккаçым!
Пĕрре ларма килтĕм те,
Çунирăр тухрăр арама,
Хамăр таван пулĕ тесе.

76. Хура вăрманта хурçăка
Хăне сÿреме сул тупман,
Çав сиçе йут аңсем
Манран пуçне хĕр тупман.

77. Улăх ути улма пек,
Мавăн йысна улшут пек;
Çĕрти сырла шăрса пек,
Мавăн акка ике пек.

78. Ман аттене мул кирлĕ.
Çиçе йута йыш кирлĕ.

79. Атте сурçĕ утмал хăлас,
Ут пек çупса сÿреттĕм,
Атте—аннене йурарăм;
Çиçĕ йут картиш çитмĕл хăлас,
Çил пек вĕçсе сÿресен те,
Çиçĕ йута йурас çук.

80. Кайăк—кавакал асĕлте?
Çиçĕ сырма хушшинче?
Кайăк-хур аста какалат?
Çиçĕ хула хушшинче;
Ах, аннеçем, аннеçем!
Сан хĕр сасси асĕлте?

Çиçĕ йутан килĕнче.
81. Хура пурçан ичĕххи
Пилĕкĕм тавра çаврăнчĕ,
Вун-иç çаврăнан ал-сыххи
Аллăм тавра çаврăнчĕ;

Ситѣ йутай аґипе
Сѹсем перѣн сыхланѣ.

82. Утйал хьама тӑрӑшпе
Утса тухса пулмарӑ,

Ситмел хьама тӑрӑшпе
Ситсе курса пулмарӑ,

Тунӑм савман аґаран
Пуґма хӑтарса пулмарӑ.

№ 3. Прощальныя пѣсни певѣсты.

1. Въ темнохъ (дремучемъ) аґсу смородину собираетъ парсенокъ; если захотятъ родители, плачетъ да идетъ (замужъ) дѣвушка.

2. Несется вскачь добрый конь по сѣдламъ добраго аргамака; ѣдутъ съ шумомъ поѣзжане моего жениха, чувствуя моихъ родителей.

3. Кленовые бруски ¹⁾ наставляются, березовые бруски обламываются; семья моего отца убавляется, чужая семья прибавляется.

4. Желѣзныя сани, мѣдныя полозья; пусть блескъ отъ нихъ останется на дорогѣ; голосокъ мой какъ мѣдный колокольчикъ, пусть звукъ его останется на улицѣ.

5. Мы сами устроили мѣдныя перила на мосту и сами переѣхали (по нему); ворота моего отца (сдѣланы) порусски, мы сами отворили ихъ и вѣхали.

6. Въ дремучемъ аґсу кому рубить дрова, кромѣ меня? За парня изъ нашей улицы кому выйти кромѣ меня?

7. Волжскій островъ какъ яблоко, мои родственники какъ господа, такъ какъ всѣ родственники у меня хороши, нарочно я велѣла сдѣлать полную свадьбу.

8. Полный кистей мѣдныхъ денегъ собираетъ цѣлый базаръ; я, девятнадцатилѣтняя дѣвушка, собрала всю свою родню.

9. Ахъ, прилетѣла злая ворона, видно, за цыпленкомъ она прилетѣла! Алашнскій чувашинь—недобрый чувашинь: видно, за мной онъ прѣхалъ.

10. Я взяла и перепрыгнула въ огородъ, думала, что тамъ макъ цвѣтетъ, но не оказалось тамъ маковаго цвѣтка. Встала и побѣжала на улицу, думала, тамъ мой милый дружокъ; много моего дружка не оказалось, а оказалась Богомъ суженый.

11. Я встала и побѣжала на рѣченьку, думала, тамъ серебряное колечко, серебрянаго колечка не оказалось, а оказалась оловянное кольцо; встала и побѣжала въ одинъ домъ, думала, что тамъ своя семья, но не своя семья оказалась, а оказалась чужая семья.

12. Встала и побѣжала на рѣченьку, думала, тамъ коровка (растение), коровки тамъ не оказалось, а оказалась вонючая дудка (вехъ); побѣжала, думая встрѣтить родного, а оказалась чужь—чужанинь.

¹⁾ Въ чув. текстѣ «тутка», слово для насъ непонятное.

13. Я почерпнула два ведерка водички, поставила ихъ передъ крм-лечкомъ; сердюлики (туда) пустила—не тонеть, серебро пустила—не плава-етъ; къ этому Старо-Алгашинскому молодцу не асжало совѣтъ мое сердце, но отъ Божьяго опредѣленія не пришлось уйти: Божье опредѣленіе—все равно какъ запутавшіеся волосы, (Богомъ суженаго) никакими наговорами не отвадишь, а вовсе Богомъ не суженный и безъ наговариваній отстанеть.

14. Съ журчаніемъ течеть вода между камышемъ и осокой; ахъ, кон-чается вѣкъ дѣвичій подъ бѣлой фатой!

15. Пуховая подушка, кумачовая наволочка. Лучше и не казайся, невѣстка, не сяду я на нее; ворота моего батюшки по русски (сдѣланн): лу-ше и не отвориай, братецъ, не выйду я.

16. Ситцевая рубаха не ноская, молодая моя головушка безталанная!

17. Ястребъ, живущій въ дремучемъ лѣсу, ни разу въ поле не выле-талъ, поля не выдалъ; эти Старо-Алгашинскіе парни ни разу въ играхъ не бывали, дѣвущекъ не выдали, кромѣ меня будто и дѣвущекъ не нашли.

18. Дождь идетъ, накраиваесть, сквозь окошко вижу я; что не ви-дать мнѣ добра (замужемъ), это ясно вижу я.

19. Дождь идетъ, накраиваесть, кто дастъ мнѣ кожу (накрмтсѣя) чужь-чужаннинъ не одинъ, я одна: кто вступится за меня?

20. Серебряное колечко не велико, главокъ его не изъ сердюлика; мы не большіе люди, какъ другіе, мы не сможемъ понравиться людямъ.

21. Тихо—тихо колышется цвѣточекъ, желтый цвѣточекъ на узелчикѣ; когда съ улья слетитъ цвѣточекъ, красоту свою потеряетъ улей; ахъ, батюш-ка, ахъ матушка! Когда я уйду изъ нашего дома, онъ потеряетъ свою красоту.

22. Два—талера съ талеромъ (?) собираютъ цѣлмй базаръ, будучи десят-надцатилѣтней дѣвущкой, я собрала всю родню.

23. Среди дремучаго лѣса гнѣтъ кленовый брусокъ; ахъ, молодая моя головушка плачетъ—убивается въ чужомъ домѣ.

24. Батюшкинъ конь—гнѣдой конь, я нарочно велѣла его въ корень запрячь; вная, что родня у меня хорошая, я нарочно велѣла сдѣлать пол-ную свадьбу.

25. Ахъ, матушка моя, матушка, милый мой дружочекъ! Жили мы съ тобою какъ двѣ птички въ одномъ гнѣздѣ.

26. По рѣчкѣ (стелется) туманъ: не равглядишь летающихъ птицъ; въ домѣ батюшки и матушки и не замѣтишь, какъ проходитъ вѣкъ.

27. Базарное веретено—новое веретено: пока не прядешь, не слышно его жужжанья; хорошъ-же оказался домъ, куда я иду: не успѣла еще я войти въ него, а обо мнѣ уже идутъ пересуды; съ мѣдными ободьями у васъ колеса, пусть слѣдъ отъ нихъ останется на дорогѣ; голосокъ мой какъ мѣдный бубенчикъ, пусть звукъ его останется въ этой деревнѣ.

28. Ахъ, матушка моя, матушка: полонъ котелъ молока она повѣси-ла (кипятить), кленовыхъ дровъ подложила она, «пусть кипятъ» думала

видно, она; за совѣтъ чужого выдала она меня, «пусть плачетъ» думала, видно, она.

29. Сизый—сизый голубочекъ, по крышѣ онъ бѣгаетъ, когда добѣжить до края крыши, «хлопъ!» ударяетъ обоими крыльями; ахъ, матушка моя, матушка! Когда выдастъ меня замужъ, «хлопъ!» ударитъ она обѣими руками (съ горя).

30. Равноцвѣтное стекло растрескалось вдоль и поперекъ; выдали (меня), пока я не успѣла подрости и войти въ разумъ, и не знаю я теперь, что мнѣ дѣлать.

31. Долго, долго шелъ снѣгъ, какъ это только стерпѣла земля! Ёли, ёли (осуждали) меня нынче люди, какъ это только стерпѣла Богъ!

32. Нашъ батюшка не богатый человекъ, а (все таки) есть у него пиво, которое варили цѣлыхъ три дня; старье-ли, молоде-ли, всѣ идите пиво пить.

33. Вышла изъ избы, поклонилась, отъ семьи своей отдѣлилась; изъ сѣней вышла, поклонилась, отъ родни своей отдѣлилась; изъ воротъ вышла, поклонилась, отъ сверстниковъ своихъ отдѣлилась; изъ деревни вышла, поклонилась, отъ односельчанъ своихъ отдѣлилась, за грань (родной земли) вышла, поклонилась, отъ родной земли отдѣлилась.

34. Черный кафтанъ сшила я, не говорите, что коротокъ. Видя и зная берете (меня), не говорите (послѣ), что плохая я.

35. Гриву вороного коня мѣднымъ гребнемъ расчесываютъ; суженаго моего молодца кто ни увидитъ, всѣ расхиваютъ.

36. Пока я иду, пока шагаю, какъ-бы ноженьки мои не поскользнулись; пока я прихожу въ возрастъ, какъ-бы головушка моя не пропала даромъ.

37. Течеть, журчитъ рѣченька, не по землѣ, а по камешкамъ. Ёшьте, пейте, родные, не въ такой мы бѣднотѣ, чтобы нечѣмъ было угощать васъ.

38. Во дремучемъ лѣсу грустно ходить молодецъ и дудки¹⁾ рветъ; если захотятъ родители, плачетъ да идетъ (замужъ) дѣвушка.

39. Четырехугольнаго войлока, бѣлаго войлока²⁾, лучше не стелите, не сяду я; ахъ, батюшка, ахъ матушка! лучше и не берите четырехугольной подушки, я не сяду на нее, лучше и не отворяйте воротъ вашихъ, я не выйду изъ этого дома.

40. Пока къ Волгѣ не доѣхала, сапогъ снимать не буду я; пока въ чужой домъ не пріѣхала, чужимъ умомъ не буду я жить.

41. Двѣнадцать коралловъ въ водѣ, надо-бы ихъ собрать, но вода велика; ахъ, чего чего не говорила нынче про меня: отомстить-бы, но деревня велика!

42. На маленькомъ лугу два-три дня хотѣлось мнѣ покосить травки;

¹⁾ Общее названіе растеній съ полымъ стеблемъ.

²⁾ Чуваши для гостей кладутъ на нарѣ войлокъ.

по милости батюшки и матушки хотѣлось посидѣть (въ дѣвницахъ) еще двѣ три годика.

43. Бѣлыхъ чулокъ не надѣвала я, по деревнѣ не шаталась я, родителя краснѣть не заставила я, (добраго) имени своего не потеряла я.

44. Ходила я на базаръ, чтобы на двѣ копейки иголокъ купить, купить-то купила я, хорошо, какъ онѣ будутъ подходящи къ ниткамъ; выйти-то вышла я (замужъ) за чужого молодца, хорошо, какъ онъ не будетъ мною пренебрегать.

45. По всему моему пути—дороженькѣ льну понасѣяно; домъ моего жениха наполненъ клеветой (на меня); ахъ, какъ только мнѣ войти въ него! Не пришлось-бы тяжеленько моей головушкѣ.

46. Не перешла-бы я черезъ Волгу, да на лодкѣ переправилъ меня, медомъ обманули (моего батюшку).

47. Если-бъ была я серебрянымъ колечкомъ, была-бы (всегда) на рукѣ своего батюшки, если-бы я была батюшкинымъ сыномъ, управляла-бы я батюшкинымъ домомъ.

48. Два платка въ одномъ кускѣ, ножницы разрѣвали, раздѣляли; неравные друзья мы были съ тобою, судьба вышла, раздѣлила.

49. Течеть рѣка полна воды, какъ-бы тяжеленько не пришлось берегамъ; иду за чужого молодца: какъ-бы трудненько не пришлось моей головушкѣ.

50. Холмъ низокъ, берега высоки, что дѣлать: не смогла я взойти. Отъ того, что суждено Богомъ и Раздѣлителемъ, не смогла я уйти, что мнѣ дѣлать?

51. Оглобли изъ таволги, конь гнѣдой, какъ-бы не оказались коротки оглобли; если домъ, куда я иду, окажется неудачнымъ, какъ-бы не оказался коротокъ мой вѣкъ.

52. Прошу здоровья у Бога, жду милости отъ Царя.

53. Когда летитъ лебедь, кому удалось видѣть его ноги? Когда выходятъ (замужъ) за чужого парня, кто находилъ прокъ (отъ такого брака)?

54. Косила сѣно я на островѣ, встрѣтила тамъ яблонное дерево, яблонное дерево безъ листьевъ, молодая моя головушка беваланна.

55. Гнѣдой мой конь безтолковый: тамъ, гдѣ не было дороги, дорогу проложилъ. Ахъ, эта неравсудительность нашего батюшки: совѣтъ не во время дочь выдаетъ!

56. Черные, черные грачи на черной землѣ не насытились, обложили кругомъ нашъ домъ. Ну ужъ и люди поѣжжаны моего жениха: въ домѣ сватана не насытились, заполонили домъ моего батюшки, головушки моей захогѣли.

57. Побѣжала я на рѣченку, рассыпался у меня бисеръ; всякихъ бусъ у меня достаточно, нѣтъ только золотистыхъ бусъ; всякой родни здѣсь достаточно, только меня завтра здѣсь не будетъ.

58. По засоренному (?) мѣсту вода течетъ, для мытья рукъ она не годится, если-бы годилась для рукъ, отчего-бы не умытъ и лица? Въ домѣ

батушки и матушки вѣкъ сидѣть не годится; если-бы можно было сидѣть вѣкъ, отчего-бы не сидѣть мнѣ вѣкъ?

59. Батушкинъ домъ—большой домъ, чужъ—чужанинъ одолѣлъ его, я не вышла-бы изъ него, чужое богатство вывело меня.

60. Батушкинъ домъ—орѣшникъ, въ орѣшникѣ орѣхи, подойду, бывало, и сорву (орѣшковъ); чужой домъ—дубрава, а въ дубравѣ вѣти: войдешь—шипять, выйдешь—шипять; какъ только войду я (въ этотъ домъ)?

61. Желтое яичко покатила я, въ тинѣ оно потонуло; когда я войду въ чужой домъ, отъ вѣтри рѣчей погибну я.

62. Ахъ, матушка моя, матушка! Капусту ты посадила, выростила, посадить мѣста не нашла; дочь родила ты ровно куколку, выдать (замужъ) мѣста не нашла.

63. Встала рано не своей охотой, умыла личико не съ мыломъ, я выхожу не по своей волѣ, а по волѣ батушки.

64. Снявши серебряное колечко, жѣдное колечко надѣла я; бросивъ молодца изъ своей деревни, за тридцать земель мау я.

65. Не вбивается кушковая подушка, оттого, что наволочка тѣсна; не округляется моя груди, стого, что въ горѣ росла съ малыхъ дѣтъ.

66. Я дергала на лугу невысокую травку, пока горсть моя не наполнилась; сидѣла я въ домѣ батушки, пока душа его не насмѣялась.

67. Пестрядиную рубаху спила я, не скажите, что коротка; чужому парню угодила я, не скажите, что плоха.

68. Девять барановъ имѣющій, безъ шубы часто остается; невѣста строго выбирающій, безъ вдовы часто остается; Богъ съ нею, со вдовой: хотѣ плохая, да пусть будетъ дѣвушка; пусть будетъ дѣвушка, да не бѣдная, пусть она ходитъ въ шелковѣ; пусть не будетъ износу шелковой рубахѣ, пусть не будетъ недостатка въ невѣстахъ въ этой деревнѣ.

69. Тихо-тихо колыхнется пѣточекъ, желтый цвѣточекъ на улесчкѣ, кажется, сейчасъ готовъ слетѣть; когда выходила я изъ дома батушки, кажется, душа моя была готова вылетѣть.

70. Чтобы взлѣхать на крутую гору, надо имѣть коня съ мѣдными подковами, чтобы угодить чужимъ людямъ, надо человѣка съ языкомъ ласточки.

71. Бѣлый платокъ окаймила я, думала, повяжу на масленицу; выросла я свой тонкій станъ, думала, выйду за своего деревенскаго молодца.

72. Летитъ стая лебедей, кому удалось видѣть ихъ ноги? когда выходить за чужого милаго, кто находилъ прокъ (отъ такого брака)?

73. Кустами растеть таволга, которая бѣлѣе, та я лучше; изъ всей рощи въ этотъ день одна я больше вѣтъ.

74. Сидитъ желтая птичка (?) на крылечкѣ, голосъ ея слышно, но самой не видать; ахъ, батушка, ахъ, матушка! поминаются ихъ имена, но самихъ не видать.

75. На высокую гору поднялась я, вѣчные снѣга видѣла я; ахъ, сестрица моя, сестрица! разъ на послѣднѣи прѣѣхала я, выбѣжали вы на улицу, желая встрѣтить сестричку свою.

76. Ястребъ, живущій въ дремучемъ лѣсу, не нашелъ себѣ дороги; эти чужіе молодцы не наша дѣвушка, кромѣ меня.

77. Посмное сѣно словно яблоко, зятюшка мой словно баринъ; ягоди на лугу словно бусы, сестричка моя словно барыня.

78. Батюшкѣ моему деньги нужны, чужимъ людямъ—лишній человекъ для семьи нуженъ.

79. Батюшкинъ домъ шестидесятисаженный; бывало, не быстрѣе коня въ немъ бѣгаю, и все-таки угождала родителямъ; чужой домъ семидесятисаженный: хоть съ быстротою вѣтра бѣгай ты въ немъ, и все-таки не угодишь чужимъ людямъ.

80. Гдѣ-же это дикія утки? А между семью рѣками. Гдѣ-же это гогочутъ дикіе гусы? А между семью городами. Ахъ, матушка ты, моя матушка! Гдѣ-же это слышится голосъ твоей дочери? А въ домѣ чужихъ людей.

81. Черный шелковый поясокъ вокругъ талии обвился; въ двѣнадцать оборотовъ запысьте вокругъ руки моей обвилось; съ волосами чужого молодца мои волосы спутались.

82. Шестьдесятъ досокъ, положенныхъ одна за другой вдоль, не удалось мнѣ пройти; семьдесятъ досокъ положенныхъ вдоль, не удалось мнѣ пройти; отъ немилаго молодца не удалось мнѣ избавиться.

№ 4. Хёр сумнисен йурри.

Ей хятаѣм, хятаѣм!
 Ситѣ капан праши пур,
 Ана ѣапма кин илет,
 Ѣавна ѣапса пѣтерсен
 Кинне калде йарѣп тет.
 Ну, тахлаѣѣм, тахлаѣѣ!
 Ситѣ валашка вѣни пур,
 Тѣват валашки хуртланнѣ,
 Виѣ валашки шѣршланнѣ.
 Ѣавна ѣума кин илет,
 Ѣавна ѣуса пѣтерсен,
 Кинне кѣрсе йарѣп тет.
 Уѣ—ха, инве, пахѣѣна,
 Купѣсту пуѣне курар-ха,
 Ил-ха, йисна, ѣѣлѣкне,
 Кукша пуѣна курар-ха;

Ѣѣлѣкне илсе пѣхсасѣн,
 Навус ѣинѣп кѣмпа пек.
 Арпалѣхра ларас-ѣне,
 Арпа ѣавса ларас-ѣне,
 Ах, йиснаѣм, йиснаѣм!
 Куѣна ѣавса ларас-ѣне!
 Куѣ хѣрпаххи пѣт вѣрѣм,
 Ѣавѣнна куѣне уѣаймаѣт.
 Пуртѣ аври пек манки пур,
 Хурт—пуѣси пек пѣѣти пур;
 Манки мѣш-мѣш тѣваѣ-ѣне,
 Пѣйти вѣш-вѣш тѣваѣ-ѣне.
 Ах, йиснаѣм, йиснаѣм!
 Виѣѣ тѣрке пушѣтран
 Хѣрах ѣѣпата кѣларѣѣ,
 Вѣл та пулин сулахай;

Сулахаѣ тарам-ѣ,
 Вѣл та пулин пасарѣн.
 Ах, апаѣм, апаѣм!
 (Хѣрн ѣатне аѣнаѣѣ)
 Виѣ перѣ ѣѣтѣпрен
 Керу кѣни ѣларѣ,
 Вѣл та пулин шѣтѣкѣ
 (Кѣрѣ ѣкѣссе тунѣ)
 Ана ѣѣрапѣ букѣѣр,
 Пирѣн ѣиспа сукѣѣр;
 Суни пултѣр сѣрлѣ,
 Пире сѣрсѣр ѣврлѣ мар,
 Ысени пултѣр куѣлѣ,
 Пире сукѣѣр кирлѣ мар.

Путѣр, путѣр! путене
 Урпа ани пуѣѣнѣ,
 Урпа пуѣѣхѣ пѣт ѣѣрѣм,
 Суѣѣнна пуѣне ѣѣтаймаѣт;
 Ах, ѣиспаѣм, ѣиспаѣм!
 Куѣ хѣрпаххи пѣт ѣѣрѣм,
 Суѣѣнна куѣне уѣѣѣмаѣт.
 Путѣр! путѣр! путене
 Ыѣви тѣлне тупмаѣсѣр
 Суѣрем суниѣ сѣр каѣнѣ;
 Ах, ѣиспаѣм, ѣиспаѣм!
 Ашшѣ килле тупмаѣсѣр
 Суѣр мунѣѣара сѣр каѣнѣ...

№ 5. Пѣсня дружѣѣ.

Ахъ, свѣтушка нашъ, свѣтушка! семь копѣнъ ржи у него, чтобы ихъ обмолотить, онъ беретъ себѣ сноху, а обмоловивши ихъ, назадъ онъ думаетъ прогнать сноху. Ну я свѣшенька наша, свѣшенька! семь корытъ немытаго бѣлья у нея, четыре корыта зачервивѣли, три корыта протузли, для стирки этого бѣлья сноху она беретъ, а выстиравши его, сноху думаетъ назадъ прогнать. Отопри-ка, тѣсенька, огородъ твой, мы посмотримъ на вилки твоей капусты, а снимки-ка ты, зятюшка, шапку твою, мы посмотримъ на плѣшивую твою голову, если снять шапку да посмотрѣть на твою голову, то она у тебя какъ грибокъ на нѣвозной кучѣ. Ахъ, зятюшка ты нашъ, зятюшка! сидѣть-бы тебѣ въ мякинницѣ и шевыратся въ мякинѣ, продирая глаза свои! Рѣсницы у него очень длинны, потому онъ не можетъ открыть глазъ. Сопля у него съ топориче, а уши величиной съ раковину; соплями своими онъ шмыгаетъ, а уши у него кишмя—кишатъ. Ахъ, зятюшка ты нашъ, зятюшка! изъ трехъ пучковъ лыка вышелъ у него всего одинъ лапотъ, да и тотъ на лѣвую ногу, да наплевать-бы, что на лѣвую, а главное—вышелъ, точно на базарѣ сработанъ. Ахъ, сестричка ты наша, сестричка! (здѣсь поминаютъ имя неѣсты) изъ трехъ волоконъ лына вышла у нея рубашка для молодого мужа, да не простая, а узорчатая (выткана съ узорами). Борозды на загонѣ кривыя, и зятюшка нашъ кривой. Сани (у нашего зятя) пусть будутъ крашеныя, намъ некрашенныхъ не надо, зять нашъ пусть будетъ зрячій, намъ кривого не надо. Пить! пить! (кричить) перепелка у ячменнаго загона, у ячменя колось очень длинный, потому не можетъ онъ поднять своихъ ко-

лосевъ. Ахъ, аяюшка ты нашъ, аяюшка! рѣсницъ у него очень длинны, потому не можетъ онъ открыть глазъ. Пить! пить! перепелка, не нашедши гнѣздышка, провела ночь на лужайкѣ. Ахъ, аяюшка ты нашъ, аяюшка! не нашедши родительскаго дома, въ блиѣ, вырмтой въ земаѣ, провела ночь.

Необходимо замѣтить, что чувашская поэзія при переводѣ на русскій языкъ совершенно утрачиваетъ свою красоту. Известно, что чувашскій языкъ, какъ языки и другихъ инородцевъ Волжско-Камскаго края, по своей конструкціи не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ языкомъ, поэтому при переводѣ на русскій языкъ почти невозможно передать оттѣнки и идиотизмы чувашской поэзіи.

Въ чувашской поэзіи часто бросаются въ глаза отрывочность изложенія, безсвязность, неясность сравненій, странные переходы отъ одной мысли къ другой. Иногда встрѣчаются выраженія, не имѣющія дѣйствительнаго смысла. Объясняется это тѣмъ, что чуваши весьма любятъ въ стихахъ созвучіе въ словахъ (аллитерація) и рѣзму, при чемъ подъ рѣзму они подгоняютъ слова не только въ концѣ, но часто и въ началѣ стиха. Изъ любви къ рѣзмѣ и созвучію они часто жертвуютъ и смысломъ пѣсни, и связностью построенія.

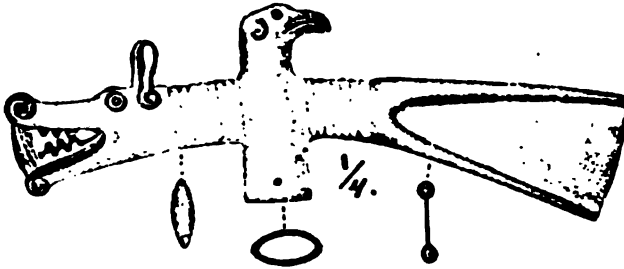
Священникъ *К. Прокопьевъ.*

ЗАМѢТКА

Профессора А. А. Штукенберга.

Въ 1881 году мнѣ былъ доставленъ изъ Воткинскаго завода, находящагося въ Вятской губерніи, недалеко отъ праваго берега р. Камы, очень интересный боевой топоръ, украшенный изображеніями головъ хищной птицы и дракона. Я откладывалъ описаніе этого топора въ ожиданіи болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній объ этой находкѣ, но, къ сожалѣнію, мои ожиданія не оправдались до настоящаго времени. Теперь, какъ и тогда, мнѣ остаются неизвѣстными условія, при которыхъ былъ найденъ этотъ топоръ.

Боевой топоръ, доставленный изъ Воткинскаго завода, отлитъ изъ мѣди; онъ имѣетъ довольно значительные размѣры и раздѣленъ средней осью на переднюю и заднюю части. Средняя, осевая часть этого боеваго топора оканчивается внизу втулкой, которой онъ насаживался на деревянную палку. Для болѣе прочнаго прикрѣпленія къ деревянной палкѣ, длина которой, вѣроятно, достигала 1, 25 или 1, 5 аршина, на втулкѣ съ правой и лѣвой стороны сдѣланы отверстія, въ которыя могли быть вбиваемы гвозди. Кверху средняя, осевая часть оканчивается головой хищной птицы съ рѣзко загнутымъ клювомъ. Голова птицы украшена съ обѣихъ сторонъ выдающимися брѣвнами, долженствующими изображать глаза,

и выпуклыми спиральками, представляющими уши. Передняя часть топора, 17 см. длиной, постепенно уширяется и оканчивается лезвием длиной в 7 см.; она ограничена с верхней и нижней сторонъ нѣскольکو уширяющимися валиками. Задняя часть топора—обухъ, длиной 12 см., изображаетъ голову дракона съ открытой пастью, вооруженной спереди двумя клыковидными зубами, а сзади тремя плоскими зубами. Голова дракона украшена, кромѣ того, стоящими торчкомъ ушами и большими круглыми глазами. Въмѣсто носа и подбородка съ обѣихъ сторонъ передней части головы дракона помѣщены двѣ плоскія спирали. Эти спирали соединены валикомъ, ограничивающимъ пасть дракона. На передней и задней частяхъ съ обѣихъ сторонъ, около средней осевой части, имѣющей въ ширину 3 см., проходятъ по 7 параллельныхъ бороздъ. Втулка для насаживанія этого топора на древо имѣетъ эллипсоидальное очертаніе. Продольный діаметръ ея 3, 5 см. Общая длина боевого топора, найденнаго около Воткинскаго завода, около 32 см., а длина средней осевой части 10 см.

Насколько мнѣ извѣстно, подобные боевые топоры были находимы въ Архангельской губерніи. Какъ боевое оружіе, они, конечно, не могли имѣть серьезнаго значенія. Очень вѣроятно, что эти топоры представляли въ то же время знаки власти. На прилагаемомъ рисункѣ боевой топоръ, найденный въ Воткинскомъ заводѣ, изображенъ въ $\frac{1}{4}$ натуральной величины.

О НОВОЙ НАХОДКѢ СЛѢДОВЪ доисторической разработки ураль- скихъ рудниковъ.

П. Кротова.

Слѣды доисторической разработки минеральныхъ богатствъ Урала, Алтая и другихъ мѣстностей Сибири уже давно извѣстны. Относительно Алтая, напр., извѣстно, что когда русскіе въ 16 столѣтіи ознакомились съ металлическими богатствами его, неизвѣстными мѣстнымъ жителямъ того времени, то они нашли, что нѣкоторыя мѣсторожденія рудъ на Алтаѣ уже разработаны до глубины 10—15 метровъ и самыя разработки ихъ уже завалены. При расчисткѣ этихъ старыхъ рудничныхъ работъ были найдены и самыя инструменты, которыми производились прежде рудничныя работы. Это—клинья и долота изъ камня и оленьяго рога, своего рода заступы и кирки изъ того же матеріала. Тутъ же находимы были и мѣдныя орудія этого рода, а также вучи старыхъ шлаковъ съ содержаніемъ въ нихъ до 2% мѣди и плавильные тигли. Такого рода слѣды древнихъ подземныхъ работъ доисторическаго человѣка въ Россіи получили названіе *чудскихъ копей*, по имени полуионической чуди, которой приписывается доисторическая разработка рудъ на Уралѣ и Алтаѣ. По общему мнѣнію, при этихъ работахъ чудь добывала нужную для ихъ культурныхъ потребностей *мѣдь*.

Подобнаго рода указанія на доисторическую разработку минеральныхъ богатствъ Урала были найдены минувшимъ лѣтомъ

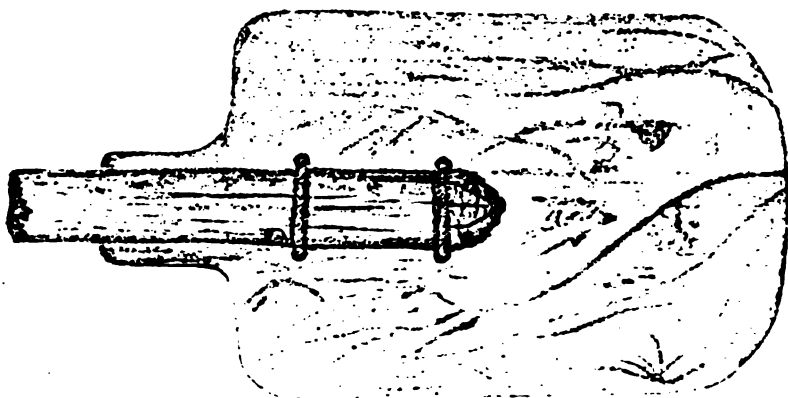
въ Кыштымской горнозаводской дачѣ, въ среднемъ Уралѣ. Въ этой дачѣ, верстахъ въ 10—12 къ юго-западу отъ Кыштымскаго завода находится Кыштымскій желѣзный рудникъ, на которомъ добывается бурый желѣзнякъ. При горныхъ работахъ на этомъ рудникѣ минувшимъ лѣтомъ былъ найденъ въ поверхностной глинѣ, на глубинѣ $3\frac{1}{2}$ арш. своеобразный предметъ, который и былъ доставленъ управляющему Кыштымскими горными заводами П. М. Карпинскому, давшему мнѣ возможность познакомиться съ этой находкой, въ бытность мою въ то время въ Кыштымѣ. Этотъ предметъ имѣетъ удлиненную, неправильную четырехъ—угольную форму, до 46 сант. длины и 28 сант. ширины, а толщина его около 0,5 сант. Хотя край его въ цѣлости не сохранился, но тѣмъ не менѣе ясно видно, что одна длинный конецъ его имѣлъ довольно правильно полукруглую форму, а противоположный конецъ въ средней своей части имѣлъ довольно широкій отростокъ, въ настоящее время отчасти обломанный. Ближе къ этому концу, въ среднихъ частяхъ этого предмета находится четыре небольшихъ отверстія, хорошо высверленные и расположенныя по два въ симметрическомъ порядкѣ. Все вышесказанное дало мнѣ основаніе предположить, что эта находка представляетъ лопату, имѣвшую прежде длинную, можетъ быть, деревянную рукоятку, которая привязывалась нитями или жилами, продѣванными въ четыре вышеупомянутыя отверстія. Одна широкая поверхность этой лопаты была едва замѣтно плоско вогнутая и довольно гладкая, а противоположная широкая сторона имѣетъ всѣ свойства поверхности рога лося, въ чемъ я убѣдился непосредственнымъ сличеніемъ этой находки съ лосинымъ рогомъ.

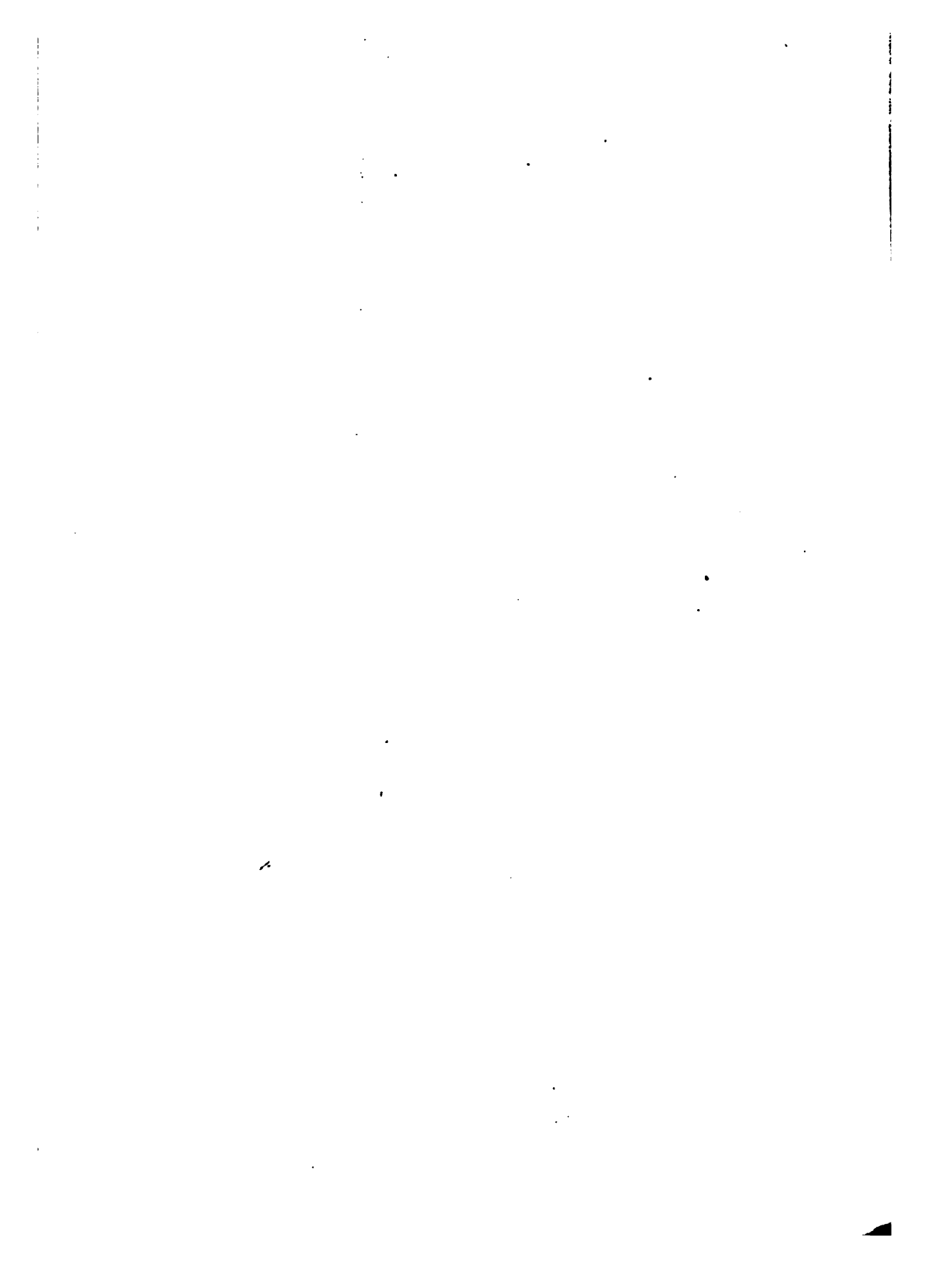
Итакъ это — лопата изъ лосиного рога, очевидно, судя по мѣсту и условіямъ находки ея, употреблявшаяся при былой разработкѣ выѣшняго Кыштымскаго рудника. Я не вижу основаній полагать, что есть или была нужда теперь или недавно употреблять при разработкѣ уральскихъ желѣзныхъ рудниковъ подобныя роговыя лопаты. Напротивъ, въ виду нахождения подобныхъ роговыхъ орудій въ другихъ мѣстностяхъ, при аналогичныхъ же условіяхъ, позволительно думать, что здѣсь

мы имѣемъ дѣло съ орудіемъ довольно древнимъ, употреблявшимся въ былое, доисторическое время при рудничныхъ работахъ въ мѣстности нынѣшняго Кыштымскаго рудника. Вѣроятно, въ этомъ мѣстѣ на Уралѣ была рудная копь, аналогичная чудскимъ копиямъ Алтая и проч.

Но здѣсь есть одна сторона, которая довольно существенно отличаетъ вновь открытую копь отъ такъ называемыхъ чудскихъ копей. По общему мнѣнію, въ чудскихъ копияхъ добывалась мѣдь, здѣсь же, повидимому, желѣзная руда, такъ какъ въ настоящее время здѣсь добывается желѣзная руда, а не мѣдная, и о нахожденіи въ этой мѣстности Урала мѣдныхъ рудъ свѣдѣній не имѣется.

Здѣсь прилагаются два фотографическихкія снимка съ этой лопаты и реставрированный рисунокъ ея. При этомъ считаю нужнымъ добавить, что имѣющаяся на этой лопатѣ трещина произошла недавно, очевидно отъ высыханія, такъ какъ первоначально этой трещины не было.

ПАМЯТИ

Александра Алексѣевича Дмитріева.

(† 1-ю іюня 1902 г.)

Въ іюнь мѣсяцѣ настоящаго года Пермскій край по-
песъ тяжелую утрату въ лицѣ рано скончавшагося изслѣдо-
вателя этого края А. А. Дмитріева. Александръ Алексѣевичъ
родился 22 февраля 1854 года въ заштатномъ городѣ Дедю-
хинѣ, находящемся въ 25 верстахъ отъ г. Соликамска, гдѣ
его отецъ былъ Совѣтникомъ Казеннаго Солянаго Правленія.
По окончаніи курса въ Пермской Гимназіи, покойный въ
1872 году поступилъ въ Казанскій Университетъ на истори-
ко-филологическій факультетъ, который окончилъ въ 1876 го-
ду. Официальный формулярный списокъ Александра Алек-
сѣевича очень не сложенъ. Онъ былъ сначала преподавателемъ
пермскихъ мужской и женской Маріинской гимназій, а за-
тѣмъ инспекторомъ народныхъ училищъ. Гораздо сложнѣе
неофициальный, ученый формуляръ покойнаго. Мы беремъ
его съ первыхъ страницъ его „Пермской Старины“. Александръ
Алексѣевичъ состоялъ товарищемъ предсѣдателя и прави-
телемъ дѣлъ Пермской Ученой архивной Комиссіи, редак-
торомъ ея „Трудовъ“, затѣмъ предсѣдателемъ ея, членомъ-
сотрудникомъ С.-Петербургскаго археологическаго института,
членомъ-корреспондентомъ Финляндскаго общества Археоло-
гіи въ Гельсингфорсѣ, членомъ Ростовскаго музея церковныхъ
древностей, Тобольскаго Губернскаго музея и др. ученыхъ

учрежденій и обществъ. Покойный былъ дѣйствительнымъ членомъ и членомъ-сотрудникомъ общества Археологін, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ.

Историко-археологическая подготовка Александра Алексѣевича началась еще на университетской скамьѣ въ 1874—1876 г.г. подъ руководствомъ молодого тогда профессора Д. А. Корсакова. Александръ Алексѣевичъ два года занимался изученіемъ Русскихъ Лѣтописей, въ частности Новгородскихъ; въ то же время онъ основательно познакомился съ изданіями археографической комиссіи, Собраніемъ Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ и другими архивными изданіями, обильно выходившими изъ печати въ то время. Двухгодичная спеціальная работа надъ историческими памятниками привела Александра Алексѣевича, какъ уроженца Пермскаго края, къ мысли заняться когда нибудь спеціально исторіей края, входившаго нѣкогда въ составъ новгородскихъ владѣній.

Обстоятельства помогли ему исполнить свое намѣреніе. Въ 1880 году Александръ Алексѣевичъ опредѣленъ преподавателемъ исторіи и географіи въ Пермскую Гимназію. Условія оказались подходящими для изученія мѣстной исторіи. Пользуясь руководствомъ знатоковъ мѣстной исторіи Д. Д. Смышляева и Н. К. Чупина, покойный приступилъ къ самостоятельнымъ трудамъ по разработкѣ исторіи Пермскаго края. Въ своихъ ученыхъ историко-археологическихъ занятіяхъ онъ держался экскурсіальнаго приѣма мѣстныхъ изслѣдованій. Учебная служба позволяла ему пользоваться капикулярнымъ временемъ для своихъ завѣтныхъ занятій. Безъ всякихъ пособій съ чьей бы то ни было стороны, при весьма ограниченномъ учительскомъ жалованіи, Александръ Алексѣевичъ умѣлъ просто урывками заниматься излюбленнымъ предметомъ. Какъ частный человѣкъ, онъ иногда ѣхалъ на удачу. Этотъ приватный характеръ сказался въ его ученыхъ маршрутахъ. Не въ правительственныхъ учрежденіяхъ, а у частныхъ лицъ онъ искалъ и часто находилъ весьма цѣнные акты даже XVII вѣка. Восемь частныхъ экскурсій безкорыст-

ному излѣдователю стоили до 3000 рублей. Это вѣдь цѣлый капиталъ для небогатаго учителя гимназій!

Пермскіе архивы и библіотеки не удовлетворяли все болѣе и болѣе развивавшихся интересовъ Александра Алексѣевича. Онъ ѣдетъ въ Москву и Петербургъ для знакомства съ историческими столичными достопримѣчательностями. По пути онъ заѣзжалъ въ Нижній-Новгородъ, во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ Суздаль, Ростовъ, Ярославль, Кострому, и вездѣ онъ знакомился съ историческими древностями и достопамятностями и находилъ полезныхъ себѣ людей. Покойный нѣсколько разъ посѣщалъ Казань съ той же ученой цѣлью.

Восьмилѣтнія (1881—1888 г.г.) ученныя скитанія Александра Алексѣевича не были безрезультатны. Плодомъ ихъ было до 40 статей по исторіи обширнаго края, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ и повременныхъ изданіяхъ. Большинство этихъ статей вошло въ капитальный сборникъ „Пермская Старина“, въ восьми выпускахъ, изданный всецѣло на средства самого автора. Впрочемъ, статьи по географіи и этнографіи края не вошли въ Сборникъ.

Первый выпускъ „Пермской Старины“ вышелъ въ 1889 году съ заглавіемъ „Древности бывшей Пермь Великой (до XVII вѣка)“; онъ содержитъ въ себѣ историко-археологическую монографію о Пермь Великой. Первой выпускъ составленъ вновь и служитъ какъ бы введеніемъ въ обширный сборникъ „Пермской Старины“. Второй выпускъ вышелъ въ 1890 году съ заглавіемъ „Пермь Великая въ XVII в.“

Были у покойнаго жалкіе завистники изъ чиновниковъ Оренбургскаго Учебнаго округа. Эта зависть весьма тревожила Александра Алексѣевича и каждую минуту заставляла его задумываться надъ печальной необходимостью оставить службу при гимназій. Не сразу, но все же А. А. оставилъ гимназію. Видимо, преподаватель гимназій, по взгляду высшаго начальства, въ своихъ познаніяхъ, хотя бы по спеціальному предмету, но долженъ былъ выходить изъ рамокъ учебника и заниматься какой-то археологіей и археографіей, не входящими въ гимназическую программу. Тѣмъ не менѣе

Александръ Алексѣевичъ не оставлялъ своихъ ученыхъ изслѣдованій по изученію исторіи Пермскаго края.

Въ 1888 году учреждается въ Перми Губернская Ученая Архивная коммиссія. Александръ Алексѣевичъ избранъ въ правители дѣлъ ея. Обязанность весьма сложная. Вновь учрежденная Коммиссія первые годы дѣйствовала весьма успѣшно. Она организовала музей и выставку археологическихъ коллекцій и предметовъ древности Пермскаго края. Александръ Алексѣевичъ въ первое время принималъ самое дѣятельное участіе въ занятіяхъ Коммиссіи. Съ 1890 года начинаютъ выходить „Труды Пермской ученой Архивной Коммиссіи,“ весьма богатые матеріалами по археологій и исторіи края.

У Александра Алексѣевича получается полная возможность расширить кругъ дѣятельности на поприщѣ мѣстной археологій. Подъ его редакціей выходятъ первый (1892 г.) и второй (1893 г.) выпуски „Трудовъ Пермской Ученой архивной Коммиссіи“. Покойный трудился не только надъ редактированіемъ, но и надъ составленіемъ весьма цѣнныхъ трудовъ Коммиссіи. Напр., во II выпускѣ „Трудовъ“ имъ издана впервые въ полномъ видѣ „Пермская книга воеводы Прокопія Елизарова по вотчинамъ Строгоновыхъ 1647 г.“, имѣющая значеніе источника первостепенной важности для исторіи колонизаціи Пермскаго края. Тамъ помѣщены и другія статьи его. Будучи предсѣдателемъ и редакторомъ трудовъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи, Александръ Алексѣевичъ продолжалъ самостоятельно издавать „Пермскую Старину“, которая является уже не перепечаткой прежнихъ его статей, а систематическимъ изслѣдованіемъ Пермской исторіи XVII в.

Въ 1890 году Александръ Алексѣевичъ оставляетъ службу въ Пермской гимназій съ ея однообразіемъ и замкнутостью, какъ выражается онъ самъ, и по собственному желанію переходитъ на службу въ инспектора народныхъ училищъ въ г. Соликамскъ. Должность инспектора народныхъ училищъ оказалась благотворной для его археографическихъ и историческихъ занятій. Онъ въ продолженіе десяти мѣсяцевъ велъ положительно скитальческую жизнь, исколесивъ весь Соли-

камскій уѣздъ (около 25,800 квадр. верстъ). Тутъ онъ попалъ въ частный архивъ Дубровиной, владѣлицы солеварень. Архивъ оказался драгоцѣннѣйшимъ: онъ содержалъ въ себѣ сборники писцовыхъ книгъ Соликамскаго уѣзда. На основаніи этихъ новыхъ матеріаловъ составленъ III выпускъ „Пермской Старинны“ съ заглавіемъ: „Экономическіе очерки Перми Великой (Чердынскій и Соликамскій уѣзды на рубежѣ XVI и XVII вѣка).“

Съ 1891 года Александръ Алексѣевичъ состоялъ инспекторомъ народныхъ училищъ Пермскаго уѣзда. Въ Перми для него широко раскрылись двери мѣстныхъ библиотекъ. Этимъ счастливымъ поворотомъ въ своей жизни А. А. обязанъ вниманію къ его трудамъ академиковъ Аванасія Θεодоровича Бычкова и Леонида Николаевича Майкова, стоявшихъ тогда во главѣ Императорской Публичной Библиотеки. Но и Пермь со своими библиотеками не удовлетворяла Александра Алексѣевича. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ въ ноябрѣ 1898 года пишущему эти строки: „Премного благодаренъ Вамъ за доставленіе мнѣ вашихъ „Русскихъ Епархій“ тома 1-го. Эта книга по массѣ собранныхъ въ ней данныхъ мнѣ очень полезна, потому что мои занятія пермской старинной частью соприкасаются съ ней. Живя въ далекой *безкнижной* (курсивъ вашъ) Перми, я часто испытываю большія затрудненія въ пособіяхъ, коихъ требуется мнѣ весьма много, а на мѣстѣ достанешь мало. Въ этомъ смыслѣ каждый новый трудъ, подобный вашему, мнѣ имѣть необходимо постоянно подъ руками , который много разъ сослужитъ и мнѣ добрую службу“¹⁾.

¹⁾ Письмо получено авторомъ «Русскихъ Епархій.. т. 1» послѣ того, какъ онъ выслалъ почтеннѣйшему А. А. Дмитріеву свою книгу, какъ специалисту по исторіи Пермскаго края въ надеждѣ получить отзывъ о книгѣ и замѣчанія на нее. Авторъ не ошибся. Онъ получилъ и то и другое. Александръ Алексѣевичъ серьезно отнесся къ нашей работѣ и сдѣлалъ весьма существенныя поправки въ ней, о чемъ см. въ концѣ настоящей записки, посвященной памяти покойнаго.

Александръ Алексѣевичъ до конца своихъ дней не оставялъ ученыхъ занятій, издавая „Пермскую Старину“; послѣдній VIII-й выпускъ ея вышелъ въ 1900 году. Помимо составленія и изданія на собственные средства обширнаго сборника „Пермской Старины“, онъ не отказывался помогать всѣмъ работникамъ по исторіи Пермскаго края. По смерти инициатора Сборника „Пермскій край“¹⁾ Д. Д. Смышляева кружокъ его почитателей въ 1895 году издалъ въ память покойнаго III томъ „Пермскаго Края“. Редактированіе его взялъ на себя тотъ же Александръ Алексѣевичъ, который въ первыхъ томахъ этого сборника помѣстилъ нѣсколько своихъ статей, состоя дѣйствительнымъ членомъ Комитета.

Дѣятельность Пермской Ученой Архивной Комиссіи постепенно слабѣла. Причина печальнаго явленія заключалась въ томъ, что горьдъ и земство перестали давать средства на ученые изданія трудовъ. Прекратилось даже печатаніе отчетовъ. Александръ Алексѣевичъ, состоявшій въ 1894 г. редакторомъ трудовъ Комиссіи, откачнулся отъ дѣятельности, точнѣе отъ бездѣятельности ея, будучи занятъ своими специальными трудами „Пермской Старины“. Вотъ что онъ писалъ о Пермской Комиссіи въ 1897 году. „Пермская Ученая Архивная Комиссія, находящаяся въ хвостѣ у другой, главенствующей, такъ называемой Пермской же Комиссіи Уральскаго общества любителей естествознанія“ (что въ Екатеринбургѣ), послѣ четырехлѣтняго издательскаго отдыха разрѣшается наконецъ 3-мъ выпускомъ своихъ „Трудовъ“. Названіе „Архивной“ эта комиссія мало оправдываетъ, такъ какъ главная ея дѣятельность археологическая..... Главная задача Архивной Комиссіи-разработка мѣстныхъ архивовъ почти не двигается впередъ. Надо полагать, что такой оригинальной „архивной“ Комиссіи нѣтъ во всей Россіи“.²⁾ Очевидно, Александръ Алексѣевичъ не сочувствовалъ гробкопательству и землеройству.

¹⁾ „Пермскій Край“ издавался Губернскимъ статистическимъ Комитетомъ.

²⁾ Пермская Старина, кн. VII, Библиогр. Указатель, стр. VIII—IX.

Онъ стоялъ за историко-археографическую постановку занятій архивныхъ комиссій. Самъ онъ всегда оставался вѣренъ своимъ взглядамъ.

Дѣятельность Пермской Ученой архивной Комиссiи снова возродилась въ 1900 году, когда и вышелъ 4-й выпускъ ея „Трудовъ“. Въ этомъ послѣднемъ выпускѣ самое видное мѣсто по отдѣлу исторiи мѣстнаго края принадлежитъ опять тому же Александру Алексѣвичу. Ему принадлежатъ три статьи: „По поводу столѣтiя Пермской Епархiи,“ „Чердынскiй Синодикъ“, „Слѣды Русскихъ поселенiй въ Перми Великой до появленiя Строгановыхъ“. Но главнымъ трудомъ Александра Алексѣвича былъ и всегда останется его ученый Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ, преимущественно о Пермскомъ Краѣ, именуемый „Пермская Старина“. Четвертый выпускъ ея подъ заглавiемъ „Строгановы и Ермакъ“ вышелъ въ 1892 году, пятый—„Покоренiе Угорскихъ земель и Сибири“ въ 1894 г., шестой—„Первые годы послѣ Ермака и смутное время“—въ 1895 г., седьмой—„Верхотурскiй край въ XVII вѣкѣ. Къ 300 лѣтiю Верхотурья“—въ 1897 г., восьмой—„Къ исторiи зауральской торговли. Башкирiя при началѣ русской колонизацiи“—въ 1900 году.

Восьмымъ выпускомъ закончился II томъ „Пермской Старины“. По первоначальному плану „Пермской Старины“ должно быть 12 выпусковъ въ III томахъ. Но недостатокъ времени, матеріальныя затрудненiя и отсутствiе поддержки заставили неутомимаго труженика и безкорыстнаго изслѣдователя отложить дальнѣйшіе труды. Особенно огорчила Александра Алексѣвича рецензія г. Адрианова на пять выпусковъ „Пермской Старины“, представленныхъ на соисканiе Уваровской премiи. Сужденiямъ рецензента недостаетъ научнаго безпристрастiя. Г. Адриановъ взялся за рецензію безъ достаточныхъ знанiй въ той области, въ которой Александръ Алексѣвичъ былъ полнымъ специалистомъ. Въ VII выпускѣ „Пермской Старины“ покойный отвѣчалъ своему суровому критику и со

всей очевидностью опровергъ поправки рецензента, которыя справедливо названы въ отвѣтъ А. А. „незлѣпостями“. Плохую услугу оказалъ г. Адриановъ себѣ и Академіи Наукъ, взявшись криво судить о правомъ дѣлѣ. А главное—онъ весьма огорчилъ безкорыстнаго труженика. Александръ Алексѣевичъ все таки продолжалъ свои занятія, но не безъ нѣкотораго опасенія получить новыя подобныя сюрпризы и поощренія за свои долготѣвнѣ безмездныя труды. На восьмомъ выпускѣ прекратилось несомнѣнно полезнѣйшее изданіе „Пермской Старинны“. Но для Александра Алексѣевича было достаточно и того, что онъ сдѣлалъ, благодаря своей энергіи и безкорыстію.

Помимо многострадальной „Пермской Старинны“ его перу принадлежатъ: „Очерки по исторіи губернскаго города Перми съ основанія поселенія до 1845 г. съ приложеніемъ лѣтописи города Перми съ 1845 до 1890 годъ (I—VII + 1—363 стр.) 1889 года“; брошюра „Историческій очеркъ развитія народнаго образованія въ г. Перми и въ Пермскомъ уѣздѣ“, написанная по поводу 25-лѣтія земскихъ училищъ, 1895 г. и мн. другія. Характерной чертой Александра Алексѣевича, какъ историка и изслѣдователя, была отзывчивость его на всякое событіе, касающееся Пермскаго Края. Ни одинъ, даже самый маленькій юбилей не проходилъ, чтобы покойный не отозвался на него въ печати. Всѣ дѣятели мѣстнаго края на общественномъ и литературномъ поприщѣ находили въ немъ достойнаго цѣнителя при жизни и по смерти. Памяти ихъ Александръ Алексѣевичъ посвящалъ горячія статьи. Уважемъ для примѣра замѣтки: „Къ полулѣтковой годовщинѣ смерти Петра Андреевича Словцова“, изслѣдователя Сибири, отлично знавшаго и Пермскій край, особенно Зауралье, и „Памяти Владимира Владимировича Голубцова“, знатока Пермскаго края. Обѣ замѣтки помѣщены въ Сборникѣ „Пермскій Край“ т. II. Онъ помянулъ также Дмитрія Дмитріевича Смышляева, Ивана Васильевича Вологодина, Егора Ивановича Красноперова и др. Одинъ перечень статей и отдѣльныхъ изданій, принадлежащихъ перу Александра Алексѣевича, займетъ не одну страницу. Мы не называемъ ихъ; онѣ перечислены самимъ авторомъ въ би-

блiографическомъ указателѣ „Пермской Старини.“ Его статья „Древній Булгаръ и татарскія о немъ преданія“, напечатанная первоначально въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ 1888 г. №№ 180 и 181, перепечатана въ „Извѣстiяхъ Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ т. VII, 1889. Въ тѣхъ же „Извѣстiяхъ“ были напечатаны его статьи: „Забитый трудъ Пкосова о Строгановыхъ и Ермакѣ“ 1897 г. т. XIV, вып. 2, и „Бучумъ Пскерь на Прышѣ“ 1900 г. т. XVI, вып. 2.

Александръ Алексѣевичъ зналъ положительно всю литературу, касающуюся Пермскаго края. Онъ постоянно слѣдилъ за новыми изданiями и отмѣчалъ ихъ въ библиографическомъ отдѣлѣ „Пермской Старини“. Александръ Алексѣевичъ былъ всегда скромнѣе въ своихъ отзывахъ о чужихъ трудахъ. У него наблюдается даже своеобразная манера отзываться о чужихъ трудахъ. Понимая, что рецензiя особенно интересна самимъ авторамъ, Александръ Алексѣевичъ направлялъ ее часто непосредственно къ составителямъ изслѣдованiя въ формѣ письма. Мы собственнымъ примѣромъ можемъ подтвердить сказанное. Александръ Алексѣевичъ оказался единственнымъ человѣкомъ, который, получивъ даровой экземпляръ нашего изслѣдованiя „Русскiя епархiи въ XVI—XIX в.“ (т. I, XVI—XVII вв.) Казань. 1897 года, сдѣлалъ серьезныя поправки, касательно епархiальнаго устройства Пермскаго края. Такъ какъ эти поправки неизвѣстны въ печати, то мы предлагаемъ ихъ вниманiю читателей въ настоящей статьѣ.

Замѣтки на книгу И. М. Покровскаго: «Русскiя Епархiи XVI—XVII вв. т. I. Казань 1899 г.

1) При опредѣленiи границъ Пермi Великой въ XVI вѣкѣ, приведенныхъ авторомъ по «Пермской Старинѣ» (вып. I, стр. 142—143), гдѣ онѣ, въ свою очередь, указаны по Писцовымъ Книгамъ 1579 г. и другимъ первоисточникамъ для исторiи Пермi Великой, — г. Покровскiй на стр. 118, въ подстрочномъ примѣчанiи, совершенно напрасно добавлялъ слова: «Въ указанныхъ границахъ можно равно обратиться по картѣ Екатеринбургскаго вѣдомства 1736 г., приложенной при второмъ томѣ сочиненiя Смышляева «Пермскiй Край. Пермь. 1893 г.»

Могу увѣрить автора, что по этой картѣ, первоначально составленной въ 1734—36 г.г. и изданной въ копіи Аванасія Кичигина 1744 года, наоборотъ, можно затемнить, а не уяснить себѣ границы Перми Великой, каковой въ тѣ времена уже не существовало въ ея старыхъ границахъ XVI вѣка, которыя далеко не совпадали съ административнымъ раздѣленіемъ той же территоріи въ XVIII вѣкѣ. Гораздо лучше было бы въ данномъ случаѣ сослаться, кромѣ I-го, и на II-й выпускъ моей «Пермской Старины», гдѣ указаны по источникамъ до мелкихъ подробностей и всѣ послѣдовательныя перемѣны въ этихъ границахъ, а также на мою работу: «Историческій очеркъ Пермс. Края» (краткій, но общій для всего обширнаго края) въ изданіи Пермскаго губернскаго земства: «Обзоръ Пермскаго края» т. I-й и въ особыхъ оттискахъ, Пермь. 1896 г. Въ этой общей работѣ указана и взаимная зависимость всѣхъ городовъ Пермскаго края и сопредѣльныхъ съ нимъ за нѣсколько столѣтій, что важно и для историка церкви, почему я рѣшаюсь предложить эту работу вниманію автора «Русскихъ епархій».

2) На стран. 121 своего труда г. Покровскій приводитъ подробно, опять по «Пермской Старинѣ» вып. II-й, административное раздѣленіе Перми Великой «ко второй половинѣ XVII вѣка», тогда какъ это дѣленіе было уже въ самомъ началѣ того вѣка. Перечисливъ, согласно со мною, шесть отдѣльныхъ частей Перми Вел., авторъ замѣчаетъ: «Указаны только 3 главныхъ монастыря Вел. Перми, тогда какъ во второй полов. XVII в. тамъ ихъ было больше». Но у меня состояніе каждой части Перми Вел. рассматривается отдѣльно въ 1-й и во 2-й половинѣ XVII в., при чемъ не трудно было усмотрѣть, что и въ первой половинѣ этого вѣка я рельефно отмѣтилъ особенное колонизаціонное значеніе Соликамскаго Вознесенскаго монастыря, важнѣйшаго во всей Перми Великой послѣ Пыскорскаго, но въ самомъ началѣ XVII в. еще не имѣвшаго своихъ отдѣльныхъ вотчинъ, стоявшаго въ чертѣ города, почему отдѣльно мною и не упомянутого при перечисленіи составныхъ частей Перми Вел. въ самомъ началѣ XVII вѣка. Но г. Покровскому при перечисленіи тѣхъ же частей территоріи уже «ко второй половинѣ вѣка» обязательно было включить Соликамскій Вознесенскій монастырь въ число важнѣйшихъ въ Великопермскомъ Краѣ, чего однако онъ не сдѣлалъ едва-ли по моей винѣ. Во II вып. моей «Пермской Старинѣ» этому монастырю посвящены страницы 112—124 (состояніе его въ 1-й половинѣ вѣка) и далѣе 209—221 (сост. во 2-й его половинѣ). Желательно, чтобы этотъ пробѣлъ былъ восполненъ въ трудѣ г. Покровскаго, въ которомъ я далѣе этого важнѣйшій послѣ Пыскорскаго монастырь Перми Великой не упомянуть ни словомъ.

3) Въ главѣ III: «Сибирская церковь» совсѣмъ не видно пользованія V, VI и VII выпусками «Пермской Старины»; между тѣмъ въ нихъ приводится много новыхъ свѣдѣній о Пермскомъ Зауральѣ и въ частности о Верхотурѣ и его обширномъ уѣздѣ. Не указывая разныхъ фактовъ изъ гражданской исторіи Сибири, съ толкованіемъ конхъ авторомъ «Русскихъ епархій» я не согласенъ, отмѣчу лишь снова повторенную ошибку въ гео-

графическомъ положеніи Введенскаго монастыря за Ураломъ на р. Нейтъ, тогда какъ онъ былъ по сю сторону Урала на р. Яйвѣ—(См. у г. Покровскаго стр. 514, строка 4-я сверху; у меня въ VII вып. «Пермской Старины» стр. 139).

4) Подобныя же историко-географическія неточности оставилъ авторъ безъ подстрочныхъ исправленій и оговорокъ и въ приложеніи II: «Вѣдомость о монастыряхъ»... и т. д. Въ Вятской епархіи (по счету XIV-й) встрѣчаемъ такія ошибки: № 6. Зосимо-Савватіева Оханная пустынь въ Соликамскомъ уѣздѣ при р. Камѣ, тогда какъ въ 1738—41 годахъ, къ коимъ относится вѣдомость, эта пустынь была въ вотчинахъ Строгановыхъ, которыя тогда составляли самостоятельную административную единицу. То же самое нужно сказать о трехъ другихъ пустыняхъ, подъ № 16 Успенской Верхълавинской, № 18 Чусовской Успенской и № 19 Шереминской Богородицкой, которыя всѣ находились въ 1738—41 г.г. въ вотчинахъ Строгановыхъ, а не въ Соликамскомъ уѣздѣ, какъ показано въ вѣдомости. Вотъ въ этомъ именно случаѣ г. Покровскому могла бы сослужить службу карта тѣхъ же самыхъ годовъ (1734—1744), изданная въ сборникѣ «Пермскій Край» томъ II, подъ редакціей Д. Д. Смышляева. На этой картѣ авторъ ясно увидалъ бы принадлежность упомянутыхъ 4-хъ пустынь къ вотчинамъ Строгановыхъ и исправилъ бы ошибку «вѣдомости», каковыми она столь избежитъ. Во второй же половинѣ XVII вѣка, начиная съ 1640 года, эти пустыни нѣкоторое время, дѣйствительно, состояли въ Усольскомъ уѣздѣ, о чемъ у меня подробно говорится во II вып. «Перм. Старини» на стр. 146 и др., коимъ авторъ «Русскихъ епархій» воспользовался очень бѣгло.

5) Последнимъ обстоятельствомъ я объясняю и еще одну ошибку, повторяемую въ трудѣ г. Покровскаго многократно, начиная съ самаго оглавленія книги (стр. II), затѣмъ на стр. 42, 249—250 и др. Я разумѣю неправильное именованіе Строгановыхъ боярами, въ каковомъ званіи они никогда не бывали. До Петра В. (или до смерти Григорія Дмитріевича Строганова) они назывались «именитыми людьми» (объясненіе см. въ IV вып. «Пермской Старины»), потомъ стали титуловаться «баронами» и въ нашемъ вѣкѣ «графами» (доминѣ).
А. Дмитріевъ.

Къ тому, что связано въ замѣткахъ, Александръ Алексѣевичъ, зная наше намѣреніе заняться составленіемъ русскаго церковно-историческаго атласа, въ частномъ письмѣ прибавилъ слѣдующее: „При составленіи церковнаго историко-географическаго атласа Вамъ не слѣдуетъ очень полагаться на атласъ проф. Замысловскаго, по крайней мѣрѣ въ отношеніи Пермскаго края. У него есть крупныя погрѣшности, указанныя мною отчасти въ I-мъ, также во II-мъ и V-мъ выпускахъ моей „Пермской Старины“. Нашу Пермь давно отождествля-

ють съ Біарміей, а это ведетъ къ разнымъ другимъ ошибкамъ. Желаю Вамъ для общей пользы составить этотъ атласъ на основаніи самыхъ послѣднихъ разысканій, не пренебрегая и мѣстными работами, въ которыхъ есть не мало такого, что принято игнорировать въ общихъ трудахъ историковъ, въ ущербъ научной истинѣ.

Мудрый совѣтъ почтеннѣйшаго изслѣдователя Пермскаго Края мы принимаемъ близко къ сердцу. Дѣйствительно, въ такомъ провинціальномъ изданіи, какъ „Пермская Старина“ Александра Алексѣевича, заключается много такого, чѣмъ съ благодарностью воспользуется историкъ Русскаго Государства и Русской Церкви.

Дай Богъ, чтобы въ Пермскомъ краѣ нашелся продолжатель дѣла, которому Александръ Алексѣевичъ посвятилъ свои умственные и нравственные силы, свой досугъ и свои средства. Мы лично, не будучи знакомы съ Александромъ Алексѣевичемъ, грустимъ о тяжелой утратѣ, которую понесъ весь Пермской край въ лицѣ беззавѣтно преданнаго изслѣдователя Пермскаго Края.

Много сдѣлалъ этотъ служитель науки для исторіи края, много могъ еще сдѣлать, но смерть прекратила его выпучую дѣятельность въ самомъ разцвѣтѣ лѣтъ для ученаго труженника, преждевременно надломившаго свое здоровье. Но для него достаточно и того, что сдѣлалъ. „Quod potui, feci; faciant meliora potentes“, говорилъ и писалъ Александръ Алексѣевичъ на страницахъ своей „Пермской Старины“, которая будетъ всегдашнимъ памятникомъ ученому труженнику.

Миръ праху твоему, дорогой нашъ соратникъ и рано скрывшійся отъ насъ усердный служитель науки!

Иванъ Покровскій.

Казань. 1902 года, Октября 22 дня.

Церковно-археологическіе вопросы на XII археологическомъ сѣздѣ въ Харьковѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору дѣятельности отдѣленія церковныхъ древностей XII археологического сѣзда, скажемъ нѣсколько словъ о впечатлѣніи, которое производилъ вообще сѣздъ.

Первое, что бросалось въ глаза на этомъ сѣздѣ, была количественная бѣдность его членовъ. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ ниже даже своего непосредственнаго предшественника, также не блиставшаго многолюдствомъ. Въ частности рѣзко бросалось въ глаза полное отсутствіе довольно многочисленныхъ на предшествовавшемъ сѣздѣ славянскихъ гостей, а также снова повторившееся отсутствіе представителей ученаго міра Галицкой Руси, несмотря на устраненіе извѣстной причинъ, помѣшавшей имъ три года тому назадъ прибыть на сѣздъ въ Кіевъ. Но это непріятное впечатлѣніе совершенно сгладилось потомъ подъ вліяніемъ того въ высшей степени оживленнаго характера, какой носилъ сѣздъ. Довольно дальнія и весьма интересныя экскурсіи, прекрасно организованная выставка, дружная работа мѣстныхъ ученыхъ силъ, проявившаяся въ многочисленныхъ рефератахъ, посвященныхъ вопросамъ мѣстной исторіи, наконецъ поразительный интересъ, проявленный по отношенію къ сѣзду со стороны Харьковскаго общества, буквально переполнявшаго ежедневно съ утра до вечера довольно обширныя залы выставки,—все это производило впечатлѣніе настоящаго праздника науки. Къ сожалѣнію, мы не можемъ въ настоящее время подробно остановиться на обзорѣ выставки и въ частности ея церковнаго отдѣла, такъ какъ еще не вышелъ въ свѣтъ прекрасно задуманный альбомъ снимковъ съ выставленныхъ предметовъ: отлагая до его выхода специальную бесѣду о церковномъ отдѣлѣ выставки, теперь скажемъ только, что при воспоминаніи о необыкновенной бѣдности и, такъ сказать, безцвѣтности этого отдѣла выставки на предшествовавшемъ сѣздѣ невольно напрашивалось сопоставленіе, нелестное въ этомъ отношеніи для «прашура городовъ» съ сравнительно совсѣмъ юнымъ еще Харьковомъ.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію дѣятельности отдѣленія церковныхъ древностей XII археологического сѣзда. Начнемъ съ перваго по времени и одного изъ наиболее интересныхъ сообщеній этой секціи—преподавателя Тульской духовной семинаріи Н. И. Троицкаго подъ заглавіемъ: «Древнѣй-

шій храмъ въ Херсонесѣ Таврическомъ, открытый при раскопкахъ въ настоящемъ году». Къ сожалѣнію, цѣльности впечатлѣнія въ работѣ почтеннаго автора нѣтъ нѣкоторая ея, такъ сказать, архитектурная странность. Сказавъ нѣсколько словъ о печальной до недавняго времени судьбѣ Херсонесскихъ раскопокъ, авторъ переходитъ затѣмъ къ описанію открытаго въ 1902 г. древняго храма, но въ началѣ этого описанія, увлекшись найденнымъ тамъ между прочимъ мозаичнымъ изображеніемъ «Креста—древа жизни», посвящаетъ затѣмъ большую часть своего сообщенія исторіи этого изображенія и лишь подъ конецъ возвращается ко вновь открытому Херсонесскому храму для того, чтобы сказать о немъ буквально нѣсколько словъ. А потому и мы при разсмотрѣніи даннаго реферата должны ограничиться очень немногими данными относительно этого храма, именно: что онъ былъ крестообразный, съ равными концами, что восточный и южный концы были соединены стѣной и абсидой, что онъ былъ построенъ на могилахъ, соединенныхъ корридоромъ, отъ котораго идутъ вѣтки, и что полъ его былъ заполненъ мраморной мозаикой. Но за то гораздо болѣе интереснымъ является данное сообщеніе по отношенію къ вопросу о «крестѣ—древѣ жизни». Кому изъ лицъ, интересующихся нашей церковной стариной, неизвѣстенъ этотъ прекрасный образецъ нашей древней церковно-символической живописи? Но откуда онъ ведетъ свое начало? И вотъ, для отысканія корней этой композиціи, мы вслѣдъ за авторомъ углубляемся къ сѣдую древность, въ религіозныя идеи и преданія древняго Востока, и тамъ, въ Ассиро-Вавилонскихъ и Персидскихъ легендахъ, находимъ зародыши этого символа. Тамъшнія легендарныя представленія о дрѣвѣ безсмертія, сокъ котораго воскрешаетъ людей, переходятъ къ евреямъ, находя тамъ выраженіе въ апокрифической книгѣ Еноха, въ разсказѣ о горѣ изъ великолѣпныхъ камней, изъ которыхъ средній окруженъ дивными неуязвимыми деревьями, отъ плодовъ которыхъ, по словамъ архистратига Михаила, будетъ дана жизнь избраннымъ, когда Вѣчный Судія на этой горѣ водвигнетъ тронъ свой для великаго суда. Отсюда сооруженіе семисвѣчника, какъ прообраза этого чудеснаго древа жизни, отсюда далѣе примѣненіе этого прообраза пророками къ лицу Мессіи—вѣтви отъ корня древа Иессея; отсюда, наконецъ, Евангельское уподобленіе Христомъ себя виноградной лозѣ. Вполнѣ естественно затѣмъ переходъ этого представленія въ Христіанскія понятія и выраженіе его въ Христіанскомъ искусствѣ.

Болѣе специальный интересъ имѣлъ слѣдующій по порядку докладъ профессора А. С. Хаханова: «Изъ путешествія по Аеону. О спискѣ грузинской Библии 981 г. и значеніи этого списка для установленія текста Библии на грузинскомъ языкѣ». Изученіе авторомъ грузинской Библии, хранящейся на Аеонѣ, привело его къ заключенію, во первыхъ, о постепенности искаженія грузинскаго библейскаго текста, а во вторыхъ, что первоначальный переводъ грузинской Библии былъ сдѣланъ не съ греческаго текста, а скорѣе съ сирійскаго.

Профессоръ М. А. Остроумовъ въ своемъ докладѣ задался: «Вопросомъ о греческомъ оригиналѣ текста правилъ Славянской Коричей или такъ

наз. Синописи церковных правил и его первоначальномъ значеніи». Установивъ прежде всего тотъ фактъ, что Синописиъ дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ, соответствующихъ по расположенію правилъ двумъ редакціямъ Номоканона, докладчикъ вывелъ отсюда служебное значеніе Синописиса. Это служебное значеніе заключалось въ томъ, что Синописиъ служилъ указателемъ къ правиламъ Номоканона. Слѣдя далѣе за его происхожденіемъ, можно усмотрѣть, что первоначально онъ состоялъ только изъ перечня заглавій правилъ Номоканона; разившись затѣмъ съ теченіемъ времени въ сокращенное изложеніе этихъ правилъ, онъ именно въ такомъ видѣ и перешелъ въ нашу Славянскую Коричуу.

Весьма интересенъ въ отношеніи не только теоріи, но и практики церковной былъ докладъ профессора А. П. Голубцова: «О мѣрѣ среди церкви въ связи съ вопросомъ о происхожденіи орлеца». Символическое значеніе архіерейскаго орлеца извѣстно каждому изъ школьныхъ учебниковъ, но нельзя сказать того же объ его историческомъ происхожденіи. Дѣло въ томъ, что въ древности тѣ мѣста, на которыхъ полагается орлець, обозначались особаго вида и цвѣта мраморной плитой или какой нибудь, преимущественно круглой, мозаичной геометрической фигурой. Это - то и называлось «мѣра среди церкви». Здѣсь становились священнослужители, ставились священные предметы. Эта «мѣра среди церкви», по гречески омфалий, издревле стала украшаться въ греческихъ храмахъ мозаичнымъ изображеніемъ орла. Орелъ этотъ, по словамъ автора доклада, ведетъ свое происхожденіе прямо отъ тѣхъ орловъ, которые нѣкогда красовались на знаменахъ римскихъ легионовъ, стали затѣмъ символомъ императорской власти, въ этомъ качествѣ перешли изъ Рима въ Византію и адѣсь въ XIII—XIV в. стали принадлежностью одѣянія и, стало быть, знакомъ власти не только царской, но и высшихъ сановниковъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Подъ вліяніемъ той же классической древности, любившей въ центрѣ пола помѣщать какое либо символическое изображеніе, эти орлы стали изображаться мозаикой на полу, а впоследствии у насъ на Русь перешли на вышитыя шерстью и шелкомъ изображенія на кругломъ кускѣ матеріи. Практическій выводъ, дѣлаемый отсюда докладчикомъ, что теперь, когда храмы наши все чаще и чаще начинаютъ украшаться мозаичными полами, хорошо было бы храмостроителямъ возобновить этотъ обычай устраивать «мѣру среди церкви».

Докладъ профессора Д. В. Айналова: «Даръ великой княгини Ольги въ ризницу церкви св. Софій въ Царьградѣ», разъясняетъ вопросъ о драгоценномъ блюдѣ, принесенномъ св. Ольгой въ даръ св. Софій по словамъ извѣстнаго паломника, впоследствии Новгородскаго архіерея Антонія. Дѣло въ томъ, что это извѣстіе противорѣчитъ показаніямъ византійскихъ историковъ, говорящихъ, что св. Ольга поднесла въ даръ св. Софій не блюдо, а чашу. Докладчикъ обратилъ вниманіе на характеръ изображеній, украшавшихъ это священное блюдо, а изъ сопоставленія его съ другими подобными же блюдами вывелъ заключеніе, что это было не что иное, какъ дискосъ, а если такъ, то это вполне согласуется съ показаніями византійскихъ исто-

риковъ, при томъ предположеніи, что вмѣстѣ съ дискомъ св. Ольгой былъ поднесенъ и потиръ, исчезнувшій ранѣе паомничества Антонія.

Последнимъ докладомъ отдѣла церковныхъ древностей явился докладъ В. С. Малченко: «Архитектурные памятники въ Соликамскѣ». Изъ этого доклада выяснилось, какъ постепенно распространялось московскими зодчими вліяніе московскаго строительнаго типа даже до далекаго Соликамска, гдѣ оно выразилось въ концѣ XVIII вѣка постройкою цѣлаго ряда церквей характернаго московскаго типа. Во время преній по поводу этого доклада былъ поднятъ весьма любопытный вопросъ о такъ называемыхъ «голосникахъ», которые такъ часто приходится наблюдать въ нашихъ древнихъ церквахъ и которымъ обыкновенно приписывается значеніе резонаторовъ. Изъ сопоставленія того факта, что въ византийскихъ церквахъ голосниковъ нѣтъ, съ тѣмъ, что у насъ они встрѣчаются и въ церквахъ деревянныхъ, гдѣ они не могутъ имѣть акустическаго значенія, выяснилось, что на голосники слѣдуетъ смотрѣть скорѣе какъ на приспособленія, предназначавшіяся немискусными архитекторами стараго времени для облегченія тяжести свода.

Я считалъ бы свою задачу неисполненной, еслибы не помянулъ нѣкоторыхъ другихъ докладовъ, хотя и не отнесенныхъ почему то къ отдѣлу церковныхъ древностей, но по содержанію своему прямо касающихся вопросовъ церковно-историческихъ.

Изъ такихъ докладовъ первымъ по времени является сообщеніе профессора Д. В. Айдалова: «Мраморы и микростаціи Десятинной церкви и Кіево-Софійскаго собора». Не велики оказываются остатки этой микростаціи какъ въ той, такъ и въ другой церкви, хотя Кіево-Софійскій соборъ поражалъ когда то иностранныхъ путешественниковъ равнообразіемъ своихъ мраморовъ. Граблемъ уніатовъ уничтожилъ великолѣпіе Св. Софіи. Но все же по сохранившимся остаткамъ можно до известной степени представить себѣ эту древнюю святыню во всемъ блескѣ ея красоты и величія. Соборъ былъ облицованъ мраморомъ, какъ соборъ Св. Марка въ Венеціи, его украшалъ портикъ изъ мрамора, порфира и алебастра. Оказывается, что вообще мраморныя издѣлія были далеко не рѣдкостью въ древней Руси, не щадившей средствъ на украшеніе своихъ храмовъ.

Еще большій интересъ представилъ собою рефератъ профессора Е. К. Рѣдина: «Религіозные памятники искусствъ Харьковской губерніи». Къ сожалѣнію, подробную бесѣду объ этомъ докладѣ мы принуждены отложить до выхода въ свѣтъ вышеупомянутаго выставочнаго альбома, такъ какъ теперь лишены возможности сопровождать докладъ необходимой демонстраціей снимковъ съ рассматриваемыхъ здѣсь произведеній церковнаго искусства. Пока скажемъ только, что докладъ этотъ обнаружилъ въ высшей степени любопытное явленіе: въ то время какъ у насъ на Сѣверѣ въ XVI—XVII в.в. лишь въ слабой степени отражается въ церковномъ искусствѣ вліяніе итальянскаго Ренессанса, а въ XVIII в. волна западнаго вліянія сразу затопляетъ всѣ исконныя иконографическія преданія,—на югѣ во всей Слободской Украинѣ идетъ, въ это же самое время, въ церковномъ

искусствѣ борьба самыхъ разнообразныхъ направленій; тутъ замѣчается и вліяніе итальянское, въ особенности Перуджини, и вліяніе нѣмецкое, и даже вліяніе Мурильо. Но среди этихъ разнообразныхъ западныхъ теченій бьетъ яркая струя украинской самобытности, вносящая много свѣжаго чувства въ заимствованные съ Запада художественные мотивы.

Далѣе слѣдуетъ отиѣтити сообщеніе профессора А. С. Лебедева: «Епископская дѣятельность Самуила Миславскаго въ Бѣлгородской епархіи». Личность Самуила Миславскаго до сихъ поръ мало освѣщена въ исторіи; между тѣмъ блестящая карьера, слѣланная имъ въ Екатерининское время, обильнос богатыми дарованіями на церковно-административномъ поприщѣ, извѣстное расположеніе къ нему Императрицы Екатерины заставляеть во всякомъ случаѣ предполагать въ немъ личность недожизнную. И вотъ, докладъ профессора А. С. Лебедева ставитъ себѣ владачю пролить нѣкоторый свѣтъ на его первые административные шаги въ Бѣлгородской епархіи, явившейся первымъ мѣстомъ его архипастырскаго служенія. Къ сожалѣнію, авторъ освѣтилъ съ достаточной полнотой только одну сторону дѣятельности этого іерарха,—именно просвѣтительную. Объ остальномъ онъ говоритъ лишь вскользь. Но все же сообщенные имъ факты достаточны для значительнаго освѣщенія данной личности. Любопытно, наконецъ, то, что малороссъ по происхожденію, воспитанникъ Кіевской академіи, этой расадницы схоластическаго метода въ духовныхъ школахъ, Самуилъ относился къ этому методу вполне отрицательно и очень много слѣлалъ для подъема преподаванія загнаннаго до тѣхъ поръ русскаго языка въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Усердно заботясь о насажденіи просвѣщенія въ невѣжественной духовной средѣ своей епархіи, Самуилъ нерѣдко дѣйствовалъ въ этомъ направленіи гровою своей власти. Эта ли невѣжественность его подчиненныхъ, или его индивидуальныя свойства заставляли его относиться отрицательно къ выборному началу въ ихъ средѣ, которое постоянно подавляеть онъ авторитетомъ своей власти. Словомъ, предъ нами типичная фигура просвѣщеннаго іерарха Екатерининскаго вѣка, держащаго свое ния «честно и гровно», и въ то же время усерднаго работника на поприщѣ духовнаго просвѣщенія—достойнаго современника Гавріила Петрова и Платона Лещина.

Въ высшей степени любопытенъ былъ докладъ г-жи А. Я. Ефименко: «Къ вопросу о братствахъ». Всѣмъ извѣстна дѣятельность церковныхъ братствъ въ Западной Руси, явившаяся подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась тамъ православная церковь. Гораздо менѣе извѣстна дѣятельность братствъ, находившихся внѣ этихъ печальныхъ условій, именно братствъ Слободской Украйны; здѣсь они являюся учрежденіями просвѣтительными и благотворительными, ставятъ себѣ главной задачей устройство школъ и благоуѣпіе церквей. А каковы были результаты этой дѣятельности по отношенію къ народному просвѣщенію—видно изъ того факта, что въ 1732 г. число школъ въ краѣ имѣло такое же отношеніе къ численности населенія, какъ и въ 1884 г. Но откуда ведутъ свое начало церковныя братства вообще? Это начало нужно искать въ исторіи первыхъ вѣковъ христіанства, именно въ христіанскихъ коллегіяхъ, широ-

ко распространенныхъ въ Римской имперіи. Распространившись затѣмъ по всей Западной Европѣ, братства, по мнѣнію докладчика, явились первоначальной формой той общественной организаціи, которая впоследствии, съ появленіемъ въ немъ элемента принудительнаго, обратилась въ такъ называемое церковное устройство. Остается пожалѣть, что при этомъ сопоставленіи братствъ всѣхъ временъ и народовъ Европы ни докладчикъ, ни оппоненты не обратили вниманія на наши великорусскія, церковныя братства, когда-то процвѣтавшія въ особенности въ Новгородѣ и Псковѣ и несомнѣнно имѣвшія не малое вліяніе на развитіе древне-русской общественности.

Последнимъ докладомъ, относящимся къ данной категоріи, былъ докладъ г. В. А. Харламова: «Характеръ церковнаго управленія и церковной жизни въ Донской области въ началѣ XVIII в.», раскрывающей любопытную картину полной зависимости духовенства отъ войсковой власти. Только по поводу церковныхъ построекъ и поставленія священниковъ сносилось войско черезъ посольскій приказъ съ мѣстоблюстителемъ патриаршаго престола. Назначеніе священниковъ на мѣста, не говоря уже о нашемъ духовенствѣ, зависѣло вполне отъ войска; оно имѣвалось даже и въ монастырское управленіе. Такое положеніе длилось до начала XIX в., являясь послѣднимъ остаткомъ бывшей независимости Донскаго казачества отъ Московскаго правительства.

Этимъ исчерпывается серія церковно-археологическихъ и церковно-историческихъ вопросовъ, возбужденныхъ на минувшемъ съѣздѣ. Интересъ этихъ вопросовъ и тщательное ихъ разрѣшеніе не можетъ, однако, изгладить впечатлѣнія ихъ малочисленности. Припомнимъ сказанное нами въ началѣ нашего сообщенія относительно оживленности и интенсивности работъ съѣзда, въ особенности въ области мѣстной исторіи; нельзя не замѣтить, что церковная археологія заняла въ работахъ слишкомъ скромное мѣсто. Не будемъ входить въ разсмотрѣніе причинъ этого почти систематическаго явленія, которое завело бы насъ быть можетъ слишкомъ далеко. Ограничимся пожеланіемъ, чтобы поскорѣе осуществилась мысль, выраженная по поводу предыдущаго археологическаго съѣзда почтеннымъ членомъ нашего общества И. М. Покровскимъ объ устройствѣ особыхъ церковно-археологическихъ съѣздовъ. Только тогда, можно думать, и на общихъ съѣздахъ ученыхъ археологовъ церковная археологія займетъ, наконецъ, подобающее ей мѣсто, соотвѣтствующее тому великому значенію, какое имѣло и имѣетъ православная церковь въ культурно-исторической жизни русскаго государства и народа.

Д. Васильевъ.

Инструкція для членовъ редакціонной комиссіи Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Каванскомъ Университетѣ.

§ 1. Члены редакціонной комиссіи избираются изъ числа десяти лицъ, участвующихъ въ засѣданіяхъ Совѣта; количество ихъ равняется тремъ; четвертымъ является, согласно § 62 устава Общества, предсѣдательствующій въ засѣданіяхъ комиссіи секретарь, онъ же главный редакторъ изданій Общества (§ 53 Устава).

Примѣчаніе. Въ случаѣ невозможности совѣщенія однимъ и тѣмъ же лицомъ обязанностей секретаря Общества и редактора его изданій, Совѣтъ Общества имѣетъ право временно поручить главную редакцію своихъ публикацій другому лицу изъ числа десяти членовъ Совѣта.

§ 2. Предсѣдательствующій въ редакціонной комиссіи вскрываетъ всѣ поступающіе на имя редакціи пакеты, письма и посылки, докладываетъ о нихъ редакціонной комиссіи, ведетъ дневникъ поступающимъ для напечатанія въ изданіяхъ Общества статьямъ и сообщаетъ о нихъ членамъ редакціонной комиссіи.

§ 3. Засѣданія редакціонной комиссіи созываются не менѣе одного раза въ мѣсяцъ (за исключеніемъ лѣтняго времени) и считаются состоявшимися при наличности трехъ членовъ; въ случаѣ неприбытія указаннаго числа членовъ, назначается новое засѣданіе, которое считается состоявшимся при всякомъ числѣ присутствующихъ. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія изъ Кавани кого либо изъ членовъ редакціонной комиссіи, предсѣдательствующій приглашаетъ на засѣданіе комиссіи вмѣсто неявившихся кого либо изъ числа десяти членовъ Совѣта.

§ 4. Вопросы въ засѣданіяхъ редакціонной комиссіи рѣшаются большинствомъ голосовъ; въ случаѣ равенства, голосъ предсѣдательствующаго даетъ перевѣсъ.

§ 5. Въ томъ случаѣ, если никто изъ членовъ редакціонной комиссіи не сочтетъ себя достаточно компетентнымъ для рассмотрѣнія какой либо статьи, предлагаемой къ напечатанію въ изданіяхъ Общества, комиссіа обращается съ просьбою о содѣйствіи къ кому либо изъ членовъ Общества,

наѣстимыхъ своими трудами въ данной области знанія, и голосъ избраннаго такимъ образомъ лица считается рѣшающимъ.

§ 6. Отъ редакціонной комиссіи зависитъ только рѣшеніе вопроса, можетъ ли та или другая статья быть помѣщена въ изданіяхъ Общества; согласіе или несогласіе на напечатаніе статьи скрѣпляется подписью каждаго члена комиссіи; время и порядокъ обнародованія принятыхъ статей всецѣло предоставляется усмотрѣнію главнаго редактора.

§ 7. Статьи, присланныя для помѣщенія въ изданіяхъ Общества, подлежатъ, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

§ 8. Оригиналы помѣщенныхъ въ изданіяхъ Общества статей хранятся въ теченіе 12 мѣсяцевъ со времени ихъ обнародованія; по истеченіи этого срока рукописи ихъ уничтожаются и никакія претензіи не принимаются во вниманіе.

П р и м ѣ ч а н і е. Это правило не относится къ протоколамъ Общихъ Собраній, которые по напечатаніи поступаютъ на храненіе въ архивъ Общества.

§ 9. Периодическое изданіе Общества выходитъ подъ названіемъ «Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» шесть разъ въ году, книжками отъ 7 до 8 печатныхъ листовъ in 8°, печатаясь на простой бумагѣ въ количествѣ 300 экземпляровъ, съ платою въ типографію по 13 р. 12 к. съ листа.

§ 10. Срокъ выхода отдѣльныхъ книжекъ «Извѣстій» зависитъ отъ обстоятельствъ; время появленія каждаго выпуска отмѣчается на его обложкѣ въ видахъ соблюденія § 8 настоящей инструкціи.

§ 11. Содержаніе книжекъ «Извѣстій» составляютъ:

- 1) Оригинальными и переводными статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азійи и Сибири), а также и по вопросамъ, имѣющимъ значеніе для обще-русской археологій, исторіи и этнографіи;
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ периодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ периодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи;
- 7) Протоколы Общихъ Собраній Общества и годичные отчеты его со списками членовъ и должностныхъ лицъ.

§ 12. Протоколи Общихъ Собраній Общества и отчетъ за предыдущій годъ со всѣми обычными приложениями составляютъ одну брошюру съ отдѣльной пагинаціей, входящую, какъ приложение, въ одинъ изъ выпусковъ «Извѣстій» и печатаемую также отдѣльно въ количествѣ 100 экземпляровъ для разсылки гг. членамъ-сотрудникамъ и продажи; въ типографію за всѣ 400 экземпляровъ платится по 13 р. 75 к. съ листа.

§ 13. Отдѣльные выпуски «Извѣстій» оцѣняются по 1 рублю; по подпискѣ вараиѣ на цѣлый годъ взимается 5 рублей; въ случаѣ выхода двухъ или трехъ выпусковъ вмѣстѣ цѣна книгѣ назначается пропорціонально ея объему; брошюра, заключающая въ себѣ годовой отчетъ и протоколъ, продается по 40 коп.

§ 14. Утвержденный Общимъ Собраніемъ годичный отчетъ по Обществу со всѣми обычными приложениями къ нему, а равно и подписанные присутствовавшими въ засѣданіи дѣйствительными членами протоколъ Общихъ Собраній Общества печатаются безъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ редакціонною комиссіею.

§ 15. Составленіе оглавленій и текста обложекъ «Извѣстій», равно какъ и наблюденіе за ихъ внѣшностью, возлагается всецѣло на главнаго редактора, ему же предоставляется право подъ своею личною отвѣтственностію помѣщать въ «Извѣстіяхъ» неразсмотрѣнныя редакціонною комиссіею статьи и замѣтки, объемомъ не превышающія двухъ печатныхъ страницъ, напр. извлеченія изъ періодическихъ изданій и т. п.

§ 16. Помѣщаемыя въ «Извѣстіяхъ» статьи не должны занимать болѣе 4 печатныхъ листовъ крупнаго или 2 мелкаго шрифта; дробленіе статей на два или болѣе выпусковъ не допускается.

Примѣчаніе 1. Ограниченіе объема не распространяется на статьи, для печатанія которыхъ представляются постороннія средства; въ этомъ случаѣ требуется только полная оплата расходовъ ранѣе начала печатанія.

Примѣчаніе 2. Тексты на мѣстныхъ ииородческихъ языкахъ съ русскимъ ихъ переводомъ не должны занимать болѣе одного печатнаго листа въ номерѣ журнала.

§ 17. Сотрудники «Извѣстій», помѣстившіе въ нихъ статью объемомъ менѣе половинъ печатнаго листа, получаютъ одинъ экземпляръ соответственнаго выпуска; авторы статей большаго объема получаютъ, кромѣ этого, 50 отдѣльныхъ оттисковъ своего сочиненія на бумагѣ «Извѣстій» (оттиски объемомъ болѣе 1 печатнаго листа снабжаются отдѣльной обложкой и заглавнымъ листомъ). Общество платитъ въ типографію за переверстку и печатаніе этихъ оттисковъ по 2 р. съ листа и 3 руб. за обложку. Оттиски печатаются исключительно по распоряженію редактора за сго подписью съ обозначеніемъ количества на послѣдней корректурѣ.

Примѣчаніе. Оттиски могутъ быть выданы и въ большемъ количествѣ, и на лучшей бумагѣ, если авторы статей предварительно оплатятъ излишекъ расхода.

§ 18. Изъ изготовляемыхъ для гг. сотрудниковъ отдѣльныхъ оттисковъ ихъ статей 1 экземпляръ поступаетъ въ бібліотеку Общества.

§ 19. Изъ препровожденныхъ въ бібліотеку Общества двухъ экземпляровъ «Ивѣстій» одинъ ни въ какомъ случаѣ изъ бібліотеки Общества не выдается.

§ 20. Для сужденія объ обмѣнѣ изданіями съ редакціями другихъ органовъ въ засѣданія редакціонной комиссіи приглашается бібліотекаръ Общества съ правомъ голоса по данному вопросу.

§ 21. Объявленія о чужихъ изданіяхъ въ «Ивѣстіяхъ» не помѣщаются.

§ 22. О рѣшеніяхъ редакціонной комиссіи доводится до свѣдѣнія заинтересованныхъ лицъ официальными, за подписью главнаго редактора, бумагами, заносящими въ общій исходящій журналъ Общества съ помѣтою «отъ редакціи Ивѣстій»; точно также записываются во входящій журналъ Общества всѣ бумаги, пакеты и посылки, поступающіе на имя редакціи.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 39.

Въ отдѣлѣ «Разныя Извѣстія» сообщается, что въ Казанскую инородческую учительскую семинарію поступили по экзамену два ученика-стипендіата Тургайской Области, киргизы: Буртинской волости Бисенгалій Джарыгасимовъ и Таунской волости Сатбаевъ. Судя потому, что учебное заведеніе это было много лѣтъ руководимо извѣстными оріенталистами и дѣятелемъ по инородческому образованію Н. Н. Ильминскимъ и отъ него наследовало лучшія традиціи, можно надѣяться, говоритъ газета, что вновь поступившіе ученики семинаріи, кстаті сказать—первые изъ киргизовъ, сами пожелавшіе поступить именно въ эту семинарію, будутъ современемъ полезными людьми для своего народа въ качествѣ проводниковъ истиннаго знанія.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 40.—Успѣхи просвѣщенія въ степи.

Сообщается, что въ городѣ Кустанаѣ Тургайской Области, по почину военнаго губернатора, положено основаніе капиталу на учрежденіе русско-киргизской женской гимназіи. На первый разъ собрано на это доброе дѣло 1478 рублей. Жертвователи были почти все мѣстные киргизы, приносившіе—кто 100 руб. кто 1 руб.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 41.—О сдачѣ киргизскихъ земель въ аренду.—Добрый ханъ. Киргизское преданіе.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 42.—Объ изыятіи дѣлъ по нѣкоторымъ преступленіямъ изъ вѣдѣнія народнаго суда.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 43.—Баянъ-Аульская покровская ярмарка въ 1894 году.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 43.

Въ отдѣлѣ «Разныя Извѣстія» сообщается, что 23 сентября Высочайше разрѣшено, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, перенести изъ Оренбургской гимназіи во вновь открытое реальное училище 6 стипендій изъ числа 12, назначенныхъ для дѣтей киргизовъ Тургайской области, такъ-какъ для инородцевъ, не знающихъ русскаго языка, изученіе древнихъ языковъ очень обременительно, а для многихъ совершенно невозможно, и 25-лѣтній опытъ показалъ, что изъ киргизскихъ стипендіатовъ оканчиваютъ курсъ весьма немногіе, болѣе способные, остальные же не идутъ далѣе 4-го класса; реальное же училище даетъ возможность киргизамъ получать законченное общее образованіе, приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ приобрѣтенію техническихъ познаній.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 44.—Невѣрныя цифры о киргизскомъ скотоводствѣ.

Съ древнихъ временъ укоренилась привычка у кочеваго населенія скрывать дѣйствительное количество скота. Показаніе невѣрныхъ цифръ,

оправдываемое еще въ прежнее время, когда подать съ киргизовъ взималась по количеству наличнаго скота, сохраняется и въ настоящее время, хотя, казалось бы, оснований для этого теперь уже нѣтъ никакихъ. Со времени введенія кибиточной подати, весь центръ тяжести перешелъ на число кибитокъ; количество же скота относительно исчисления подати для правительства перестало имѣть значеніе. Требуя по количеству кибитокъ строго опредѣленную сумму, администрація не вмѣшивается во внутреннюю раскладку, предоставляя это дѣло самимъ киргизамъ, по ихъ личнымъ соображеніямъ.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 46.—Грубая благодарность. Киргизская басня.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 47.—О суетвѣртіяхъ киргизовъ: легенды о происхожденіи земли, о явленіяхъ природы и объ эпизоотіяхъ въ связи съ послѣдними.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 48.—Киргизская сказка.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 49.—Нѣсколько словъ о довѣрчивости киргизовъ.

На ряду съ истинными проповѣдниками ислама, говоритъ авторъ, со времени распространенія хагометанства въ степи являлись самозванцы, обманывавшіе суетвѣртіяхъ киргизовъ. Въ тѣ же дальнія времена многіе изъ татаръ развѣзжали по степи въ качествѣ священныя особъ и свѣтелей религиозныхъ понятій и нравственныхъ убѣжденій и составляли себѣ большія состоянія. Богатства многихъ видныхъ теперь коммерческихъ дѣльцовъ имѣютъ въ основѣ подобное неприглядное прошлое. Далѣе авторъ рассказываетъ о тѣхъ проходивцахъ—татарахъ, память о которыхъ еще хорошо сохранилась въ степи.

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 50.—Киргизы какъ рабочіе на пріискахъ.—Три сына (нравоучительный рассказъ).

«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 51.—Лирическія пѣсни киргизовъ.—Депутація къ Бѣлому Царю.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 1.—О сѣменныхъ складахъ для киргизовъ.

Въ виду значительнаго развитія въ теченіе послѣднихъ лѣтъ среди кочеваго населенія земледѣлія, рекомендуется учредить при сельско-хозяйственныхъ школахъ сѣменные склады, изъ которыхъ киргизы могли бы пользоваться хорошаго качества посѣвными сѣменами.

«Киргизская Степная Газета», 1893 г., № 2.—Киргизская лошадь въ Вятской губерніи.

Представителями Вятскаго земства было приобретено въ Акмолинской области 529 лошадей (220 въ Атбасарскомъ уѣздѣ и 309 въ Акмолинскомъ) для продажи ихъ крестьянамъ Вятской губерніи. Задаваясь цѣлью приобрести дешовыхъ, но пригодныхъ для сельско-хозяйственныхъ работъ лошадей, представители земства послѣ долгихъ колебаній, гдѣ покупать, предпочли Акмолинскую область. Атбасарская лошадь покупалась цѣною въ 27 руб. 85 коп., Акмолинская—въ 25 руб. 83 коп., а въ среднемъ каждая лошадь обошлась въ 26 руб. 67 коп. Накладныхъ расходовъ пришлось на лошадь 7 руб. 89 коп. Такимъ образомъ, вятскому земству по приходѣ на мѣсто каждая лошадь стоила 34 руб. 56 коп. Сформированный табузъ былъ отправленъ степью черезъ Троицкъ на Елабугу, откуда лошади распредѣлялись по уѣздамъ. Въ очень скоромъ времени всѣ лошади были распроданы за наличный деньги и съ разсрочкой платежа крестьянамъ по цѣнѣ, въ среднемъ, 36 руб. 94 коп. за лошадь, такъ-что земство получило даже прибыль отъ этой операціи 1777 руб. 57 коп. Киргизскія лошади легко привыкають къ упряжи и къ работамъ, а также къ корму изъ сѣна и соломы.

Въ этомъ же номерѣ помѣщена сказка—«Отчего зло на свѣтѣ».

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 4.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о рыбномъ промыслѣ на озерѣ Норъ-Зайсанѣ.

Озеро это, названное однимъ извѣстными путешественниками—Бремочъ золотымъ дномъ, издавна славится неисчислимыми запасами рыбнаго богатства; здѣсь водятся разнообразныя породы рыбъ,—какъ то: осетръ, стерлядь, нельма, окунь, щука, язъ, линь, карась и проч. Рыболовство на этомъ озерѣ до сихъ поръ составляетъ монополию Сибирскаго казачьяго войска. Съ рыбопромышленниковъ въ пользу войска за право ловли рыбы въ Норъ-Зайсанѣ взмскивается въ два сезона—лѣтній и осенній—по 20 руб. съ cadaго, производящаго ловъ сѣтями, и 2 р. съ занимающагося ловлей удми,—сборъ этотъ поступаетъ въ доходъ войска. Для ловли рыбы на Норъ-Зайсанѣ прѣзжаютъ крестьяне изъ Бійскаго округа, Зѣиногорска, села Прапорщикова, казаки станицъ Батинской, Кокшкетинской и киргизы Зайсанскаго уѣзда; для скуна же рыбы ѣдутъ занимающіеся торговлей—изъ Барнаула, Бійска, Копала, Сергіополя, Сузуна, Зѣиногорска и Усть-Каменогорска. Главный ловъ рыбы производится около мысовъ этого озера—Тополеваго, Песчанова, Бакланяго, Бархота и проч. Скупщики въ осень 1894 годѣ на Норъ-Зайсанѣ покупали рыбу, сравнительно съ 1893 годомъ по болѣе высокой цѣнѣ, что нужно отнести къ ограниченному улову ея,—платили на мѣстѣ за пудъ щуки—90 коп., язъ и линя—1 р. 20 к., карася—70 коп., за нельму—2 р., красной рыбы въ продажѣ не было,—ловъ ея воспрещенъ, попавшая же въ сѣти отпускалась обратно въ озеро.—За обнаруженіе продажи этой рыбы рыбопромышленникъ подвергается довольно чувствительному денежному штрафу. Правило это въ отношеніи красной рыбы на Норъ-Зай-

санѣ установлено нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ предупрежденіе исчезновенія этой породы рыбы.

Въ этомъ же номерѣ помѣщенъ «Лирическія пѣсни киргизовъ».

«Киргизская Стенная Газета», 1894 г., № 5.—Акмолнинскъ, какъ торговый пунктъ.

Общее значеніе Акмолнинска, какъ торговаго центра въ степи, опредѣляется количествомъ прогоняемаго черезъ него скота и провозимыхъ продуктовъ. въ теченіе 1894 года пригнано въ Акмолнинскъ 142.204 барановъ, 12.692 головы рогатаго скота и 9.370 лошадей. Весь этотъ скотъ, за малымъ исключеніемъ, былъ проданъ и направленъ частью въ Оренбургскую губернію—на Оренбургъ, Міазь, Троицкъ и ст. Звѣриноголовскую, частью въ Тобольскую и Пермскую губерніи и меньшую частью на Тайнчакульскую ярмарку. 65 рогатаго скота и барановъ принадлежали собственно населенію Акмолнинскаго уѣзда, остальные же киргизамъ Семипалатинской и Семирѣченской областей. Изъ числа 9370 лошадей: 2767 были отправлены въ Самарскую губернію и 4.314 въ Оренбургъ для продажи; остальные— въ Саратовъ, Троицкъ и Пермскую губернію. Сырыхъ животныхъ продуктовъ вывезено изъ Акмолнинска въ теченіе года: 44.036 кожъ отъ крупнаго рогатаго скота, 58.154 конскихъ кожъ, 3.759 верблюжьихъ, 573.342 овчинъ и болонъ, 49.761 пудовъ овецъ шерсти, 1.178 пудовъ козъ шерсти, 4.570 пудовъ конскаго волоса и друг. Все сырье за малымъ исключеніемъ было направлено въ г. Петропавловскъ, какъ складный пунктъ первой степени.

«Киргизская Стенная Газета», 1895 г., № 6.—Торговля верблюдами и продуктами, полученными отъ нихъ, у Тургайскихъ и Оренбургскихъ киргизовъ.

«Киргизская Стенная Газета», 1895 г., № 8.—Какъ должны производиться выборы.

«Киргизская Стенная Газета», 1895 г., № 10.—Гололедница и волки.

Черлаковскую и Покровскую волости, Омскаго уѣзда, Кокчетавскій уѣздъ и частью Петропавловскій постигло несчастіе. Послѣ сильныхъ оттепелей наступили морозы, снѣгъ въ степи обледѣлъ и киргизскіе табунныя лошадей начали падать отъ голода; запасовъ же сѣна у киргизъ было мало. Появилась масса волковъ.

«Киргизская Стенная Газета», 1895 г., № 13.—Запрещеніе паловъ.

«Киргизская Стенная Газета», 1895 г., № 14.—Городскіе джатаки. Корреспонденція изъ Акмолнинска.

Вѣчно нуждаясь въ средствахъ, городскіе джатаки, чтобы удовлетворить своимъ жизненнымъ потребностямъ, прибѣгаютъ къ разнымъ мано-

твильнимъ способамъ добыванія себѣ денегъ. На заработанные кое-какъ гроши они «алмпсатаричаютъ» и ловко обираютъ или обманываютъ своихъ стенихъ собратьевъ, которые слишкомъ доврливо относятся къ нимъ въ надеждѣ, что тѣ имъ свои люди—не обманутъ и не обидятъ. На добитыя такимъ путемъ, т. е. неправдою, деньги джатаки ньянствуютъ, покупаютъ табакъ и играютъ въ азартныя игры.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 16.—Корреспонденція изъ Баян-Аула.

О кражѣ лошадей и срѣзваніи конскихъ хвостовъ.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., №№ 17 и 18.—Къ вопросу о киргизскомъ землепользованіи.

Земли киргизовъ составляютъ государственную собственность и отданы имъ въ пользованіе, съ сохраненіемъ установленныхъ обычаевъ распоряженія земельными угодьями. Ранѣе всѣ земельныя участки находились въ распоряженіи родовъ; всѣ вопросы, возникавшіе при владѣніи этими участками, разрѣшались представителями родовъ, теперь же, съ введеніемъ «Степного положенія» и съ организаціей волостныхъ управленій, земельныя угодья перешли въ распоряженіе волостныхъ и аульскихъ обществъ, и рѣшеніе поземельныхъ вопросовъ возложено на обязанность волостныхъ и аульскихъ управленій.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., №№ 19 и 20.—Охота у киргизовъ.

Если охотнику удастся убить кого-нибудь, то согласно «ресмиамъ», т. е. обычаямъ, изъ възливости онъ предлагаетъ добычу самому старшему изъ своихъ товарищей. Убитый крупный травоядный звѣрь дѣлится такъ: самъ охотникъ получаетъ шкуру, грудь животнаго и правое бедро, а остальное достается товарищамъ охотника; старшіе изъ послѣднихъ получаютъ болѣе крупныя доли, чѣмъ младшіе по лѣтамъ. Такой процессъ дѣленія называется «муш-алмакъ». Въ давнія времена, какъ рассказываютъ старики, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ иногда встрѣчались бобры, которыхъ теперь нѣтъ. Хребетъ убитаго бобра получалъ самъ охотникъ, а брюшину его товарищи. Требованіямъ этихъ обычаевъ не подчиняется охотникъ-новичекъ, который только первый разъ выѣхалъ на охоту, или тѣ охотники которые выѣзжаютъ на охоту съ только что купленнымъ ружьемъ, прирученною птицей, выдрессированной собакой, не бывшей еще на охотѣ. Какъ первые, такъ вторые берутъ къ себѣ убитую дичь для «рима». «Римъ» установленный обычаями предразсудокъ; онъ состоитъ въ томъ, что, если охотникъ не возьметъ себѣ первой дичи, то ружье будетъ худо бить. Въ этомъ случаѣ охотникъ правой рукой беретъ убитую дичь, ее кровью окропляетъ прикладъ ружья или даетъ ее прирученной птицѣ. При возвращеніи домой охотникъ, входя въ юрту, бросаетъ дичь въ лѣвую «босагу» (часть рѣшетки юрты около праваго косяка), потомъ вѣшаетъ ее къ рѣшеткѣ юрты.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 20.— По поводу ранних браковъ у киргизовъ.

Выдача въ замужество несовершеннолѣтнихъ дѣвицъ среди населенія, исповѣдывающаго исламъ, составляетъ довольно обыкновенное явленіе. Большинство толкователей Корана опредѣляютъ совершеннолѣтіе мусульманскихъ женщинъ временемъ появления мѣсячныхъ очищеній. Этимъ признакомъ руководствуются при выдачѣ дѣвушекъ въ замужество, не смотря на то, что приходится часто выдавать на десятилѣтнемъ возрастѣ, такъ какъ и въ этомъ возрастѣ случаются появленія мѣсячныхъ очищеній, особенно у жителей южныхъ, теплыхъ странъ.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 21.—Нѣсколько словъ о свидѣтельскихъ показаніяхъ.

Между многими достоинствами киргизовъ есть одинъ важный недостатокъ. Киргизы ради дружбы, злобы и въ угоду богатому человѣку очень часто говорятъ неправду даже предъ судомъ. Часто они даютъ самыя обвиняемыя показанія, искажая факты, нисколько не заботясь о томъ, что показаніе дано подъ присягой и что иногда отъ одного необдуманнаго слова зависить участь человѣка.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 22.—Объ улучшеніи породъ степныхъ лошадей.

«Киргизская Степная газета», 1895 г. № 30.—Обороты Аулиеатинской Ярмарки. Одной изъ самыхъ важныхъ въ Туркестанскомъ краѣ слѣдуетъ признать аулиеатинскую ярмарку. Обороты ея съ каждымъ годомъ возрастаютъ. Въ 1894 году, напр., торговцы городовъ Симбирска, Пикняго-Новгорода и Тамбова скупили на ярмаркѣ 61000 пуд. бараньей шерсти, свыше 1500 пудовъ козьего пуха, до 5000 пуд. верблюжьей шерсти и 1000 пуд. волосяного аркана. Доказательствомъ успѣха аулиеатинской ярмарки служатъ не одиѣ только цифры ея оборотовъ, но и разнообразіе районовъ, принимающихъ въ ней участіе. Кромѣ населенія Сиръ Дарьинской области, на ярмаркѣ торгуютъ жители сосѣдней Семирѣченской области, причемъ, во время ярмарки минувшаго года особенное участіе проявляли уѣзды: Копальскій, Вѣрненскій, Токмакскій и Джаркентскій. Общій оборотъ торговли продуктами скотоводства въ эту ярмарку достигъ 311809 руб., а торговля скотомъ 684600. Крупнѣйшимъ скупщикомъ являлся Фергана, скупившая однихъ барановъ свыше 55000 головъ.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г. № 31.—Путешественники французы въ киргизской степи.

Эти путешественники—морской офицеръ запаса Виконтъ де-Кювервилъ, командированный въ Россію Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Французской республики съ этнографической цѣлью, а также для изученія современнаго научнаго и промышленнаго состоянія Россіи, и баронъ де-Бай, занимающійся изученіемъ археологій.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г. № 36.—Врачебная помощь.

Авторъ говоритъ между прочимъ о «табибахъ», «баксахъ» и «дуанлахъ». На долю этихъ лицъ падаетъ лѣченіе киргизовъ. Табибы—татарскіе выходцы, страшно эксплуатирующіе население и употребляющіе въ своихъ дѣйствіяхъ такія сильныя средства, какъ сулема и киноваръ; они пользуются невѣжествомъ киргизовъ и собираютъ обильную дань за свое очень часто вредное лѣченіе. Баксы и дуаны, хотя сохранились только въ киргизскихъ залолустыяхъ, но тѣмъ не менѣе продолжаютъ злоупредствовать. Тамъ, гдѣ киргизы стали культурнѣе, надъ баксами уже смѣются.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г. № 37.—Къ вопросу о киргизскомъ народномъ образованіи.

Авторъ говоритъ о трудности для степного киргиза дать школьное образованіе своему сыну. Отправлять своихъ дѣтей въ общія школы не по средствамъ громадному большинству киргизовъ,—да и состоятельному челоуѣтку сдать въ школу ребенка не всегда и удается,—и вотъ киргизъ, желающій поучить своего сына порусски, везетъ его въ станицу, къ казаку. Понятное дѣло, что казакъ самъ малограмотный не можетъ ничему научить мальчика. Вести мальчика въ городъ, заплатить за квартиру, за ученіе, за книги—все это стоитъ не одну сотню рублей, а у самаго богатаго киргиза, хотя и много бываетъ скота, но обыкновенно недостаточно наличныхъ денегъ.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г. № 39.—Корреспонденція изъ Кизиль-Тала, Устькаменогорскаго уѣзда.

Въ корреспонденціи говорится о спокойной жизни киргизовъ хлѣбонашцевъ и о воровской жизни степныхъ киргизовъ.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г. № 42.—По вопросу объ образованіи киргизовъ.

По числу жителей одно учебное заведеніе приходится въ Тургайской области на 6422, въ Акмолинской 25.575, въ Семирѣченской на 15.762

«Киргизская Степная Газета», 1895 г. № 45.—Какія школы полезнѣе въ степномъ краѣ?

Школы для киргизовъ должны носить свой особый характеръ: устройство ихъ должно соответствовать тому образу жизни, который ведутъ киргизы, т. е. они должны быть кочующими, какъ и само населеніе; такъ что, если аулъ откочевываетъ на другое мѣсто, то выѣзть съ нимъ туда же слѣдуетъ школа и учитель. Такія школы въ настоящее время могутъ вполнѣ удовлетворить потребностямъ населенія, потому что тогда будутъ устранены препятствія къ правильному посѣщенію школъ учениками, а это самое важное; кромѣ того и учениковъ изъ киргизовъ будетъ гораздо больше, чѣмъ теперь, даже взрослые и тѣ, не нанося существеннаго ущер-

ба своему хозяйству, будутъ въ состояніи посѣщать школу. Эти странствующие школы по объему программы, по содержанію ея и по продолжительности курса должны быть трехъ родовъ: одніе съ сельскохозяйственной окраской и съ учителями специалистами. Программа обученія въ нихъ должна приблизительно равняться программѣ обыкновенной начальной школы или даже меньше, съ добавленіемъ нѣсколькихъ специальныхъ сельскохозяйственныхъ предметовъ (земледѣліе, скотоводство и еще хотя одинъ изъ такихъ предметовъ, который бы имѣлъ мѣстное значеніе). Курсъ обученія въ нихъ — три года, при чемъ каникулъ быть не должно, потому что ученики всегда могутъ бывать у своихъ родныхъ, и если допустить ихъ, то самые непродолжительные (1 мѣсяць). Другія школы должны быть только видоизмѣненіемъ обыкновенныхъ начальныхъ школъ; предметы обученія въ нихъ тѣ же, что и въ начальной школѣ, продолжительность курса тоже 3 года, но только каникулы должны быть значительно меньше, такъ какъ ученики опять таки не будутъ имѣть въ нихъ большей надобности. Въ третьихъ же школахъ будутъ учить только читать, писать и считать, на что вполне достаточно двухъ лѣтъ, даже если допустить непродолжительные каникулы; это-тѣ же школы грамотности, но только странствующія.

«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 48.—Вѣсти изъ Баянъ-Аула.

Объ урожаѣ хлѣбовъ и травъ въ окрестностяхъ Баянъ-Аула.

«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 3.—Изъ залы суда.

Уголовное дѣло по обвиненію киргиза Котургульской волости, Кокчетавскаго уѣзда, Абдуллы Чокеменова въ убійствѣ киргиза той-же волости—Мысикова.

«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 7.—О бѣснѣхъ рѣшеніяхъ.

Какъ люди темные, бѣн, при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ, часто выходятъ изъ предѣловъ предоставленной имъ закономъ власти. При разборѣ дѣла, они не обращаютъ вниманія на то, подсудны-ли имъ разсматриваемыя дѣла, или нѣтъ, или же за проступки и преступленія назначаютъ такіа наказанія или взысканія, которыя не допускаются закономъ. Обвиняемые или отвѣтчики, часто бѣдныя, слабыя люди, ни за что терять такое возмездіе, которое далеко превышаетъ нормы наказаній, опредѣленныхъ закономъ за извѣстныя дѣянія, а выигравшіе дѣло—сильные и богатые киргизы требуютъ исполненія рѣшеній бѣевъ во всѣхъ частяхъ.

«Киргизская Степная Газета», 1896 г., №№ 11, 12 и 14.—Обрядъ торжества при объявленіи по Всевысочайшей Ея Императорскаго Величества конфирмаціи киргизскому средней орды Калію Султану Ханскаго достоинства и при учиненіи на то присяги въ 1 день ноября быть имѣющаго.

«Киргизская Стенная Газета», 1896 г., № 15. — Открытіе Кокчетавскаго окружнаго приказа въ 1824 году.

«Киргизская Стенная Газета», 1896 г., № 21. — Изъ Копальскаго уѣзда. Корреспонденція объ охотѣ.

Многіе киргизы занимаются охотою, какъ промысломъ. Охота производится на волковъ, лисницъ, дикихъ козъ разныхъ породъ, мараловъ и медвѣдей. Охота на послѣднихъ не всегда бываетъ удачна и представляетъ большія опасности.

«Киргизская Стенная Газета», 1896 г., №№ 23 и 27. — Г. А. Колпаковский † 23 апрѣля 1896 года.

Биографическія свѣдѣнія о Г. А. Колпаковскомъ, бывшемъ степномъ генералъ-губернаторѣ.

«Киргизская Стенная Газета», 1896 г., № 29. — Аульская школа на выставкѣ.

Обученіе населенія Тургайскаго округа быстрыми шагами идетъ впередъ. Киргизскія общества охотно обезпечиваютъ и постройку, и содержаніе школъ, а частіи лица дѣлаютъ на нихъ крупныя пожертвованія. Теперь въ рѣдкомъ аулѣ Тургайскаго округа нѣтъ кочевой школы.

Учителя всѣ почти русскіе и часто семейные живутъ одною жизнью съ киргизами. Многіе не выдерживаютъ и скоро отказываются, хотя матеріальное положеніе ихъ въ степи сравнительно съ положеніемъ русскихъ учителей лучше: они получаютъ 240 руб. въ годъ.

«Киргизская Стенная Газета», 1896 г., № 32. — † А. Я. Фриде. Некрологъ.

9-го іюля 1896 года скончался въ Ярославлѣ, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, ярославскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ Алексѣй Яковлевичъ Фриде, бывшій военный губернаторъ Семирѣченской области (1882 г. — 1887 г.). Приведемъ краткій очеркъ службы Алексѣя Яковлевича до назначенія его ярославскимъ губернаторомъ, газета говоритъ, что особенно симпатичною является дѣятельность А. Я. Фриде въ битность его начальникомъ Семирѣченской области во время ужаснаго землетрясенія въ г. Вѣрномъ 28 мая 1887 г., унесшаго массу жертвъ и причинившаго мѣстности столько несчастій. Землетрясеніе это превышало силою и разрушительнымъ дѣйствіемъ всѣ подобныя явленія, бывшія доселѣ не только въ области, но и во всей Россіи, и обнимало собою огромное пространство отъ Сыръ-Дарьи до Сергіополя. Населеніе растерялось и упало духомъ. Нужно было немедленно озаботиться принятіемъ надлежащихъ мѣръ къ успокоенію его, къ обезпеченію продовольствія, къ охраненію брошеннаго въ развалинахъ города ииущества. И вотъ, не смотря на то, что А. Я. самъ страшно пострадалъ отъ землетрясенія, былъ разбитъ и раненъ въ голову, онъ ни на минуту не забывалъ взвѣреннаго ему населенія. Все возможное и необ-

ходимое было своевременно сдѣлано, и население, въ первый же день катастрофы обезпеченное продовольствіемъ и кровомъ въ юртахъ, благодаря работамъ и распоряженіямъ Алексѣя Яковлевича,—успокоилось и занялось устройствомъ своихъ жилищъ и приведеніемъ въ порядокъ своего имущества.

«Киргизская Стенная Газета», 1896 г., № 33.—Киргизскія былинны.

Высказывается общій взглядъ на былинны, которыя у киргизовъ не представляютъ изъ себя цѣльнаго цикла пѣсенъ, но состоятъ изъ отдѣльных, самостоятельныхъ пѣсенъ про могучихъ хановъ, богатырей, про ихъ дѣла и подвиги. Лучшимъ другомъ богатыря во всѣхъ былиннахъ является конь, который, подобно самому богатырю, обладаетъ преувеличенными способностями бѣга, зрѣнія, силы и т. д.

«Киргизская Стенная Газета», 1896 г., № 35.—Конокрадники киргизы въ тюрьмѣ. Корреспонденція изъ г. Тывкалииска.

«Киргизская Стенная Газета», 1896 г., № 46.—Каркаралинская ярмарка.

Въ 1892 г. на Каркаралинской ярмаркѣ было продано разнаго рода товаровъ на 243,376 руб., въ 1893 г.—453,433 руб., въ 1895 г. цифра сбыта превышала уже 500,000 р. Кромя скота, кожъ, шерсти и конскаго волоса кочевники—киргизы привозятъ на ярмарку тысячи кошмъ, соль, разныя атрибуты юртовскаго убранства и предметы стеного обихода, остовы юртъ, продукты охоты—шкурки дикихъ козловъ, лисницъ, хорьковъ, барсучья, волчья и медвѣжья.

Въ этомъ же номерѣ помѣщена статья подъ заглавіемъ—«Къ открытію школы въ степи». Въ статьѣ сообщается, что киргизы Атбасарскаго уѣзда, Акмолинской области, постановили открыть въ память священнаго короноваія Государя Императора Николая Александровича съ Государыней Императрицей Александрой Феодоровной русско-киргизскую школу съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 5000 рублей (по 400 рублей съ волости и по 36¹/₂ коп. съ кибитки).

«Киргизская Стенная Газета», 1896 г., № 51.—Корреспонденція изъ Баянъ-Аула.

О конокрадахъ.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 1.—Корреспонденція изъ Устькаменогорскаго уѣзда.

Говорится объ уменьшеніи конокрадства.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 4.—Высочайшая благодарность.

Государь Императоръ на всенподданнѣйшемъ докладѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ о выраженіи вѣрноподданнческихъ чувствъ и поздрав-

л-ний, по случаю Священнаго Коронованія Имъ Императорскихъ Величествъ, киргизами Байтюгеевской и Токъ-Арустановской волостей, Джаркентскаго уѣзда, Семирѣченской области, ознаменовавшими это событіе постановленіемъ объ устройствѣ для киргизскихъ дѣтей школы русской грамотности, изволилъ собственноручно начертать: «Прочелъ съ удовольствіемъ. Искренне благодарю». Киргизы названныхъ волостей постановили отпущать изъ общественныхъ суммъ на школы: Байтюгеевцы—ежегодно 250 руб. и Токъ-Арустановцы 200 руб. 20 коп.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 7.—Сылка киргизовъ конокрадовъ. Корреспонденція изъ г. Тюкалинска.

Русская пословица гласитъ—«Всякому дѣлу бываетъ конецъ»,—такъ поступило начальство съ конокрадами киргизами въ Тюкалѣ. Въ Тюкалинскомъ округѣ въ недавнее время конокрадство составляло для гражданъ и крестьянъ большое зло. Подъ руководствомъ одного ссыльнаго-поселенца черкеса въ Тюкалинскомъ округѣ дѣйствовала цѣлая шайка конокрадовъ, среди которыхъ были и киргизы. Кавказецъ-черкесъ былъ пойманъ полиціею, а съ нимъ и киргизы его товарищи. Всѣ они послѣ продолжительнаго заключенія въ острогѣ были сосланы въ Восточную Сибирь.

Въ отдѣлѣ «Разныя Извѣстія» между прочимъ сообщается, что въ Кустанай съ 1895 г. устроена женская прогимназія для дѣтей горожанъ и киргизовъ. Послѣ открытія этого учебнаго заведенія, предполагалось реорганизовать его въ Маринское училище, но въ настоящее время вопросъ этотъ разрѣшенъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ смыслѣ сохраненія существующаго типа, въ предположеніи о переносѣ въ Кустанай областныхъ учрежденій и могущей быть необходимости переобразования прогимназій въ гимназію.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 10.—Пушной промыселъ въ киргизскихъ степяхъ.

Пушной промыселъ въ Тургайской и Акмолинской областяхъ для мѣстныхъ кочевниковъ является одной изъ довольно важныхъ статей дохода. Въ послѣднее время охота за этими хищниками приняла особенно значительные размѣры. По статистическимъ свѣдѣніямъ въ періодъ 1890—1896 годовъ изъ Тургайской области вывезено 9625 волчьихъ шкуръ, продано на мѣстныхъ рынкахъ 4144 шт., общее же количество достигаетъ довольно солидной цифры 13.769 шкуръ, что, при средней цѣнѣ въ 2 р. 80 к. за штуку, въ этотъ семилѣтній періодъ дало кочевникамъ 34.422 р. 50 к., не считая премій. Въ Акмолинской области за то же время добыто 16.442 шкуры. Въ 1895 и 96 годахъ въ Тургайской области добыча волчьихъ шкуръ поднялась съ 600 до 3700, а въ Акмолинской съ 900 до 5000. Лисьихъ шкуръ въ 1896 г. въ Тургайской области добыто 14119 и въ Акмолинской 20794, что, при средней стоимости въ 3 руб. за шкуру, дало кочевникамъ 104769 руб. дохода. Относительно добычи этихъ шкуръ замѣчается, что въ послѣднее время охота за лисницей приняла въ киргизскихъ степяхъ хищнической

характеръ. почему администраціей должны быть заданы правила, ограничивающія истребленіе звѣря, безвреднаго для хозяйства кочевниковъ. Кромѣ молока и ясици, въ сказанныхъ областяхъ добывается около 35000 штукъ хорька, цѣною, смотря по качеству, отъ 30 до 50 руб. за сотню и большее количество корсака, горноста, барсука, сайгака и зайца. Въ общей сложности, охота за пушнымъ звѣремъ доставляетъ киргизамъ, кочующимъ въ двухъ степныхъ областяхъ, свыше 300000 руб. ежегоднаго дохода.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 11.—Корреспонденція изъ Усть-Каменогорскаго уѣзда.

Авторъ говоритъ между прочимъ слѣдующее. Бѣдные киргизы могли съ большою выгодною заниматься хлѣбопашествомъ въ подспорье или даже взамѣнъ падающаго скотоводства. Не слѣдуетъ смущаться возможностью неурожая, такъ-какъ сборы одного урожайнаго года могутъ съ избыткомъ покрыть недоборы нѣсколькихъ лѣтъ неурожая; притомъ всѣмъ извѣстно, что неурожайные годы приходятъ гораздо рѣже, чѣмъ годы съ хорошимъ урожаемъ. Не слѣдуетъ также киргизамъ воздерживаться отъ перехода къ земледѣльческому хозяйству, вслѣдствіе опасенія неумѣло взяться за дѣло: опытъ научить, а трудъ, приложенный къ полезному дѣлу, вознаграждать земледѣльца сторицей. Съ переходомъ киргизовъ къ осѣдлому образу жизни, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе можетъ обезпечить жизнь населенія, этотъ способъ хозяйства можетъ совершенно укрѣпиться.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 16.—Русско-киргизская школа.

О Досовской аульной школѣ въ Тургайской области.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 17.—Стремленіе къ образованію.

Отмѣчается стремленіе киргизовъ Тургайской области къ полученію русскаго образованія, выражающееся не только въ многочисленныхъ ходатайствахъ объ открытіи новыхъ аульныхъ школъ и о зачисленіи дѣтей въ разныя учебныя заведенія, но и въ крупныхъ денежныхъ пожертвованіяхъ на увеличеніе образовательныхъ средствъ. За послѣдніе три года пожертвованы слѣдующіе капиталы: 1) въ концѣ 1893 г. киргизомъ Чубарской волости, Кустанайскаго уѣзда, Хакимжаномъ Минайдаровымъ 1000 руб. на постройку зданія Чубарской волостной школы,—2) въ началѣ 1894 г. киргизами Актюбинскаго уѣзда внесено 8000 руб. на учрежденіе при С.—Петербургскомъ университетѣ стипендіи имени Военнаго губернатора области генералъ-лейтенанта Якова Осдоровича Барабашъ,—3) въ 1895 г. киргизами того же Актюбинскаго уѣзда, въ память брансочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, внесенъ капиталъ въ суммѣ 16000 руб. на учрежденіе 2-хъ стипендій при Московскомъ сельскохозяйственномъ институтѣ.—4) въ 1896 году киргизъ № 1 аула Чубарской волости, Кустанайскаго уѣзда, Исмаиль Ямамчаловъ пожертвовалъ въ память рожденія Великой Княжны Ольги Ни-

коллегии 1790 р: на построение и содержание в течение 7 летъ аульской школы, которая уже и открыта,—5) въ 1896 году, въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, киргизами Пргизскаго уѣзда собрано 20000 руб. на открытіе въ г. Пргизѣ сельско-хозяйственной киргизской школы и 6) въ первыхъ числахъ апрѣля 1897 г. представители отъ киргизовъ явились въ Оренбургъ и заявили воинному губернатору области о желаніи населенія учредить при Оренбургскомъ реальномъ училищѣ стипендію съ присвоеніемъ ей имени Н. Н. Крафтъ. Видимо, киргизы Тургайской области хорошо понимаютъ пользу просвѣщенія и не жалѣютъ средствъ на учрежденіе школъ. Въ этомъ отношеніи они далеко превосходятъ своихъ сородичей въ другихъ областяхъ степного края.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 18.—Итоги всеобщей переписи населенія

По губерніямъ и областямъ Сибири и Стенного края населеніе это распределяется слѣдующимъ образомъ: въ Акмолинской области 683 720 д. обоего пола, въ Семипалатинской 688.639 и въ Семирѣченской 990.243.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г. № 20.—Неблаго-
видные приемы партійной борьбы. Корреспонденція изъ Павлодарскаго уѣзда.

Желая баллотироваться на должность волостного управителя, аткминяры прежде всего подсчитываютъ голоса выборныхъ, состоящихъ въ родствѣ съ ними, т. е. лицъ, снабженныхъ полномочіемъ выборныхъ и принадлежащихъ къ одному роду съ кандидатомъ. Если такихъ родственниковъ окажется большинство среди всего наличнаго числа выборныхъ, то побѣда претендента на выборахъ обезпечена, такъ какъ «родственникъ» всегда подаетъ голосъ за своего родовича. Если же родственниковъ у претендента недостаточно среди выборныхъ, то послѣднему для составленія большинства приходится покупать голоса у тѣхъ выборныхъ, которые, располагая ничтожнымъ числомъ голосовъ, не имѣютъ никакихъ шансовъ провести въ управители своего кандидата. Такіе выборные охотно продаютъ свои голоса тому изъ выступившихъ на баллотировку кандидатовъ, который въ нихъ нуждается и желаетъ купить. Голоса этихъ выборныхъ всегда такимъ образомъ на счету у баллотирующихся противниковъ, такъ какъ одинъ купилъ ихъ у однихъ выборныхъ, другой—у другихъ. Баллотировка обыкновенно только подтверждаетъ и даетъ извѣстное официальное выраженіе закулисной предварительному «подсчету» конкурирующихъ кандидатовъ, основанному на подкупѣ.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 27.—Истребленіе волковъ.

Волки, какъ извѣстно, наносятъ сильный ущербъ киргизскому скотоводческому хозяйству почти повсюду въ степи. За 1896 годъ въ Тургайской области волками было истреблено: въ Актюбинскомъ уѣздѣ 1305 лошадей, 567 головъ крупнаго рогатаго скота, 98 верблюдовъ, 4425 овецъ и 713 козъ; въ Пргизскомъ—2446 лошадей, 833 головы крупнаго рогатаго

скота, 790 верблюдовъ, 8591 овца и 1022 козы; въ Кустанайскомъ уѣздѣ— 3716 лошадей, 1379 головъ крупнаго рогатаго скота, 86 верблюдовъ, 5361 овца и 1364 козы — всего 8188 лошадей, 3380 головъ крупнаго рогатаго скота, 1296 верблюдовъ, 30998 овецъ и 4403 козы. Истребленіе волковъ въ Тургайской области идетъ, однако, довольно успѣшно, благодаря главнымъ образомъ выдачѣ денежныхъ наградъ за каждаго убитаго волка изъ областныхъ земскихъ сборовъ. За этотъ годъ въ области уничтожено волковъ: стрижеными илюлями 757 штукъ и другими способами 1338 штукъ; всего 2595 штукъ.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 28.—Киргизы-земледѣльцы Тургайской области.

Киргизы Тургайской области изъ-года въ-годъ все увеличиваютъ площадь посѣва хлѣбовъ. Они отлично научились наладивать сабаны, которыми машутъ, не сворачивая борозды. Не рѣдкость увидѣть, что киргизъ, управлявшій сабаномъ, пустивъ таковой изъ одного конца загона, идетъ до другого, заложивши руки за спину, развѣ только застрявшій соръ заставитъ его взяться за деревянную лопаточку и повтыкать его изъ-подъ сгрядли. Машутъ борозду довольно широко, ровно и-пласть широкій. Борознать они обыкновенной же бороной; посадятъ мальчугана верхомъ, онъ проѣдетъ раза два по одному мѣсту, а затѣмъ уже начинаетъ брать рядомъ по свѣжему мѣсту. Когда вырастетъ просо, то оно стоитъ обыкновенно рядами, только между пластовъ. Только благодаря плодородной землѣ киргизы намолочиваютъ въ урожайные годы до 200 пуд. съ десятины, тогда какъ у русскихъ, которые сѣютъ на киргизской землѣ, въ такіе годы урожай бываеъ до 250 и болѣе пудовъ. Затѣмъ, киргизы не ужьютъ во время собирать т. е. сжать просо. Жнутъ они обыкновенно сами, но, какъ люди, привыкшіе болѣе къ праздной жизни, они не встаютъ на работу рано, а, вставши, непременно выпьютъ чай, а потомъ и за работу. Поэтому жатво идетъ крайне медленно. Носившаго проса при сильныхъ вѣтрахъ много выскнается на землю, такъ много, что иной разъ оно почти закрываеъ землю, доставаясь потомъ дикимъ уткамъ, возвращающимся осенью на свои зимнія стоянки. Врагомъ земледѣлія у киргизовъ являются дикія утки, которыя налетаютъ въ громадномъ количествѣ. Приходилось наблюдать, что оставшіяся съ вечера сотни три сноповъ утравъ представляли изъ себя одну солому.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 34.—Подготовка учителей для народныхъ школъ Тургайской области.

Стремленіе къ русскому образованію съ каждымъ годомъ все болѣе охватываетъ киргизское населеніе области, почему въ степи вырастаютъ новыя и новыя школы, а въ разныхъ виѣ-областныхъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ Оренбургской киргизской учительской школы и кончая столичными университетами, въ спискахъ стипендіатовъ появляются и постепенно прибываютъ имена дѣтей киргизовъ Тургайской области. Мѣстная администрація съ полнымъ сочувствіемъ идетъ на встрѣчу столь отдаленнѣ

побужденіямъ киргизовъ, наискивая средства къ удовлетворенію ихъ желаній просвѣщенія, при чемъ всѣ расходы на образованіе съ совершенной готовностью принимаются киргизами, лично жертвующими на этотъ предметъ не мало денегъ. Возникновеніе и развитіе въ области русскихъ поселковъ, составляющихъ предметъ большихъ заботъ администраціи, также требовало насажденія въ селеніяхъ школъ, но быстрое нарожденіе школъ въ области обнаружило недостатокъ въ учителяхъ, соответственно подготовленныхъ для обученія дѣтей, почему должности учителей пришлось предоставлять лицамъ, не достаточно или даже совсѣмъ не подготовленнымъ къ педагогической дѣятельности. Въ 1896 году (изъ 135 учителей въ школахъ Тургайской области) лицъ, получившихъ спеціальную подготовку, насчитывалось только 66; остальные 69 не получили соответствующаго образованія, при чемъ 20 изъ нихъ даже вовсе не имѣли права на преподаваніе. Для разрѣшенія такой настоятельной нужды въ подготовкѣ учителей для школъ области г. военный губернаторъ въ 1895 году вошелъ въ сношеніе съ г. попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа, признавшимъ также полную необходимость въ расширеніи средствъ подготовки учителей. Въ виду неимѣнія ни въ учебномъ вѣдомствѣ, ни въ распоряженіи г. военного губернатора матеріальныхъ средствъ на какое-либо прочное и болѣе обширное мѣропріятіе къ удовлетворенію названной нужды, было учреждено при Оренбургской киргизской учительской школѣ 17 стипендій для киргизовъ на суммъ земскихъ сборовъ. Въ 1897 году расходъ по содержанію сказанныхъ 17 стипендіатовъ министерствомъ финансовъ разрѣшено отнестъ на счетъ остатковъ земскихъ сборовъ по сѣмѣ Тургайской области 1897 года.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 36.—Къ чему иногда ведетъ партійная борьба.

Баймулла былъ молодъ, извѣстенъ и богатъ, ему пришло въ голову сдѣлаться волостнымъ управителемъ. Онъ потратился на организацію партіи много. Весь табунъ лошадей онъ роздалъ подѣ «май», собралъ ихъ только часть и то изнуренныхъ—кости да шкура. Дѣло было глубокою осенью, зима же по несчастію случилась суровая. Къ веснѣ всѣ эти лошади пали. Всѣ свои наличныя деньги Баймулла потратилъ на удовлетвореніе аппетитовъ ненасытныхъ аткамынеровъ, а такъ какъ денегъ все-таки еще далеко не хватало, то пришлось покойному продать барановъ, которыхъ и такъ было на половину перерѣзано на угощеніе. Денегъ все не хватало. Къ несчастію Баймулла, въ самую критическую минуту нужды, ему предложилъ свои услуги бывшій его пріятель, толмачъ Александръ. Онъ ссудилъ ему 200 рублей. Выборы прошли для Баймуллы неудачно и за этииъ последовало полное раззореніе. Даже съ Александромъ расчитаться было не чѣмъ, а онъ частенько напоминалъ долгъ, грозя, въ случаѣ неуплаты, обратиться въ судъ, а Баймулла больше всего боялся суда. Завелъ съ кредиторомъ тамирство, старался по возможности задобрить подарками: то шубу свезетъ ему, то коверъ, то лошадь сведетъ—и чѣмъ чаще сталъ возить подарки, тѣмъ чаще неумолимый тамиръ сталъ напоминать о долгѣ, не переставая однако обѣщать погасить долгъ тамирствомъ. Наконецъ, ресурсъ Баймуллы

окончательно подорвались, средства истощились, не осталось ни вещей, ни лошадей, а кредитор не забывал напоминать о долгах, потому не видя подарков, предъявил в суд искъ. Такъ и разорился въ конецъ Бай-мулла.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 37.— Образование киргизскихъ оидныхъ поселеній въ Семирѣченской области.

Говорится объ образованіи въ Пишпекскомъ уѣздѣ 5 киргизскихъ селеній: Абдрахмановки, Темика, Талымна, Николаевского и Кечетинскаго.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 37 и 38.

Приводится Высочайшее повелѣніе образовать врачебную часть въ уѣздахъ областей: Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Уѣзды областей Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской подраздѣляются, въ врачебномъ отношеніи, на участки.

2) Въ каждомъ участкѣ состоятъ: участковый врачъ, фельдшеръ и фельдшерница-акушерка.

3) Участковые врачи опредѣляются къ должностямъ военными губернаторами, по представленіямъ областныхъ врачебныхъ инспекторовъ. Фельдшера и фельдшерницы-акушерки назначаются врачебными инспекторами.

4) Опредѣленіе границъ участковъ и мѣсть пребыванія участковыхъ врачей представляется стенному генераль-губернатору, по представленіямъ подлежащихъ военныхъ губернаторовъ.

5) На участковыхъ врачей возлагается: А) подаііе медицинской помощи, въ предѣлахъ вѣтренныхъ имъ участковъ, сельскому населенію, а равно городскому въ тѣхъ городахъ, гдѣ не имѣется особнхъ городскихъ врачей; Б) распространеніе оспопрививанія и обученіе оному учениковъ изъ мѣстныхъ жителей и В) исполненіе обязанностей по судебно-медицинской и медико-полицейской частямъ.

6) Пользованіе населенія и отпускъ ему медикаментовъ производится чинами по врачебной части бесплатно.

7) Суммы, назначенныя по каждой области на медикаменты, поступаютъ въ распоряженіе областныхъ врачебныхъ инспекторовъ, для снабженія врачей лѣкарствами или деньгами на пріобрѣтеніе оныхъ.

8) Участковые врачи, фельдшера и фельдшерницы-акушерки снабжаются, для разъѣздовъ по дѣламъ службы вдоль почтовыхъ и земскихъ трактовъ, открытыми листами на полученіе земскихъ подводъ безъ платежа прогоновъ.

9) Стенному генераль-губернатору представляется остатки отъ кредитовъ, ассигнуемыхъ, по сѣтамъ земскихъ повинностей каждой изъ вѣтренныхъ ему областей, на содержаніе врачебной части въ уѣздахъ, обращать на пріобрѣтеніе инструментовъ и аптекъ для врачей, а равно на постепенное устройство лѣчебницъ и пріемныхъ покоевъ.

10) Порядокъ отпуска и расходованія суммъ на устройство и содержаніе врачебной части устанавливается министерствомъ внутреннихъ

дѣлъ, по соглашенію съ министерствомъ финансовъ и государственными контролерами.

11) Ближайшія правила о порядкѣ исполненія обязанностей служащими по врачебной части опредѣляются инструкціями министерства внутреннихъ дѣлъ.

Это Высочайшее повелѣніе въ значительной мѣрѣ расширяетъ возможность для мѣстнаго населенія пользоваться врачебною помощью. Въ каждомъ уѣздѣ должно быть по нѣскольку врачей, фельдшеровъ и фельдшерницъ-акушеровъ, при чемъ медицинскому персоналу мѣстопробываніе назначается въ наиболее населенныхъ пунктахъ, что обезпечитъ возможность большому числу лицъ находить медицинскую помощь безъ далекихъ поѣздокъ. Впрочемъ, чины медицинскаго персонала должны и сами дѣлать разѣзды, въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ участковъ, по врачебной надобности. Пользованіе населенія и отпускъ ему медикаментовъ производится, согласно новому закону, бесплатно. На участковыхъ врачей, сверхъ подаванія медицинской помощи, возложена также важная обязанность—распространять оспопрививаніе и обучать оному учениковъ изъ мѣстныхъ жителей. Увеличеннымъ численно медицинскій персоналъ и снабженный при томъ въ достаточной мѣрѣ медикаментами и другими врачебными средствами, очевидно удовлетворитъ въ большей степени, чѣмъ это было раньше, потребности въ медицинской помощи, какъ у русскихъ, такъ и у киргизовъ.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 40.—Танабай и Бабмыр. Рассказъ изъ киргизскаго быта.

«Киргизская Степная Газета» 1897 г., № 41.—Жизнь киргизовъ въ Тывкалинскомъ округѣ. Корреспонденція изъ г. Тывкалинска Тобольской губерніи.

Между прочимъ говорится, что съ прибытіемъ переселенцевъ изъ Европейской Россіи въ Тывкалинскій округъ и съ водвореніемъ ихъ на крестьянскихъ земляхъ и на казенныхъ участкахъ, многое измѣнилось, какъ для киргизовъ, такъ и для сибиряковъ—старожилловъ. Прежняго приволья не стало. Нѣкоторые киргизы, оставивъ свои землія стойбища, удалились теперь въ Акмолинскую область. Другіе остались, но жизнь ихъ уже не прежняя.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 45.—Мишь и зытя. Киргизская басня.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 46.—Простой способъ борьбы съ джутомъ.

Киргизы Ишимской волости Акмолинскаго уѣзда придумали и практикуютъ слѣдующій простой способъ добывать для скота кормъ во время гололедницъ. Покрытое льдомъ пространство разбораниваютъ обихновенными земледѣльческими бородами, затѣмъ по разбороненному льду про-

няют крупный скотъ, подъ тяжестью котораго ледъ трескается. Наконецъ растрескавшійся ледъ разбиваютъ молотилками киргизскаго устройства (толстое бревно до 2-хъ аршинъ длинн съ вбитыми въ него толстыми камнями, вращающееся на оси). Послѣ послѣдней операціи для мелкаго скота становится совершенно возможнымъ тебелевать подножный кормъ.

Нельзя не пожелать возможно широкаго распространенія и примѣненія этого простаго способа борьбы съ величайшимъ для киргизовъ бѣдствіемъ—джутомъ, время отъ времени постигающимъ то тотъ, то другой районъ степи.

Въ этомъ же № находится киргизская сказка—«Мудрый Аязъ» (Не все то золото, что блеститъ).

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 47.—Асанкайги.—Киргизская легенда.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 51.—Иди туда,—принеси сюда. Киргизская сказка.

«Киргизская Стенная Газета», 1898 г., № 1.—Замѣчательное рѣшеніе съѣзда народныхъ судей о конокрадахъ. Корреспонденція изъ Баянъ-Аула.—«Иди туда—принеси сюда». Киргизская сказка (оканчивается въ № 2).

«Киргизская Стенная Газета», 1898 г., № № 2 и 3.—О значеніи и цѣли производящагося ими статистическаго изслѣдованія киргизской степи.

«Киргизская Стенная Газета», 1898 г., № 4 и 5.—Бати. Рассказъ изъ киргизскаго быта.

Бати была писанная красавица, средняго роста, стройная чернобровая и румяная брюнетка. Она сразу обратила на себя вниманіе мѣстной молодежи. Джигиты на перерывъ ухаживали за нею и тѣмъ болѣе были настойчивы въ желаніи понравиться, что мужъ такой красавицы былъ одиннадцатилѣтній мальчикъ. Какъ ни горько было молодой женщинѣ терпѣть такую пропію судьбѣ, но она оставалась твердой, не поддавалась никакимъ соблазнамъ. Бати была мастерицей на всякую работу и старалась трудомъ скрасить свою жизнь. Въ теченіе цѣлаго года ей пришлось, кромѣ того, переносить много обидъ и горя отъ родителей мужа, въ особенности отъ старухи—тещи. Они ее оскорбляли и за глаза и въ глаза, непрека маленькими людьми, которые за ней ухаживали. Старикъ даже и думать не хотѣлъ, чтобы Бати могла быть вѣрна мужу—ребенку. Безконечныя придирки и оскорбленія ихъ стали наконецъ невыносимы, и Бати рѣшилась уйти въ аулъ къ отцу.—Зимній короткій день быстро клонился къ вечеру. Началъ дуть холодный пронзительный вѣтеръ. Кое гдѣ тропинку уже занесло и тяжело стало идти, но все-таки Бати шла, думая, что до вечера, можетъ быть, дойдетъ до какого-нибудь аула, гдѣ ее накормятъ и согрѣютъ. Вѣтеръ

все усиливался и уже крутилъ вихри изъ снѣжныхъ ледяныхъ крушинокъ и билъ ими больно въ лицо. Дышать было трудно. Время отъ времени вѣтеръ какъ бы съ бѣшеной силой срывался откуда то, тогда все исчезало изъ виду и совсѣмъ уже нельзя было идти дальше. Холодъ пронизывалъ путьницу до костей. Она сбилась съ дороги и, оустыившись на снѣгъ, задремала. Ей представилась, какъ на яву, вся ея жизнь. Она вспоминала родной аулъ, свое дѣтство и сверстниковъ. Кажется, вотъ подходитъ ея мать, гладитъ ее по головѣ и заскаетъ.... Сердце Бати невыносимо нило. Вѣтеръ продолжалъ бушевать надъ ея головою и все болѣе и болѣе заносилъ Бати снѣгомъ.

«Киргизская Степная Газета», 1898 г., № 6 и 7.—Лучшія породы киргизской лошади. Аргатакъ. Заимствовано изъ «Правительственнаго Вѣстника».

«Киргизская Степная Газета», 1898 г., № 8 и 9. Годная степь и ея преданія.

«Киргизская Степная Газета», 1898 г., № 13. О современномъ положеніи киргизскаго хозяйства.

Измѣненіе формъ киргизскаго хозяйства въ направленіи къ болѣе урегулированному кочевому и затѣмъ къ осѣдлому строю жизни совершается подъ вліяніемъ различныхъ причинъ. Главную роль здѣсь играетъ естественный приростъ населенія, когда волей неволей приходится прибѣгать кочевнику къ восполненію своимъ трудомъ или своею заботою того, что не можетъ уже дать природа для наличнаго числа населенія. Большое значеніе имѣли въ хозяйственномъ смыслѣ расселеніе кочевниковъ изъ худшихъ мѣстностей степи въ лучшія. Сильное вліяніе оказываетъ на киргизское хозяйство русская колонизація. Сокращеніе площади пастбищъ является первымъ результатомъ появленія каждаго русскаго населенія въ степи. Затѣмъ слѣдуетъ увеличеніе киргизами запасекъ, иногда въ чрезвычайно значительныхъ размѣрахъ. Съ 1884 по 1894 г. въ Акмолинскомъ и Атбасарскомъ уѣздахъ киргизскія запашки увеличились, по официальнымъ даннымъ, съ 2 до 200 тыс. десятинъ, т. е. въ теченіе десяти лѣтъ—въ сто разъ. Далѣе, русскій поселокъ, являясь экономическимъ центромъ известнаго степного района, производитъ съ киргизами обмѣнъ продуктами и рабочею силою, арендуетъ у нихъ земли и пр. Земледѣльческая культура вступаетъ постепенно въ конкуренцію со скотоводческою, и самое хозяйство кочевника постепенно принимаетъ формы осѣдлаго быта.

«Киргизская Степная Газета», 1898 г. № 18.—Къ вопросу о школьномъ образованіи киргизовъ Акмолинской области.

«Киргизская Степная Газета». 1898 г., № 26. Осѣдлыя населенія киргизовъ.

Въ средѣ киргизовъ Семирѣченской области земледѣліе постепенно развивается и стремленіе ихъ въ осыдлое состояніе уже проявляется, хотя не во всѣхъ еще уѣздахъ и не въ значительныхъ размѣрахъ. Мѣстная областная администрація выработала рядъ поощрительныхъ мѣръ къ занатію киргизовъ земледѣліемъ и къ переходу ихъ въ осыдлое состояніе.

«Киргизская Стенная Газета», 1898 г., № 28.—Корреспонденція изъ Омскаго уѣзда.

9-го іюля на урочищѣ Кара-Уйчукъ, въ предѣлахъ Омской волости, киргизъ № 5 аула Сатымбай Хамитовъ, въ числѣ 15 человекъ сообщниковъ, ночью напалъ на аулъ киргизовъ № 4 той же волости, съ цѣлью увести дочь Окшаубая Айчувакова, Салиху. Они ворвались въ юрту, украли Салиху и, избивъ ея родителей, скрылись.

«Киргизская Стенная Газета», 1898 г., № 32.—Хитрый Бекжанъ. Киргизская сказка.

«Киргизская Стенная Газета», 1898 г., №№ 32 и 33 —Измывовъ киргизовъ во время партійныхъ раздоровъ.

«Киргизская Стенная Газета», 1898 г., № 33.—Наказанный хитрецъ. Киргизская басня.

«Киргизская Стенная Газета», 1898 г., № № 34—36, 37.—Эреже (постановленіе) чрезвычайнаго сѣзда народныхъ судей Устькамолоторскаго и Семипалатинскаго уѣздовъ.

Дѣла брачныя и семейныя.

«Киргизская Стенная Газета», 1898 г., № 42.—Степные заправилы.

«Киргизская Стенная Газета», 1898 г., № № 48 и 49.—Пастухъ мальчикъ. Киргизская сказка.

«Киргизская Стенная Газета», 1899 г., № 13.—Ворона называетъ своихъ дѣтенышей голосистыми, а ежъ — мягкими. Киргизская сказка.

«Киргизская Стенная Газета», 1899 г., № 14.—Вѣсти изъ Атбасарскаго уѣзда.

Сообщается, что киргизскія волости юга Атбасарскаго уѣзда страдаютъ отъ нашествія волковъ, которые губятъ массу мелкаго и крупнаго скота.

«Киргизская Стенная Газета», 1899 г., №№ 15, 16, 17 и 18.—0 способахъ улучшить качества киргизской лошади.

Киргизъ. — Киргизы-джатаки. Этнографическій очеркъ. — «Русская Рѣчь», 1879 г. (авг.)

Рисуется положеніе пограничныхъ осѣдлыхъ киргизовъ, отношеніе между ними и ихъ собратьями, кочующими въ степи.

Киттары, М. ¹⁾.—Гора Богдо и озеро Баскунчакское.—«Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», 1848 г., ч. XXIV.

Описаніе горы Большое Богдо и Баскунчакскаго озера: ихъ мѣстоположеніе, видъ и т. п., а также приводятся сказанія, связанныя съ горою и озеромъ.

Киттары, М.—Киргизскій туй.—«Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», 1849 г., ч. XXV.

Описаніе киргизскаго праздника и шара, на которомъ авторъ присутствовалъ.

Киттары, М.—Ставка хана Внутренней Киргизской орды.—«Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», 1849 г., ч. XXVIII.

Подробное описаніе Ставки и ханскаго дворца.

Киттары, М.—Киргизская степь «Оренбургскія Губернскія Вѣдомости», 1850 г., № 14.

Киттары, М.—Къ торговлѣ Внутренней Букеевской орды.—«Оренбургскія Губернскія Вѣдомости», 1850 г., № 14.

Кіій, Д. Забѣтка о религій киргизовъ.—«Акмолинскія Областныя Вѣдомости», 1880 г. № 45.

Клеменцъ, Д.—Письмо въ Редакцію.—«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1899 г., № 96.

Видъ волнующейся нивы, говоритъ Д. А. Клеменцъ, очень красивъ; но, къ сожалѣнію, въ большинствѣ мѣстностей, въ которыхъ скучены наши кочевые племени, это зрѣлище можно устраивать только съ большими издержками, да и то не каждый годъ. На кочевой бытъ и юрту, продолжается г. Клеменцъ, я не считаю возможнымъ смотрѣть, какъ на какое-то уродливое явленіе; наоборотъ, уродливо насильственное прирученіе къ земледѣлію и осѣлости кочевниковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хлебо-

¹⁾ Модестъ Яковлевичъ Киттары—извѣстный технологъ, воспитанникъ Казанскаго университета, родился въ 1825 году, на 25 году былъ уже докторомъ естественныхъ наукъ и выдвинулся своими зоотомическими работами, но съ 1850 г. посвятилъ себя технологіи. Въ 1853 году Киттары занялъ кафедру технологіи въ Казанскомъ Университетѣ, и подъ его вліяніемъ впервые проникли рациональные методы въ заводско-фабричную промышленность Поволжья. Въ 1857 году Киттары приглашенъ былъ въ Московскій университетъ на кафедру технологіи, открытую по ходатайству московскаго купечества, которое поставило Киттары и во главѣ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ. Умеръ въ 1880 году. (Энци. Сл.)

шество, если и может быть введено, то съ большимъ рискомъ и издержками. Нельзя игнорировать того факта, что кочевое скотоводство даетъ самое дешевое мясо, а мясо для питания Россіи,—по крайней мѣрѣ—второй по важности продуктъ послѣ хлѣба. У насъ, въ Европейской Россіи, степное, кочевое скотоводство сокращается и будетъ еще сокращаться, но мѣрѣ того, какъ южныя степи будутъ занимать земледѣльцами. Не то въ обиталищахъ нашихъ азіатскихъ кочевниковъ; въ солончаковыхъ и каменистыхъ степяхъ, съ сухимъ климатомъ и безснѣжными зимами. И тамъ, конечно, можно путемъ издержекъ и усилій, насадить кое-гдѣ земледѣліе,—но желательна ли? Для всякой мѣстности—свой типъ хозяйства. Гдѣ въ наличности имѣются благоприятныя почвенныя и климатическія условія, не только буряты, алтайцы, качинцы, но монголы и китайскіе подданные—киргизы начинаютъ сѣять хлѣбъ, но смотря на то, что тамъ администрація смотритъ на это косо и даже запрещаетъ закономъ распахку пелей въ Монголіи.

Книга глаголемая Большой чертежъ. Изданіе Г. Н. Спасскаго 1 ч. 1846 г. Москва.

«Книжный Вѣстникъ»¹⁾ 1891 г. № 1.—О книгѣ:—«Н. Н. Нелюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года», В. Витевскаго (Казань, 1891 г.).

Ко (Алекторовъ, А. Е.)—Къ мудрости ступенька. Азбука для учениковъ начальныхъ русско-киргизскихъ школъ. Москва, 1891 г.

Къ азбуки приложенъ киргизско-русскій словарь.

Кобекъ.—Степные корабейники.—«Киргизская Степная Газета», 1893 г., № 29 и 30.

Въ этой статьѣ авторъ, близко наблюдавшій степныхъ торговцевъ, даетъ очеркъ ихъ дѣятельности во многихъ отношеніяхъ не симпатичной, но объяснимой условіями захолустной степной жизни. Мелкою разносною торговлею въ степи занимаются почти всегда сами киргизы. Это обыкновенно бѣдные люди, имѣющіе скота всего только одну лошадь да корову, а иногда и того не имѣютъ, а берутъ въ наемъ у другихъ. Торговцы эти, большею частью, люди малотрудозривые, склонные къ праздному житію и способны отъ природы къ торгашеству.

Коблянъ.—Новый годъ въ киргизской школѣ. Изъ воспоминаній.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1891 г., № 453.

¹⁾ «Книжный Вѣстникъ»—журналъ книжно-торговой, издательской и литературной дѣятельности въ Россіи, органъ русскаго общества книгопродавцевъ и издателей, выходитъ въ С.-Петербургѣ, издается съ 1834 года.

Статья весьма любопытная. Никогда еще школьники-киргизята, говорит авторъ, не видали въ стѣнахъ своего училища такого праздника, какой былъ устроенъ нами для нихъ въ день киргизскаго новаго года; праздникъ этотъ былъ, кажется, единственнымъ за все время существованія школы. Но крайней мѣрѣ, до этого раза—ничего подобнаго не устраивалось, да, думается, и впоследствии ничего не предпринималось для повторенія торжества... Праздникъ, устроенный нами, въ то время принялъ характеръ общественнаго событія, такъ-такъ мѣстность, гдѣ находилась школа, хорошими событіями вообще бѣдна. Лежитъ эта мѣстность среди глубокихъ, свѣчучихъ песковъ, «ни сосенки кудрявыя, ни ивы вокругъ нея». Куда ни обратите вы свой взоръ, вы всюду увидите пески, да легкіе кустики «чагра»... Жизнь заброшенныхъ въ эту печальную пустыню «русскихъ людей» тянется монотонно, тоскливо, до тошноты однообразно: ниче, какъ завтра, завтра, какъ вчера. Чиновенство ходитъ на занятія, а въ свободные часы—пьетъ и въ карты играетъ; «прочее сословіе»—торгуетъ и пьетъ. Для разнообразія обыватели сплетничаютъ, враждуютъ между собой, мирятся и опять расходятся. Такъ проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы, часы... мелкія ссоры сменяются крушнкой враждой, крушная вражда мелкими ссорами и не видно конца этому мглнстому существованію... При такихъ-то условіяхъ, праздникъ въ нашей школѣ неминуемо долженъ былъ принять характеръ общественнаго событія и сдѣлаться предметомъ самыхъ оживленныхъ толковъ, среди населенія, стать мишенью, на которой сосредоточивалось все вниманіе обывателей...

О праздникѣ, предполагавшемся въ школѣ, прослышали и ближайшіе киргизы. Ежедневно почти являлись они къ намъ, учителямъ, съ распросами: какъ да что будетъ? Интересовало ихъ и то обстоятельство, всѣ-ли дѣти примутъ участіе въ праздникѣ или только нѣкоторые, напр., дѣти богатыхъ родителей, лучшіе ученики и т. п. Когда же узнали, что весь наличный составъ школьниковъ, безъ всякихъ исключеній, будетъ присутствовать на торжествѣ, что праздникъ устраивается для всѣхъ, скуластыя лица киргизовъ просвѣтились, ихъ широкія, стенины горла издавали рѣзкіе звуки, означавшіе удовольствіе. Нѣсколько дѣтей, учившихся въ школѣ, были изъ мѣстностей, удаленныхъ отъ школьнаго пункта верстъ на 60 и болѣе. За такими дѣтьми, «по нрмѣру прежнихъ лѣтъ», пріѣзжали посмѣльные или сами отцы, съ цѣлью забрать на «наурузъ» ребятшекъ домой, но, когда узнали, что дѣти будутъ праздновать новый годъ въ школѣ, то не настаивали на отпускѣ..

За недѣлю до 1 марта (день киргизскаго новаго года) у насъ почти все было готово: припасены подарки, куплены разныя сласти, дѣтями изучались нѣсенки русскія и киргизскія; такъ какъ школьное адаміе предполагалось иллюминировать, то нами, учителями, при помощи самыхъ дѣтей, клеились фонарики, на которыхъ вырѣзывалась фраза «пусть новый годъ будетъ счастливъ»—по киргизски. Больше всего пришлось работать одному учителю, который былъ удивительный мастеръ на всякія «художества»: сладить, сгромадить, скленть—на все это былъ способенъ «Патехоричъ»,

такъ звали учителя обыватели, перековеркавъ его отчество—Елпидифоровичъ. Между тѣмъ, другой учитель усердствовалъ съ изученіемъ ребятишками пѣсенъ, какъ русскихъ, такъ и киргизскихъ. Первые у киргизятъ не ладилась, но за то вторые выходили на славу..

Обыватели мѣстечка только и толковали, что о школьномъ праздникѣ. Иные относились къ нему добродушно, а такъ называемые «патріоты»—со злобой.

Что это, въ самомъ дѣлѣ, выдумали?—говорила одна барыня нашему инспектору:—съ какой стати для дѣтокъ да такіе праздники? Ужъ, если хотѣли, то собрали-бы нашихъ, покрайней мѣрѣ, своихъ—русскіе.

Другая барыня съ схиствомъ замѣтила нашему Патехормчу.

— Что это вы такъ усердствуете? ужъ полно, не понравилась-ли вамъ какая изъ стѣнныхъ красавицъ, не породниться-ли съ нею намѣреваетесь?

При чемъ тутъ красавица, какое отношеніе вообще могли имѣть красавицы къ школьному празднику,—барыня, вѣроятно, и сама не знала.. Патехормчъ, понятно, посмѣялся..

Одинъ чиновникъ задалъ намъ такой вопросъ:

— Послушайте, господа, я не понимаю, что вамъ за охота возиться съ этими безобразными дѣтишками грязныхъ киргизовъ? Неужели вамъ недостаточно, что вы ихъ учите?... Штъ, я не одобряю вашей пріязни къ этимъ стѣнникамъ: они, чего добраго, слишкомъ возмечтаютъ о себѣ. Спорить съ этимъ господиномъ значило бросать слова на вѣтеръ, а потому его «миѣнія» мы прямо игнорировали, сказавъ, между прочимъ,—«что-же, батенька, дѣлать? Надо-же и киргизскимъ ребятишкамъ какое-нибудь развлеченіе.

Но были, какъ уже сказано, и сочувствовавшіе идеѣ школьнаго праздника и такихъ сочувствующихъ оказалось больше, чѣмъ недовольныхъ. Нѣкоторые изъ сочувствовавшихъ оказали даже матеріальную поддержку намъ, пожертвовавъ кое-какія вещи для подарковъ дѣтямъ..

Какъ бы, впрочемъ, ни было,—и довольные, и недовольные, всѣ на время позабыли съ своихъ мелкихъ интересахъ, сосредоточивъ вниманіе на школьномъ «собираніи».

Настало утро 1 марта. Дѣти, всѣ чистенько одѣтыя, попарно отправились въ ближайшую мечеть, гдѣ совершали вѣстѣ съ своими законоучителямъ-мудлою намазъ и къ 10 часамъ возвратились въ школу. Мы, учителя, поздравивъ юныхъ стѣнниковъ съ новымъ годомъ, роздали имъ, пока не большіе, подарки, состоящіе изъ книгъ, карандашей, бумаги и т. п. Бѣднѣйшимъ дѣтямъ выданы были рубашки, кушаки и нѣкоторые другіе предметы. Затѣмъ дѣтямъ была, послѣ хорошаго завтрака, предоставлена полная свобода до вечера, такъ какъ главное торжество долженствовало произойти именно въ вечернюю пору; сами же мы, учителя, отправились пока въ гости въ ближайшій аулъ одного богатаго киргиза, приглашавшаго насъ на «наурузъ». Киргизята-школьники не могли все-таки остаться безъ надзора на время нашего отсутствія, почему одинъ изъ насъ, не пожелавшій ѣхать съ визитомъ, порѣшилъ сидѣть дома до нашего возвращенія.

Отсутствіе наше не могло продлиться особенно, такъ какъ, во-первыхъ, аулъ былъ не далеко, а во-вторыхъ, мы должны были непремѣнно всѣ присутствовать на обѣдѣ воспитанниковъ...

Дѣйствительно, въ гостяхъ насъ не задержали: заинтересованнымъ школьникамъ праздникомъ, съ нами пожелали побѣхать въ мѣстечко и козицы, въ кибиткѣ котораго мы были, и гости, находившіеся у него, такъ что въ мѣстечко мы въѣхали «большою гурьбою», словно какія владѣтельные особы...

Столовая школьникамъ въ 2 часа дня приняла необычный, праздничный видъ: всюду чистота, у дѣтей физиономіи самыя развеселія, оживленныя.. Поварь Мухаметка, въ чистомъ фартукѣ, разносилъ громадную чашку лаши съ «маханомъ»; каждый воспитанникъ черпалъ изъ чашки большимъ ковшомъ жирную и вкусную лапу и наливалъ въ свой деревянный «аякъ» (маленькая чашка). Въ столовой, на полу, около стѣнъ, возсѣдало нѣсколько киргизовъ—родственниковъ и знакомыхъ дѣтей; одѣтые въ праздничные костюмы, они съ любопытствомъ смотрѣли на трапезу школьникамъ... Русскіе жители мѣстечка отложили свое посѣщеніе до вечера, такъ что днемъ почти никого изъ нихъ ни являлось...

Первое блюдо обѣда—лаша уничтожено было въ короткое время, причемъ въ уничтоженіи принимали участіе и находившіеся въ столовой «гости». За лапшой Мухаметка притащилъ грандіозный разбѣровъ «самаръ» (большая деревянная чашка) съ шловомъ, который такъ же былъ потребленъ въ скоромъ времени—«Дѣти покушали, ложки обтерли (языкомъ) и сказали—спасибо». Гости, вкушавшіе отъ дѣтскихъ блюдъ, выразили свою благодарность отвратительнымъ рыганьемъ, заключеннымъ словомъ «Алда рази болсун», поднялись съ своихъ мѣсть, взяли въ руки нагайки, съ которыми никогда не расстаются киргизы, и вышли на «воздухъ». Дѣтямъ-же былъ предложенъ чай.

Въ 5 часовъ вечера приступлено было къ освѣщенію классныхъ комнатъ, откуда была заранѣе вынесена вся мебель. Въ большой комнатѣ готовился «столъ» съ закусками. Къ 7 часамъ съ наружной стороны школьнаго зданія были развѣшаны разноцвѣтные фонари, на которыхъ ярко видѣлись киргизскія крупныя буквы, въ общемъ составляющія фразу: «Джана жыл-менен! Джана жыл капрал болсун!», что значило—«съ новымъ годомъ! пусть будетъ счастливъ новый годъ!» Откуда-то было добыто нѣсколько плешекъ, ихъ разставили по столбамъ и зажгли. Патехоричъ еще заранѣе приготовилъ фейерверкъ, зажечь которій предполагалось «въ заключеніе спектакля», какъ говорится.

Въ 7 часовъ въ школу стали сходитьсь приглашенные. Дѣтей разбили по отдѣленіямъ, около каждаго отдѣленія всталъ «свой» учитель и съ прибытіемъ инспектора—праздникъ начался.. Толпа дѣтей человекъ въ 50, въ числѣ которыхъ русскихъ было не болѣе десятка, подъ регентствомъ одного изъ учителей, грянула народный гимнъ «Боже, Царя храни!» Странно было какъ-то слышать этотъ гимнъ въ исполненіи киргизскихъ дѣтей, среди необычной для русскихъ обстановки, въ глухой киргизской мѣстности,

гдѣ о царѣ русскомъ вообще нѣются смутными понятіями. Но въ то же время какое-то необъяснимое хорошее чувство охватывало слушателя во время исполненія гимна, забывалась разница происхожденій и религиозныхъ вѣрованій...

Гимнъ былъ исполненъ три раза и каждый разъ громкое «ура» дѣтей и всѣхъ присутствовавшихъ заключало это прекрасное произведеніе композиторской музы Львова.

Затѣмъ, ребятамъ учителями розданы были сласти: конфеты, пряники, орѣхи; изъ вещей: платки, ичеги и еще что-то, теперь не помню... Гостямъ предложенъ былъ чай. Послѣ небольшого отдыха дѣти заѣли монотонную киргизскую пѣсню, если не ошибаюсь, называющуюся «Жазъ», начало которой таково:

Саурде кутерилеръ рахметъ тум. . .
Курниеръ кок жузиде каз-бенъ кум,
Кокгенъ жамгиръ, тауларданъ суларъ журниъ
Жаиларъ жеръ жузиде гардинъ сум. . .

Такъ какъ мартъ—весенній мѣсяцъ, то пѣсенка эта подходила какъ нельзя болѣе кетати, что въ ней говорится о наступленіи весны. Пѣсня эта, довольно длинная сама по себѣ, благодаря монотонному напѣву тянулась долго. Исполненіе ея шло не сразу всѣми школьниками въ другъ, а такимъ образомъ, что сначала одинъ пѣлъ два первые стиха, а потомъ уже всѣ подхватывали послѣдній.

З а п ѣ в а л е :

Саурде кутерилеръ рахметъ тум
Курниеръ кокъ жузиде каз-бенъ кум. . .

Х о р ь :

Курниеръ кокъ жузиде каз-бенъ кум. . .

Пѣсня смѣнялась дѣтскими играми, распространенными среди киргизовъ: жуц-такъ (четъ-нечетъ), орамалъ жасруга (жгуты) и др. Взрослые, не мѣшая дѣтямъ, оставались простыми зрителями. Учителя находились при школьникахъ и принимали непосредственное участіе въ ихъ играхъ. Игры смѣнились опять пѣснями, въ большинствѣ русскими, взятыми преимущественно изъ «Роднаго Слова». Присутствовавшіе на праздникъ киргизы взрослые съ большимъ любопытствомъ слѣдили за всѣмъ происходившимъ. То и дѣло среди нихъ слышались возгласы «караш, кандай кызык» (смотри, какъ весело); нѣкоторые такъ просто только «ноцкивали» отъ удовольствія... Что было потѣшнато на этомъ праздникѣ, такъ это удивленіе, выказанное киргизами при видѣ «инспекторскаго» артефона. Этотъ «музыкальный инструментъ» осматривался и оцунивался глазами степей со всѣхъ

сторонъ: ужасно поражала степниковъ легкость, которою сопровождается управление ариостономъ. Распросамъ—какъ, изъ чего и кѣмъ устроенъ аристонъ—не было конца..

Подъ звуки ариостона нѣкоторые изъ русскихъ школьниковъ пустились въ плясъ, чѣмъ доставили большое удовольствіе степнымъ гостямъ. Подзадоренные русскими, киргизскіе мальчики пожелади также показать свою удалъ. Живо между присутствовавшими киргизами отыскался хорошій игрокъ на балалайкѣ, былъ отысканъ и этотъ инструментъ, и веселье приняло иной характеръ: изъ числа школьниковъ-киргизятъ отдѣлились два ганцора и подъ звуки балалайки принялись выдѣлывать различныя фигуры и руками, и ногами, и головой, пуская въ дѣло даже языкъ... Хототу, одобрителнымъ возгласамъ—не было, казалось, предѣла...

Когда школьники вдоволь наигрались, маѣлись и наугощались, рѣшено было зажечь фейерверкъ. Последний приготовили на открытомъ мѣстѣ передъ школьнымъ зданіемъ. Народу собралось, съ цѣлью посмотреть эту диковинную штуку—множество, больше всего киргизовъ, такъ какъ русскихъ въ мѣстечкѣ немного. Буквально все мѣстечко спрудилося около школы... Патехоричъ зажегъ сначала какую-то удивительную, изъ самыхъ придуманную штуку. Съ трескомъ всыкнула «штука» и вызвала со стороны зрителей крикъ восторга. За этой штукой загорѣлось «колесо», потомъ заблестѣлъ полумѣсяцъ, горѣли еще какія-то «фигурны», и каждая новая штука вызвала въ степной публикѣ самый дѣтскій восторгъ. О школьникахъ и говорить нечего: они находились на верху блаженства, если можно такъ выразиться. Когда погасла послѣдняя фигура фейерверка, дѣти опять собрались въ школу, разставились по-парно и, пропѣвъ снова «Боже, Царя храни», отправились въ столовую, гдѣ для нихъ приготовленъ былъ ужинъ. Около 11 часовъ ночи трапеза была «поручена» и ребятамъ скомандовано было разойтись по спальнямъ.

Такъ былъ отпразднованъ новый годъ въ киргизской школѣ. Отпразднованъ онъ болѣе чѣмъ просто, скромно, тѣмъ не менѣе доставилъ много удовольствія для кочевниковъ и ихъ дѣтей, а жителямъ мѣстечка далъ тему для разговоровъ по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ.

Кобловъ, А. Споры и клузы.—«Тургайскія Областныя Вѣдомости», 1899 г., № 12.

Кобловъ, А.—Переселенцы.—«Тургайскія Областныя Вѣдомости», 1899 г., № 16—17.

Кобловъ, А.—Къ вопросу о переходѣ киргизовъ къ осѣдлому образу жизни.—«Тургайскія Областныя Вѣдомости», 1899 г., №№ 12 и 23.

Ковалевскій, В. П. Производителями силъ Россіи. Характеристики различныхъ отраслей народнаго труда. С.-Петербургъ, 1896 г.

Сѣверо-восточная половина Астраханской губ. отъ лѣваго берега Волги занята киргизами и, по имени кочевавшаго здѣсь въ концѣ прошлаго столѣтія султана Букея, получила названіе Букеевской орды. Вся эта мѣстность представляетъ изъ себя сплошную степь, въ которой только на сѣверѣ попадаются незначительныя площадки чернозема, занятыя подъ хлѣбопашество; въ общемъ же, вслѣдствіе неплодородія почвы, орда чрезвычайно бѣдна растительностью—на громадныхъ пространствахъ произрастаютъ только полынь и солянки; въ болѣе благопріятныхъ мѣстахъ встрѣчаются различныя виды ковыля. Южная часть орды, кромѣ того, постоянно засыпается подвижными песками, иногда образующими горы (барханы). Спускъ пески происходятъ здѣсь съ одной стороны изъ отложенія моря, а съ другой—вслѣдствіе размывленія непрочныхъ почвъ скотомъ и вырубку послѣднихъ остатковъ лѣса и поросли¹⁾. Орда страдаетъ крайнимъ недостаткомъ влаги. Климатъ лѣтомъ жаркій, зимой суровый. Такимъ образомъ почвенныя и климатическія условія исключаютъ для населенія возможность другого рода занятій, кромѣ скотоводства, въ которомъ и проходитъ вся жизнь киргиза, при чемъ лошади играютъ въ ней главную роль—масса ихъ служитъ въ пищу, изъ молока кобылъ киргизы готовятъ кумысъ, кожи идутъ на утварь и сѣдла и т. д.

Богатство киргиза опредѣляется количествомъ скота и главнымъ образомъ по числу лошадей. Лѣтомъ киргизы Букеевской орды кочуютъ въ войлочныхъ юртахъ (кибиткахъ), а зимою живутъ въ землянкахъ, устроенныхъ въ мѣстахъ, по возможности защищенныхъ отъ вѣтровъ и стужи. Скотъ и лошади круглый годъ находятся подъ открытымъ небомъ на подножномъ корму. Лѣтомъ они страдаютъ отъ сильнаго зноя, недостатка водопоевъ и массы оводовъ и мухъ, осаждающихъ табуны, зимою же принуждены добывать кормъ изъ подъ снѣга, съ большимъ трудомъ разрывая его ногами. Иногда послѣ оттепели быстро наступаютъ морозы, и степь покрывается слоемъ льда (гололедица); лошадямъ приходится съ огромными усиліями разбивать ледяную кору, доставая изъ-подъ нея кормъ ничтожными количествами. Сильныя метели (бураны) и снѣжные заносы иногда въ нѣсколько дней губятъ массу животныхъ, истощенныхъ и обезсилѣвшихъ отъ продолжительной голодовки. Но помимо всѣхъ этихъ суровыхъ и неблагоприятныхъ условій, въ которыхъ вырастаетъ, развивается и живетъ киргизская лошадь, особенно пагубно отражается на коневодствѣ производство кумыса, которымъ почти однимъ питаются киргизы въ теченіе всего теплаго времени года, и потому его требуется огромное количество. Для приготовленія кумыса выдаиваютъ почти всѣхъ кобылъ, и такимъ образомъ жеребята даже въ первый годъ своей жизни лишены питательнаго корма и должны довольствоваться одной скудною травой, съ наступленіемъ же зимы вмѣстѣ съ взрослыми лошадями переносить уже всѣ невзгоды. Конечно, масса

¹⁾ Въ видахъ сохраненія остатковъ лѣса и возможнаго восстановленія прежняго растительнаго покрова для борьбы съ песками, въ 1891 г. въ центрѣ орды на 15¹/₂ тысячахъ десятинъ устроено Наринское лѣсничество.

жеребятъ гибнетъ, зато тѣ, которые вырастаютъ, оказываются лошадами, удивительно выносливыми, неприхотливыми на кормъ и способными переносить всевозможныя лишения.

По даннымъ военно-конскимъ переписямъ 1893 года общее поголовье лошадей въ ордѣ опредѣлено въ 112,412 коня, но при этомъ было выяснено, что въ высшей степени суровыя зимы 1891 и 1892 г.г. сократили коневодство киргизовъ почти на 50%.

Киргизское коневодство существуетъ повсюду, гдѣ кочуютъ киргизы; такимъ образомъ, въ Европейской Россіи, кромѣ Астраханской губ., киргизскія лошади разводятся въ степяхъ Оренбургской губ., а затѣмъ по ту сторону Урала на всемъ громадномъ пространствѣ степей средне-азиатскихъ владѣній Россіи, а именно въ Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Семирѣченской областяхъ и сѣверо-западныхъ уѣздахъ Сирь-Дарьинской области. Киргизскія степи занимаютъ слишкомъ 200 миллионовъ десятинъ; онѣ только мѣстами пригодны для земледѣлія, на всемъ же остальномъ протяженіи въ силу природныхъ условій населеніе занимается скотоводствомъ и ведетъ кочевой образъ жизни. До настоящаго времени обследованы только ближайшіе къ Европейской Россіи районы степей—Тургайская и Уральская области. Лучшія мѣстности здѣсь находятся въ сѣверной части, лежащей на сѣверъ приблизительно отъ 50-й параллели с. ш. Благодаря достаточному количеству проточныхъ и стоячихъ водъ, мѣстность довольно орошена и имѣетъ луга. Эта болѣе плодородная полоса составляетъ Кустанайскій и Актюбинскій уѣзды Тургайской области, Уральскій и наибольшую часть Калмыковскаго уѣзда Уральской области. Земли, расположенныя къ югу, совершенно неплодородны; солонцеватая почва мѣстами покрыта песчаными наносами и чрезвычайно бѣдна прѣсными водами. Съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ, доходящихъ до 40° В, вся мѣстность принимаетъ совершенно пустынный видъ; населеніе уже съ февраля мѣсяца начинаетъ трогаться со своихъ зимовыхъ стойбищъ, перегоняя скотъ и табуны на сѣверъ, чтобы до наступленія лѣтняго зноя пройти бесплодную часть степи. Жителямъ наиболѣе удаленныхъ мѣстностей, напримѣръ, Сирь-Дарьинской области, приходится проходить для этого до 1000 верстъ. Киргизы Кустанайскаго и Актюбинскаго уѣздовъ Тургайской области, благодаря плодородію занимаемыхъ ими земель, а также поселенію среди нихъ русскихъ, начинаютъ уже заниматься хлѣбопашествомъ, хотя еще въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, и переходить къ полуосѣдлому образу жизни. Они имѣютъ постоянныя жилища, обыкновенно землянки, въ которыхъ проводятъ зиму, лѣтомъ же выкочевываютъ очень недалеко—не болѣе какъ на 40—60 верстъ.

Коневодство киргизовъ Семирѣченской области находится въ нѣсколькихъ нѣхъ условіяхъ. Гористая и каменистая мѣстность выработала здѣсь лошадей замѣчательно сухихъ, съ сильно развитой мускулатурой и твердыми копытами. Защищаемая горами, особенно юго-восточная часть области не представляетъ такого простора для вѣтровъ и метелей, какъ безпримѣтная степная пространства, и потому въ горной части Семирѣчен-

ской области не может быть таких всеобщих бедствий для коневодства, какія случаются въ степяхъ.

Лучшими въ смыслѣ породности изъ всѣхъ киргизскихъ лошадей надо признать лошадей Семирѣченской области, въ которыхъ замѣтны еще признаки кровности прежнихъ конскихъ породъ Туркестана. По мѣрѣ удаленія на западъ отъ Семирѣчья, типъ киргизской лошади дѣлается грубѣе, сохраняя, однако, всѣ свои выдающіяся качества.

Средній ростъ киргизской лошади обыкновенно ниже 2 аршинъ; она некрасива, но сложена удивительно крѣпко, ноги короткія, но сухія и прочныя, масти обыкновенно свѣтлыя: соловая, саврасая, буланая, свѣтло-рыжая и т. д.

Къ 1 января 1895 г. по свѣдѣніямъ военнаго губернатора Тургайской области, въ послѣдней числилось 464.789 головъ лошадей; все же киргизское коневодство составляетъ поголовье приблизительно до 4-хъ милліоновъ лошадей.

Такое богатство конскаго матеріала и прекрасныя качества киргизской лошади, какъ боевого коня, доказанныя ею во всѣхъ степныхъ походахъ, давно обратили на киргизское коневодство вниманіе правительства. Съ другой стороны, уже въ началѣ восьмидесятихъ годовъ выяснилось съ полною убѣдительностью, что производство ремонтной лошади, сосредоточенное преимущественно въ области Войска Донскаго, въ Новороссійскомъ краѣ и на Кавказѣ, замѣтно сокращаясь съ каждымъ годомъ, оказывается не въ силахъ по своей сравнительной малодоходности успѣшно конкурировать съ овцеводствомъ, земледѣльствомъ и другими видами сельской промышленности. Процессъ постепеннаго сокращенія размѣровъ верхового коннозаводства, вызванный всѣмъ ходомъ экономической жизни государства, показалъ, что на Донскую область и другія степныя пространства Европейской Россіи уже нельзя смотрѣть, какъ на неиссякаемый источникъ коневыхъ средствъ. Это обстоятельство, въ связи съ затрудненіями въ приобритеніи лошадей кавалерійскаго сорта, побудило Главное управленіе государственнаго коннозаводства принять рядъ мѣръ въ возможномъ воздѣйствіи на улучшеніе коневодства въ той части киргизской степи, которая по своему географическому положенію находится ближе къ Европейской Россіи. Такимъ, именно, райономъ оказывается сѣверо-западная часть степи. Пята въ виду, что при умѣломъ и настойчивомъ веденіи дѣла киргизское коневодство можетъ обезпечить нашу армію лошадьми, Главное управленіе поставило себѣ двѣ задачи: 1) дать кочевому населенію и коневодамъ осязательныя доказательства выгоды отъ производства улучшенной лошади и 2) предоставить въ распоряженіе кочевниковъ достаточное число лучшихъ жеребцовъ-производителей. Съ этою цѣлью въ 1885 г. было устроено для киргизскихъ лошадей нѣсколько пунктовъ выставокъ, съ назначеніемъ призовъ цѣнными вещами и жеребцами-производителями государственныхъ конскихъ учреждений. Выставки эти имѣли цѣлью подготовить населеніе къ принимаемымъ мѣропріятіямъ и ознакомить съ требованіями, предъявляемыми къ ремонтной лошади. Затѣмъ въ 1886 г. были открыты: одна

коллегии 1790 г. на построение и содержание въ течение 7 лѣтъ аульской школы, которая уже и открыта, — 5) въ 1896 году, въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, киргизами Иргизскаго уѣзда собрано 20000 руб. на открытіе въ г. Иргизѣ сельско-хозяйственной киргизской школы и 6) въ первыхъ числахъ апрѣля 1897 г. представители отъ киргизовъ явились въ Оренбургъ и заявили военному губернатору области о желаніи населенія учредить при Оренбургскомъ реальномъ училищѣ стипендію съ присвоеніемъ ей имени Н. Н. Крафтъ. Видимо, киргизы Тургайской области хорошо понимаютъ пользу просвѣщенія и не жалуютъ средствъ на учрежденіе школъ. Въ этомъ отношеніи они далеко превосходятъ своихъ сородичей въ другихъ областяхъ степного края.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 18.—Итоги всеобщей переписи населенія

По губерніямъ и областямъ Сибири и Степного края населеніе это распределяется слѣдующимъ образомъ: въ Акмолинской области 633 720 д. обоего пола, въ Семипалатинской 688.639 и въ Семирѣчской 990.243.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г. № 20.—Неблаго- видные приемы партійной борьбы. Корреспонденція изъ Павлодарскаго уѣзда.

Желая баллотироваться на должность волостного управителя, атка- минары прежде всего подсчитываютъ голоса выборныхъ, состоящихъ въ родствѣ съ ними, т. е. лицъ, снабженныхъ полномочіемъ выборныхъ и при- надлежащихъ къ одному роду съ кандидатомъ. Если такихъ родственни- ковъ окажется большинство среди всего наличнаго числа выборныхъ, то побѣда претендента на выборахъ обезпечена, такъ какъ «родственникъ» всегда подастъ голосъ за своего родовича. Если же родственниковъ у пре- тендента недостаточно среди выборныхъ, то послѣднему для составленія большинства приходится покупать голоса у тѣхъ выборныхъ, которые, рас- полагая ничтожнымъ числомъ голосовъ, не имѣютъ никакихъ шансовъ про- вести въ управители своего кандидата. Такіе выборные охотно продаютъ свои голоса тому изъ выступившихъ на баллотировку кандидатовъ, кото- рый въ нихъ нуждается и пожелаетъ купить. Голоса этихъ выборныхъ всегда такимъ образомъ на счету у баллотировавшихся противниковъ, такъ- какъ одинъ купилъ ихъ у однихъ выборныхъ, другой—у другихъ. Балло- тировка обыкновенно только подтверждаетъ и даетъ извѣстное официаль- ное выраженіе закулисной предварительному «подсчету» конкурирую- щихъ кандидатовъ, основанному на подкупѣ.

«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 27.—Истребле- ніе волковъ.

Волки, какъ извѣстно, наносятъ сильный ущербъ киргизскому ското- водческому хозяйству почти повсюду въ степи. За 1896 годъ въ Тургай- ской области волками было истреблено: въ Актюбинскомъ уѣздѣ 1305 ло- шадей, 567 головъ крупнаго рогатаго скота, 98 верблюдовъ, 4425 овецъ и 713 ковъ; въ Иргизскомъ—2446 лошадей, 833 головы крупнаго рогатаго

скота, 790 верблюдовъ, 8591 овца и 1022 козы; въ Кустанайскомъ уѣздѣ— 3716 лошадей, 1379 головъ крупнаго рогатаго скота, 36 верблюдовъ, 5361 овца и 1364 козы — всего 8178 лошадей, 3389 головъ крупнаго рогатаго скота, 1296 верблюдовъ, 30998 овецъ и 4403 козы. Истребленіе волковъ въ Тургайской области идетъ, однако, довольно успѣшно, благодаря главнымъ образомъ выдачѣ денежныхъ наградъ за каждого убитаго волка изъ областныхъ земскихъ сборовъ. За этотъ годъ въ области уничтожено волковъ: стрихнинными ядьями 757 штукъ и другими способами 1335 штукъ; всего 2595 штукъ.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 28.—Киргизы-земледѣльцы Тургайской области.

Киргизы Тургайской области изъ-года въ-годъ все увеличиваютъ площадь посѣва хлѣбовъ. Они отлично научились налаживать сабаны, которыми машутъ, не сворачивая борозды. Нерѣдкость увидѣть, что киргизъ, управлявшій сабаномъ, пустивъ таковой изъ одного конца загона, идетъ до другого, заложивши руки за спину, развѣ только застрявшій соръ заставитъ его взяться за деревянную лопаточку и повтыкать его изъ-подъ «градилы». Машутъ борозду довольно широко, ровно и-пласть широкій. Боронятъ они обыкновенной же бороной; посадятъ мальчугана верхомъ, онъ проѣдетъ раза два по одному мѣсту, а затѣмъ уже начинаетъ брать рядомъ по свѣжему мѣсту. Когда выростетъ просо, то оно стоитъ обыкновенно рядами, только между пластовъ. Только благодаря плодородной землѣ киргизы намолачиваютъ въ урожайные годы до 200 пуд. съ десятины, тогда какъ у русскихъ, которые сѣютъ на киргизской землѣ, въ такіе годы урожай бываетъ до 250 и болѣе пудовъ. Затѣмъ, киргизы не умѣютъ во время собрать т. е. сжать просо. Жнутъ они обыкновенно сами, но, какъ люди, привыкшіе болѣе къ праздной жизни, они не встаютъ на работу рано, а, вставши, непремѣнно пьютъ чаю, а потомъ и за работу. Поэтому жнитво идетъ крайне медленно. Посѣвшаго проса при сильныхъ вѣтрахъ много высклывается на землю, такъ много, что иной разъ оно почти закрываетъ землю, доставаясь потомъ дикимъ уткамъ, возвращающимся осенью на свои зимнія стоянки. Врагомъ земледѣлія у киргизовъ являются дикія утки, которыя налетаютъ въ громадномъ количествѣ. Приходилось наблюдать, что оставшіяся съ вечера сотни три сноповъ утромъ представляли изъ себя одну солому.

«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 34.—Подготовка учителей для народныхъ школъ Тургайской области.

Стремленіе къ русскому образованію съ каждымъ годомъ все болѣе охватываетъ киргизское населеніе области, почему въ степи выростаютъ новыя и новыя школы, а въ разныхъ внѣ-областныхъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ Оренбургской киргизской учительской школы и кончая столичными университетами, въ спискахъ стипендіатовъ появляются и постепенно прибываютъ имена дѣтей киргизовъ Тургайской области. Мѣстная администрація съ полнымъ сочувствіемъ идетъ на встрѣчу столь отдаленнымъ

19) О погребальных обрядах якутов Вилуйского округа Якутской области. Д. А. Кочнева. 1895. Цѣна 10 коп.

20) Протоколъ Чрезвычайнаго Общаго Собранія Гг. членовъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи 16 іюня 1885 г. (о ремонтѣ болгарскихъ развалинъ). 1885. Цѣна 10 коп.

21) О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирской Карамзинской библиотекѣ. И. Я. Христофорова. Цѣна 30 коп.

22) Троицанскій, В. Ф. Опытъ систематической программы для собранія свѣдѣній о христіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. 1897. Цѣна 40 коп.

23) О древнихъ могилахъ у Мухеты, исследованныхъ въ 1871—1872 годахъ г. Байерномъ В. Г. Тизенгаузена. Цѣна 10 коп.

24) Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Каванской губерніи и хранившихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и его Библиотекѣ. Составилъ И. Э. Токиаковъ. 15 стр. 4°. Цѣна 15 коп.

25) О землѣ половецкой (Историко-географическій очеркъ). Н. Аршстова. Киевъ. 1877. 26 стр. 8°. Цѣна 30 коп.

26) Двухсотлѣтней памяти И. И. Неилъева. 1894. Цѣна 25 коп.

27) Дуброва, Я. П. Бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи до изданія закона 15 марта 1892 года. 1898. Цѣна 2 руб. 50 коп.

28) Катаиовъ, Н. Э. Описаніе одного металлическаго зеркала съ арабскою надписью. 1898. (Ср снимкомъ). Цѣна 15 коп.

29) Уставъ Общества Арх. Ист. и Этн. при Император. Каван.

Унив.: изд. 1878 г. 13 стр. 8°. ц. 10 к.

1895 г. 7 стр. 8°. ц. 10 к.

1898 г. 11 стр. 8°. ц. 10 к.

30) Отчеты Общ. Арх. Ист. и Этн. за 1878—1900 годы по 25 коп.

31) Пономаревъ, П. А. Ананьинскій могильникъ. 1892. стр. 34. 8°. 35 к.

32) Магницкій, В. К. Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго Чебоксар. у. Каван. губ. 1877. стр. 160. 8°. ц. 1 р.

33) Магницкій, В. К. Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣрн. 1881. стр. 267. 8°. ц. 1 р. 50 коп.

34) Спицынъ, А. Программа для описанія доисторическихъ древностей Вятской губ. 1886. стр. 30. 8°. ц. 10 коп.

35) Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Предварительнаго Комитета IV Высочайше разрѣшеннаго Археологическаго Съѣзда. 1877. Стр. 30. 8°. ц. 10 коп.

36) Записка по поводу реферата Г. Н. Потанина «У воляковъ Елабужскаго у.» С. К. Кузнецова. 1882. Стр. 411—419. 8°. Ц. 5 коп.

37) Инструкціи, утвержденныя III Археологическимъ Съѣздомъ въ Киевѣ для: 1) описанія городищъ, кургановъ и пещеръ и 2) для раскопокъ кургановъ. 1879. Стр. 7. 8°. 5 коп.

38) Указатель выставки при четвертомъ археологическомъ съѣздѣ. Стр. 94. 8°. Ц. 50 коп.

39) Магницкій, Къ біографіи Василя Левапасьевича Сбоева. Стр. 5. 8°. Цѣна 5 коп.

Коммиссіонерами Общества по продажѣ его изданій состоятъ: а) П. А. Дубровина (Каванъ, Гостинный дворъ, № 1, и Воскресенская улица, домъ Мартинсонъ), б) Карлъ Ряккеръ (С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 14), в) Книжный магазинъ «Новаго Времени» (Москва, Неглинный проѣздъ, д. Делре), г) Н. Кимель въ Ригѣ и д) Книжный магазинъ «Букинистъ» (Ташкентъ, Сыръ-даринской обл.).

Образающіеся непосредственно въ Общество Арх., Ист. и Этн. (Каванъ, Университетъ) пользуются 30% уступки и бесплатной пересылкою, если покупаютъ на наличныя деньги; при высылкѣ же заказовъ наложеннымъ платежемъ, съ покупателей взимаются цѣны, показанныя при каждой книгѣ или брошюрѣ.

Канцелярія и книжный складъ Общества открыты ежедневно по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ съ 4 до 6 час. веч., а библиотека Общества—по понедельникамъ съ 1 до 3 час. дня.

Въ 1903 г. «Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Универ-
ситетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ книжками
въ 7—8 листовъ in 8°.

Статьи, присланныя для помѣщенія въ «Извѣстіяхъ», подлежатъ, въ
случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Цѣна годовому изданію 5 руб.; желающіе могутъ внести подписную
сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 июля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ раз-
мѣръ 5 р.: и лица, помѣщающія свои статьи въ каждомъ выпускѣ, получаютъ
изданіе безплатно.

Подписныя суммы и статьи адресуются: Въ г. Казань, Университетъ,
Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

Цѣна этого выпуска 1 рубль.

5211
190